

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2022 – № 2 (выпуск 44)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); канд. филол. наук **Ю. В. Лиморенко** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажобаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюнтешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета; д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБит СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугунекова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2312-6337

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2022 – No. 2 (Issue 44)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2022. – No. 2 (Issue 44)
Founded in 1995, the Journal is issued twice a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **Yu. V. Limorenko**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkinova**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Head of Editorial council; **A. E. Anikin**, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veysalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2312-6337

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

- Рейли М. В.* (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН)
Формулы гостеприимства в русских сказках Урала и Сибири 9–22
- Арбачакова Л. Н.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Эпические формулы в текстах шорского сказания
«Мерет-оолак» / «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» 23–32

Обрядовый фольклор

- Ойноткинова Н. Р.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Зооморфный код в мифоритуальной традиции алтайцев 33–42

Этномузыковедение

- Солдатова Г. Е.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Прозаический фольклор ваховских хантов (к интерпретации современных записей) 43–52

История науки о фольклоре

- Торокова Е. С.* (Абакан, ХакНИИЯЛИ)
Хакасский фольклор в записях В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова 53–62
- Мясникова С. А.* (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского)
Народная культура белорусов Омского Прииртышья. Историография.
Исследования. Перспективы развития темы 63–77

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

- Добринина А. А.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Интонационное оформление диктальных вопросов со словом *кем* ‘кто’
в алтайском языке 78–84

Шестера Е. А. (<i>Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет</i>) Интонация побудительных высказываний телеутского языка: XX век и начало XXI века	85–99
Шамрин А. С. (<i>Новосибирск, НГУ</i>) Южно-кёнсанский консонантизм в контексте диалектов корейского языка и языков алтайской макросемьи	100–113
Морфология	
Ильина Л. А. (<i>Новосибирск, ИФЛ СО РАН</i>) Значение концепции Р. О. Якобсона для исследования категории засвидетельствованности	114–122
Синтаксис	
Чугунекова А. Н. (<i>Абакан, ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова</i>) Уступительные конструкции в хакасском языке	123–133
ХРОНИКА	
Ойноткинова Н. Р. (<i>Новосибирск, ИФЛ СО РАН</i>) Об ученом-фольклористе Клавдии Ергековне Укачиной	134–136

CONTENTS

FOLKLORISTICS

Narrative Folklore

Reili M. V. (*Saint-Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*)

Formulas of hospitality in Russian fairy tales of the Urals and Siberia 9–22

Arbachakova L. N. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Epic formulas in the texts of the Shor epic “Meret-oolak” / “Meret Olak with a magic horse” 23–32

Ritual Folklore

Oynotkinova N. R. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

The zoomorphic code in the mythological and ritual tradition of Altaians 33–42

Ethnomusicology

Soldatova G. E. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Prose folklore of the Vakh Khanty (to the interpretation of contemporary records) 43–52

The History of Folklore Studies

Torokova E. S. (*Abakan, Khakass Research Institute of Language, Literature and History*)

Khakass folklore in the records of V. V. Radlov and N. F. Katanov 53–62

Myasnikova S. A. (*Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky*)

Traditional culture of the Belarusians Omsk Irtysh region. Historiography. Research. Prospects for the development of the topic 63–77

LINGUISTICS

Phonetics

- Dobrinina A. A.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Intonation of the dictum questions with the interrogative word *kem* in the Altai language 78–84
- Shestera E. A.** (*Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University*)
Intonation of imperative statements of the Teleut language: 20th century and early 21st century 85–99
- Shamrin A. S.** (*Novosibirsk, Novosibirsk State University*)
South Kyungsang consonant system in the context of the Korean language dialects and the Altaic language family 100–113

Morphology

- Ilyina L. A.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
The significance of R. Jakobson's concept for the study of the category of evidentiality 114–122

Syntax

- Chugunekova A. N.** (*Abakan, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University*)
Concessive constructions in the Khakass language 123–133

CHRONICLE

- Oynotkinova N. R.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
About the folklore scientist Klavdiya Ergekovna Ukachina 134–136

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 395, 398.21, 398.3, 398.4
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-9-22

Формулы гостеприимства в русских сказках Урала и Сибири

М. В. Рейли

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Автор статьи выявляет место и роль традиционных формул гостеприимства в русских волшебных сказках Сибири и Урала, характерных для изображения встречи Яги-помощницы и героя-протагониста. Методом сплошной выборки был составлен корпус устойчивых формул гостеприимства. Материалом исследования послужили тексты волшебных сказок, опубликованные в наиболее известных сборниках. В статье представлен развернутый анализ структуры и функций формул гостеприимства, характерных для волшебных сказок сибирско-уральского региона. Автор сопоставляет их с аналогичными формулами, характерными для репертуара Севера и Юга России. При выявлении формул гостеприимства учитываются как вербальные, так и невербальные, поведенческие маркеры персонажей. Предлагается предварительная классификация внутренних медиальных формул в рамках обозначенной темы, уточняющая классификацию, предложенную Н. Рошияну, и выявляется их региональная специфика.

Ключевые слова

русские в Сибири, сказка, сказочные формулы, Баба-Яга, мифология, текстология

Для цитирования

Рейли М. В. Формулы гостеприимства в русских сказках Урала и Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 9–22. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-9-22

Formulas of hospitality in Russian fairy tales of the Urals and Siberia

M. V. Reili

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper discusses the complexity and multidimensionality of the image of Baba Yaga in the Siberian fairytale tradition. The most important functions of the Russian fairytale characters are marked with formulas. The aim was to identify the place and role of traditional formulas of hospitality in Russian fairy tales of Siberia and the Ural characteristic for the depiction of the meeting of Yaga-helper and the protagonist hero by analyzing their structure

© М. В. Рейли, 2022

and functions. Since the theme concerned has not been studied enough in the scientific literature, this work is not of theoretical but rather of a textological nature. The formulas of the fairytale texts from the most famous Siberian collections were studied and compared with similar or complementary formulas typical of North Russian and South Russian fairy tales. The author proceeds from the division of the fairytale formulas into three large groups: initial, medial, and final. A preliminary classification of internal medial formulas has been proposed within the framework of the topic in question, clarifying the classification by N. Roshianu. Additionally, the regional specificity of these formulas has been revealed. Speaking about the formulas of hospitality, both verbal and non-verbal, the behavioral markers in the process of communication between the hero and Yaga were taken into account.

Keywords

Russians in Siberia, fairy tale, fabulous formulas, Baba Yaga, mythology, textology

For citation

Reili M. V. Formuly gostepriimstva v russkikh skazkakh Urala i Sibiri [Formulas of hospitality in Russian fairy tales of the Urals and Siberia]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 9–22. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-9-22

Сибирская сказочная традиция демонстрирует сложный, многомерный образ Бабы-Яги: с одной стороны, он сохраняет черты, говорящие о его древних мифологических корнях (Яга как хтонический персонаж, страж или хозяйка иномирья, распорядительница судьбами героев, хозяйка, в чьей власти природные стихийные силы), с другой – демонстрирует результаты пройденной трансформации: утрата маркеров древнего мифологического существа высшего порядка, всех следов сакральности образа и обретение явных черт персонажа бытовой мифологии – ведьмы. Все эти качества проявляются в ходе ее взаимодействия с героем, где она выполняет функцию помощницы.

Как известно, важнейшие функции персонажей отмечены формулами. Главная цель настоящей работы состоит в выявлении места и роли традиционных формул гостеприимства в русских волшебных сказках Сибири и Урала в отношениях Яги-помощницы с героем, исходя из анализа их структуры и функций; проведения предварительной инвентаризации и классификации этих формул и выявлении, насколько это возможно, их региональной специфики. Материалом исследования послужили опубликованные коллекции русских народных сказок, записанных на территории Сибири и Урала в первой половине XX в.

Вопросы формульности в фольклоре и в частности в русской сказке рассматривались в работах таких отечественных ученых, как В. Я. Пропп [1969, 1986], Н. В. Новиков [1974, с. 133–146, 159–180], Г. И. Мальцев [1989], Н. М. Герасимова [1978а, 1978б, 1995] и др., которые опирались в том числе на опыт своих зарубежных предшественников.

В настоящей работе мы исходим из разделения сказочных формул на три большие группы: а) инициальные формулы; б) медиальные формулы; в) финальные формулы. При этом инициальные и финальные формулы изучались чаще и подробнее; медиальные же формулы, особенно внутренние, встречающиеся в основной части повествования, наоборот, занимают сравнительно незначительное место в работах, посвященных сказке, и, как правило, лишь перечисляются в исследованиях без указания на их функциональные особенности. Н. Рошияну писал, что «богатство и разнообразие медиальных формул вызвало трудности в их систематизации и классификации, поэтому исследователи прибегали в конце концов <...> к их инвентаризации» [Рошияну, 1974, с. 88–89]. Он отмечал, что самой богатой группой формул располагает герой, за которым следует «антагонист, помощник, отправитель, даритель...» [Там же, с. 131], т. е. в нашем случае Баба-Яга, которая является одновременно и тем, и другим, и третьим... Но именно медиальные формулы можно назвать в то же время и магическими, а те, в свою очередь, «являются факторами, приводящими в действие самые важные элементы сказки – помощников героя», – пишет Н. Рошияну. «А известно, – продолжает он, – что герой становится настоящим героем как раз благодаря этим помощникам; впрочем, без них в сказке невозможен вообще никакой героический поступок» [Там же, с. 122–123].

В данной статье мы будем опираться не столько на теоретические работы, ибо информация по нашей теме в них минимальна, сколько на текстологический анализ материалов наиболее извест-

ных сборников сказок Сибири и Урала, а также взятых для сравнения сказочных текстов северно- и южнорусских сборников¹.

Говоря о формулах гостеприимства, мы имеем в виду как вербальные, так и невербальные, поведенческие маркеры в процессе общения героя с Ягой, к которой его закономерно приводит путь. Цель путешествия (иногда она меняется в процессе перемещения героя) неизбежно приводит к жилищу Яги, которое герой может миновать, только зайдя предварительно внутрь его и пообщавшись с хозяйкой (ср. образ «заставы богатырской» в эпосе, только от противного).

Таким образом, именно цель путешествия обуславливает встречу героя с Бабой-Ягой. Его вторжение на чужую территорию, где Яга (как помощница, так и противница) обладает собственным жильем, встречает, как правило, недвусмысленный отпор хозяйки этого пространства. Здесь он – незванный гость, почему ему и требуется подтверждение статуса «своего» во избежание открытого конфликта (с помощью обрядовой формулы либо знакового предмета, посланного родственницей Яги, и т.п.).

Н. Рошияну в числе внутренних медиальных формул² выделил пять подгрупп: «1) формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы; 2) формулы, описывающие действия сказочных персонажей; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных (персонажей); 4) “магические формулы”; 5) формулы, содержащие элементы, характерные для инициальных формул» [Там же, с. 98]. Данная классификация и будет взята за основу исследования.

Посмотрим, как проходит встреча героя с Бабой-Ягой, какие формулы при этом используются.

1. Первая группа – **«формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы»**. Добавим от себя, что в нашем случае они даны не в виде диалога, а с помощью описаний внешних маркеров поведения.

В этой группе, говоря о формулах гостеприимства, на момент встречи персонажей имеет значение:

1.1. **Формула, отображающая телоположение Яги в пространстве.** Яга предстает перед героем / героиней либо просто пожилой, старой женщиной (старушкой, бабушкой), иногда даже девицей, либо чудовищной старухой с гипертрофированными частями тела, зачастую проявляющей недвусмысленную агрессию по отношению к герою. В фольклористике утвердилось представление, следующее из концепции В. Я. Проппа и поддерживаемое Н. В. Новиковым, будто Яге свойственно статичное положение – она, как правило, в избушке *лежит*. И для большинства сибирских текстов это справедливо, хотя иногда она и сидит, и стоит, и активно действует.

Но обратимся к текстам, где Яга, действительно, лежит: «*лежит в избушке Баба-Яга*» (Перм.: Зел., Перм., 55); «*лежит Яга-Ягишня из угла в угол*» (Бурят.: РССиДВ, 15)³; «*Лежит старушка, из угла в угол протянулась, а брюхо уперла в потолок*» (Бурят.: РССиДВ, 12); «*лежит в избе старуха – баба яга-костяная нога⁴, из угла в угол руки протянула, одна нога в потолок, а друга в наволок, носом поводит*»; «*лежит баба яга-костяная нога, аришны зубы, одна нога за порогом торчит, другая из трубы вылезла*»; «*лежит в избе старуха, баба яга-костяная нога, нос в потолок врос⁵, одна нога за облако задевает, другая в речке белье полощет*» (Урал., с. 200–205); «*Баба Яга лежит из угла в угол, ноги крючком*»; «*Сама старша одноглаза была*»; «*Эта Двоглазка*»; «*Там Трехглазка*» (Забайкалье: Зин., 25); «*Яга-Ягишня лежит – в одну стену уперлась ногами, в*

¹ См. «Список сокращений источников текстов». В статье ссылки на источники сказочных текстов даны в круглых скобках после цитирования. Там же указан регион записи текста – см. «Список сокращений географических названий». Сравнительный материал будет приводиться в подстрочных примечаниях, дабы не утяжелять основной текст.

² Имеются в виду формулы, которые «прямо связаны с определенными элементами сказки и образуют с ними неразрывное единство», и, как правило, сопровождают «персонаж (предмет) или эпизод и т.д.» [Рошияну, 1974, с. 131].

³ Ср.: Север: Волог.: Аф., 235, Г., 16; Спр. 1, 35; Вят.: Спр. 1, 141.

⁴ Ср.: Север: Арх.: Нкф., 86; Сок., 55; Зел., Вят., 118; Мурм.: Б., 7; 88; Олон.: Крн., 14; Раз., 69.

⁵ Ср.: Север: Волог.: Аф., 235; Г., 16; Спр. 1, 35; Мурм.: Б., 7; Юг: Моск.: МС, 44.

другую стену головой» (Перм.: Зел., Перм., 20)⁶; «отворяет дверь – она не отворяется. А там Яга баба на полу валяется»; «Посмотрел он к ей в окошко: она грызёт живую кошку. <...> Старуха ноги убрала – и приперта дверь была иё большім ногами» (Перм.: Зел., Перм., 28). Судя по этим цитатам, Яга действительно чаще недвижима (лежит или сидит). Подавляющая часть приведенных в статье цитат подтверждает справедливость концепции В. Я. Проппа.

Именно в этих текстах, как правило, подчеркиваются гипертрофированные черты облика Яги: сама она заполняет собой все жилище (из угла в угол) и даже выходит за его пределы; у нее несо-размерно большие зубы, нос, брюхо, руки, ноги, которыми она совершает активные действия; у сестер-Ягишен разное количество глаз: от трех до одного у самой старшей из них (как тут не вспомнить циклопов).

В ряде текстов герой / героиня застаёт ее сидящей: *сидит старушка* (Низ. Ангары: Пот. 1, вып. 2: 5; Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 13; ср.: Иркутск.: РССиДВ, 16); «сидит Яга Ягишна, старенькая»; «Сидит баба-яга. Да старая-престарая, седая, нос крючком»; «Ох, и старая-то-престарая старуха сидит, дак аж мохом обросла» (Лена: Шаст., 26); *старуха сидит седая-приседая, длиннозубая; сидит старуха старая-старая, зубы вострые; сидит старуха, седая-приседая, глаза большие, зубы востры* (Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 10); «на печи сидит Ягишна старая-престарая, сахар гложет, только хрупоток стоит» (Урал., с. 189–193); «а на грядке сидит Баба-Яга: одна нога у её на полке, а друга на грядке» (Перм.: Зел., Перм., 67); «а в избушке ягишна – сидит за пряслицей, прядет шелкову кудельку на золотое веретенце» (Перм.: Аф., 174); «зашел в избу, та вьет золото, свила его» (Курган.: Аф., 267)⁷. Как видим, гипертрофированных частей тела здесь почти не наблюдается, но зато настойчиво подчеркивается древний возраст Яги.

В трех сибирских текстах Яга встречает героя стоя: *стоит баба-ягишна* (Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29, 38); «стоит старая-престарая старуха, сама большая-пребольшая» (Иркутск.: РССиДВ, 16)⁸; «зашел в избушку, а в ней баба Яга костяная нога, морда глиняная» (Перм.: Спр. 2: 279, 281)⁹.

Прямого указания на то, что Баба-Яга – великанша, нет, но в текстах почти повсеместно подчеркиваются ее аномальные размеры, гипертрофированность отдельных частей тела, их необычность. На исполинские габариты Яги традиционно указывает то, что она словно заполняет собой все пространство своего жилища. Благодаря такому описанию складывается странное впечатление, будто отдельные части тела Яги существуют самостоятельно, живут по дому своей жизнью и даже «срастаются» с ним, наводя на мысль о единстве Бабы-Яги и пространства, в котором она существует, «ее» пространства. При этом очевидно, что ряд признаков в сибирской традиции не встречается, зато они очень распространены на Русском Севере¹⁰.

Все это характеризует Бабу-Ягу как персонаж демонический и воинственный.

3. «Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей)».

⁶ Ср.: Север: «голова на лавке, ноги в трубе» (Волог.: Сок., 66).

⁷ Но и пассивность сидящей Яги по большей части лишь кажущаяся. В севернорусской традиции текстов, когда она просто сидит на печи или на печном столбе, не так много (Волог.: ВС, 11, 33; Сок., 139; Олон.: КС, 9). В преобладающем же числе случаев она занимается женской работой: *прядением, плетением, вязанием, ткачеством* («предёт шёлковой кужель на золотё веретёнце», тонкий шелк, шерсть и т. п., плетет шелковый пояс (Арх.: Аф., 178; Крн., 46; Сим., 11; Волог.: Сок., 139; Г., 17; Вят.: Зел., Вят., 13; Мурм.: Б., 59; Олон.: КС, 9; Раз., 12; Ряз.: Худ., 103), «ткет утирки» (Тамбов.: Аф., 171); или *вяжет помело* (Волог.: Г., 17), *блины некот* (Вят.: Зел., Вят., 74).

⁸ Ср.: Север: Олон.: Крн., 7.

⁹ Ср.: Север: Арх.: Крн., 14; Волог.: Сок., 55.

¹⁰ См.: «титки через грядку веснут»; грудью «печку затыкает» (Мурм.: Б., 1, 33; Крн., 10; Арх.: Крн., 14; Олон.: Раз., 69); волосами Яга «в печи пашет» (Волог.: Сок., 55); глаза «на полицки» (Мурм.: Б., 7); носом «в жаратке копает», «уголья гребет», «в печи мешает» (Мурм.: Б., 1, Крн., 10; Олон.: КС, 9, Раз., 69; Арх.: Крн., 14, Сим., 11), «губы на грядке» (Волог.: Аф., 235; Г., 16), губами «горшки волочит» (Мурм.: Б., 7, 59); языком «в печи пашет», «мосток подпахивает» (Мурм.: Б., 1, 7, 59; Крн., 10; Арх.: Крн., 14; Олон.: Раз., 69) и т. д.

3.1. **Формула опознания (вербальная).** В большинстве случаев, почуяв незваного гостя, Яга сообщает своим возгласом: «Фу-фу-фу, русским духом пахнет!..» (Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 10, Низ. Ангара: Пот. 1, вып. 2: 5; Том.: Пот. 1, вып. 2: 15; Перм.: Смр. 2: 279, 281)¹¹, что пришедший не остался незамеченным. Таким образом, о появлении гостя, в первую очередь, сигнализирует его запах, чуждый для того пространства, в которое попадает герой. Запах незваного гостя неприятен Яге. Это и есть самая устойчивая часть формулы приветствия. В одном из вариантов встречаем весьма экспрессивную формулу, идущую от противного: «Ху, неруськой дух!» (Перм.: Зел., Перм., 28), что только подтверждает общее правило о чужеродности пришедшего гостя пространству Яги. Как справедливо было замечено Н. В. Новиковым, Баба-Яга чувствует в пришельце чужого – «русский дух» либо «русскую кость» [Новиков, 1974, с. 139]. Кроме того, это приветствие свойственно всем сказочным персонажам-людоедам (Змей, Лихо Одноглазое и др.), имеющим, по преимуществу, оседлое место пребывания (собственное жилье). Речь здесь идет не о любом постороннем вообще, а о земном человеке, который приходит в иной мир. Мир героя-протагониста отождествляется в понимании русского сказочника с родной землей (Русью).

При этом часть формулы (*фу-фу-фу*) может опускаться, а вторая часть формулы (после двойного или тройного «фу») варьируется, являя собой следующий смысловой фрагмент, который представляет собой явную или скрытую угрозу.

3.2. **Формула констатации исключительности происходящего и угрозы «чуждому».** В фольклористике широко известен тезис В. Я. Проппа о слепоте Бабы-Яги: «<она> не высматривает, она “выслушивает” (“хватает”), так же как она вынюхивает пришельца» [Пропп, 1986, с. 72–73]. Яга *чуёт* и *слышит* героя: «Фу, фу, русским духом пахнет!» (Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 10); «*русскова духу слышно!*» (Перм.: Зел., Перм., 67); «баба Яга услышала и говорит: “Фу! Фу! Русским духом пахнет, русская костка на двор пришла”» (Перм.: Смр. 2, 279, 281); «*русскова духу слыхом не слыхала, а русский дух сам в ызбу зашол!*» (Перм.: Зел., Перм., 55). Тем не менее признанная гипотеза В. Я. Проппа о слепоте Яги может быть подвергнута сомнению. В русских сказках, записанных в Сибири и на Урале, достаточно примеров, согласно которым Яга ссылается и на **зрение**: «*русского духа слыхом не слышать, видом не видать, а русский дух сам на двор пришел*» (Урал., с. 200–205); «*русскова духу срóду не видала, руськой дух ко мне сам пришел!*» (Перм.: Зел., Перм., 20; ср.: Том.: Пот. 1, вып. 2: 15; Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38; Урал, с. 200–205); «*Раньше было русской костки слыхом не слышать, видом не видать, а нынче русская костка сама во двор пришла*» (Том.: Пот. 1, вып. 2: 15, Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29; ср.: Перм.: Аф., 174; Курган.: Аф., 267; Перм.: Смр. 2: 279, 281; Бурят.: РССиДВ, 15); «*Зашол Ипат в избушку, смотрят друг на дружку*» (Перм.: Зел., Перм., 28).

Напомним, что в мифологических рассказах (быличках) герой обычно не видит мифологических существ, хотя сам он для них видим. Герой начинает видеть «тонкий мир» обычно в результате какой-то допущенной неосторожности (в глаза попали брызги воды от обмывания ребенка мифологического существа и др.). Возможен и вариант проклятия, «неосторожного слова», в результате которых человек «выпадает» из обыденного мира и попадает в мир духов. Кроме того, согласно народным верованиям, человек становится доступным для общения с мифологическими существами, находясь в переходном состоянии (классические 40 дней, необходимые для трансформации и закрепления нового качества во время беременности, родов, свадьбы, похорон и др.).

В ряде текстов традиционная формула дополняется прямой угрозой: «*Хам-сьем!*» (Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38); «*Съем я тебя, Ипат!*» (Перм.: Зел., Перм., 28; ср.: 67); «*Кака-то красна девка пришла. Я иё съем*» (Перм.: Зел., Перм., 67)¹²; «*“Ах, Иван-царевич! – говорит ему баба Яга. – Зачем ты зашел сюда; ведь я тебя похитю”*» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 13).

¹¹ Ср.: Север: «Словно русским духом пахнет, кто там?» (Волог.: ВС, 11; Мурм.: Б., 7, 27; Крг., 7, 9; Арх.: Крн., 46; Смр. 1, 1); «пахнет, съем...» (Волог.: Г., 17); Юг: Вят.: Зел., Вят., 118; Казан.: Худ., 14; Ряз.: Худ., 18, 103. Сущностная составляющая этой части диалога подробно проанализирована и охарактеризована В. Я. Проппом [1986, с. 64–69].

¹² Ср.: Север: Волог.: Г., 17: «съем, погублю, кости высосу» – и не менее жесткие формы: Арх.: Аф., 157, 178; Волог.: Смр., 35; Сок., 55, 139; ВС, 33; Мурм.: Б., 7; Крг., 7, 9, 10; Олон.: КС, 6; Раз., 12, 69; Юг: Вят.: Зел., Вят., 86, 117; Ряз.: Худ., 103.

Приветственная формула подтверждает основное положение В. Я. Проппа о чуждости для Яги принадлежащего миру живых героя. Баба-Яга воспринимает его не только по запаху, но и зрительно, что свидетельствует о переходном состоянии героя в момент его встречи с Ягой. Его трансформация началась, он открыт и доступен восприятию медиатора – стража границы, функционирующего между мирами, и любого существа иного мира.

3.3. **Формула определения целеполагания героя.** После того как героя обнаружили, как правило, следует вопрос о цели его путешествия. Иногда этот вопрос является реакцией на грамотное речевое поведение героя, опуская взаимное формульное приветствие, и также сводится к традиционному набору вариантов: «Куда же ты, молодец, пошел?» (Урал., с. 189–193; ср.: Перм.: Зел., Перм., 28; Курган.: Аф., 267; Бурят.: РССиДВ, 15); «Куды пошел, куды побрел?» (Низ. Ангары: Пот. 1, кн. 2: 5, Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38)¹³. «Куда же ты, сынок, пошел, куда побрел, куда Бог понес? Скажи, поведай истинную правду» (Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29); «Куды пошул, куды путь держишь?» (Бурят.: РССиДВ, 12); «Куда, молодец, путь держишь?» (Низ. Ангары: Пот. 1, кн. 2: 5, Барн.: Пот. 1, кн. 2: 38; Перм.: Смр. 2: 279, 281; ср.: Лена: Шаст., 26: «далеко ли путь держишь?»)¹⁴; «А куда же ты, дитятко, путь держишь?» (Забайкалье: Зин., 24); «Куда иде, молодуха, зачем?» (Забайкалье: Зин., 47); «Далеко ли ты, дитятко, в путь собрался?» (Перм.: Смр. 2: 279, 281; ср.: Забайкалье: Зин., 24: «Ты куды, дитятко, собрался?»); «Куды жо ты поехал?» (Перм.: Зел., Перм., 20; Забайкалье: Зин., 24, 25; ср.: Перм.: Аф., 174: «Куда, русска коска Иван-царевич, поехал?»); «Но, откуда это ты, дитятко, идешь и куды?»; «Расскажи-ка молодой человек, куды идешь? Зачем идешь и откуда?»; «Ну, дитятко, расскажи, чей, откуда и куда путь держишь?» (Иркутск.: РССиДВ, 16); «Откель, молодец, идешь? Откель и куды, и зачем сюда зашел?» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10); «Зачем ты сюда зашел?» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10, 13; ср.: Урал, с. 200–205: «Зачем, красавица, пожаловала?»)¹⁵; «Здравствуй, Иван-царевич! Чего тебе надо?» (Том.: Пот. 1, кн. 2: 15); «За какими делами последовал?» (Лена: Шаст., 26); «Где же ты проживался?»; «Где же ты, милой друх, проживался?» (Перм.: Зел., Перм., 1). Встречается и эпическое: «куды ты русска кость поднялась?» (Низ. Ангары: Пот. 1, вып. 2: 5. Там же: «Куды же ты, дитятко, поднялась?»).

Таким образом, основные вопросы, которые интересуют Ягу в момент встречи незваного гостя: куда? далеко ли? за какими делами? откуда? зачем? чего надобно?

3.4. **Формула обозначения изолированности пространства иномирья.** Иногда Баба-Яга дополнительно указывает на недосыгаемость и безжизненность пространства, где она пребывает: «Здесь не то что люди, звери-то не ходят, и птицы не летают» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10)¹⁶. Этот мотив лишь единожды встретился в сибирских текстах, совсем не встретился на Юге, зато очень распространен на Севере России.

Таким образом, встреча с Ягой-людоедкой, одной из наиболее древних ипостасей образа Яги, в большом количестве случаев начинается с прямой угрозы съесть героя. При этом ей изначально как бы безразлична его судьба. Но она откликается на его требование следовать этикету.

3.5. **Формула ответа героя на приветствие Яги,** как и положено, не менее традиционна, но имеет свои варианты:

¹³ Ср.: «Дело пытаешь или от дела лытаешь?» (Тамбов.: Аф., 171; Воронеж.: Аф., 219; 204; Ряз.: Худ., 5, 18; Сад., 4); «Зачем, добрый молодец, Иван-царевич сюда зашел? Волею или неволею?» (Оренбург.: Аф., 232; Вят.: Зел., Вят., 13); **Север:** Арх.: Нкф., 41, 49, 51, 86, 131; Онч., 167; Сим., 11; Мурм.: Б., 43, 57. То есть имеет значение степень свободы воли героя.

¹⁴ Ср.: **Север:** Арх.: Аф., 175, 178; Онч., 8; Нкф., 41, 49, 51, 66, 86; Ржд., 38; Сим., 11; Волог.: ВС, 33; Сок., 66; Вят.: Зел., Вят., 47, 74; Мурм.: Б., 1, 59; КС, 9.

¹⁵ Ср. **Север:** Арх.: Нкф., 41, 49, 51, 86; **Юг:** Воронеж.: Аф., 219, 204; Моск.: МС, 37, 44; Ряз.: Худ., 103; «Гой еси, добрый молодец!» (Саратов.: Аф., 269; ср.: Воронеж.: Купр., 1; Ряз.: Худ., 5); **Север:** Арх.: Аф., 178; Нкф., 41, 49, 51, 86; Онч., 8; Мурм.: КС, 9) и т.п.

¹⁶ Ср.: **Север:** Вят.: Смр. 1, 141; Зел., Вят., 118; «Я живу здесь триста лет, и мимо меня только в тридцать лет проходил один цѣловек. Кто проходит здесь, мимо меня не пройдет, и кто ежели может меня уговорить, тот прохидит дальше» (Мурм.: Крг., 9 и др.). «никакой черный ворон мимо не пролятывал, добрый молодец мимо не прохаживал» (Мурм.: Б., 88, 59; Крг., 10; ср.: Мурм.: Б., 43, 57; Арх.: Онч., 8); мимо меня ни конной не проезживав, ни пешой не прохаживав, птиця не пролятывала, зверь не прорыскивал (Мурм.: Б., 65; Волог.: Смр., 26).

3.5.1. **Императивная:** «Прежде, старуха, напой, накорми, потом вести расспроси» (Курган.: Аф., 267; ср.: Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29, 38; Перм.: Зел., Перм., 20, 28, 67)¹⁷; «От, бабушка, я ись хочу. Напой, накорми, дай отдохнуть, уснуть, а потом спрашивай» (Иркутск.: РССиДВ, 16); «Бабушка-сударушка, напой, накорми, тогда вести расспроси!» (Перм.: Спр. 2: 279, 281; Урал., с. 189–193: «А напой, накорми, да тожно вести расспроси»; Перм.: Аф., 174: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси»); «А ты, бабушка, не сердись, сначала напой, накорми, а потом ответ спрашивай»; «Не ругайся, бабушка, напой, накорми, а потом ответ спрашивай» (Урал., с. 200–205); «Нет, не ешь! Сперва напой, накорми, спать уложи, да спроси: чья? откуда?» (Перм.: Зел., Перм., 67).

3.5.2. **Констатация герою факта нарушения законов гостеприимства и указание на неправомерность поведения Яги по отношению к гостю:** «Бабушка, не напоила и не накормила, вздумала спрашивать» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10; ср.: Лена: Шаст., 26); «Не напоила, не накормила, стала голодных вестей¹⁸ спрашивать!» (Низ. Ангары: Пот. 1, кн. 2: 5); «Что ты, бабушка, не накормила, не напоила, стала вести спрашивать» (Бурят.: РССиДВ, 15).

На угрозу быть съеденным герой отвечает зачастую в агрессивной и даже оскорбительной форме и словом, и делом: «Ах ты, старая! Не напоила, не накормила, стала вести выспрашивать» (Том.: Пот. 1, кн. 2: 15); «Цыц, стара б...ь, сама себя ешь»; «Нет, бабушка, не ешь меня, а ешь сама себя» (Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38); «“Врёишь, стара чертовка, подавишься!.. А ты, старуха, не сердись, а с Ипатом помирись! А сварю-ко мне суп, да из трёх губ – одну свиныйну, и мышину, и верблюжину!” (Перм.: Зел., Перм., 28); «Штó ты, старая сука, делаешь? В протчих деревнях так ли делают старухи? А ты должна баньку истопить, выпарить, вымыть и спросить: где ты прожился?»; «“Эх ты, старуха! В протчих деревнях так ли делают? ты должна добром обходица!” Тычёт ей лепёшкой в зубы. “Вот что ты делаешь! Ты бы должна баньку истопить, выпарить, накормить и спросить, куда путь клóнит, где прожился?”»; «Он полотенцем ей по глазам хлёт. “Штó ты, старая сука?.. Должна спросить: откудава ты и куды пошол? Вот как в протчих деревнях делают старухи-те: должна про меня баньку истопить, выпарить!” (Перм.: Зел., Перм., 1); «Нет, Яга баба, подавишься! Я тебя убью, Яга баба, и кости камнём придавлю!»¹⁹, – демонстрируя тем самым отсутствие страха перед угрозой смерти²⁰.

Именно в формуле ответа на «приветствие» Яги проявляется умение уговорить или правильное, соответствующее ожидаемой реакции речевое поведение героя. Это те самые слова, которые можно считать ключевыми и которыми можно, как считал В. Я. Пропп, «вынудить вход в иной мир» [1986, с. 79]. Только перед лицом смерти возможна трансформация, переход в качественно новое состояние.

Яга, таким образом, подвергает героя испытанию страхом, и, когда он выдерживает это испытание, поведение Яги резко меняется. Герой признается своим и на правах своего может рассчитывать на ее гостеприимство и помощь.

3.6. **Формула признания героя Ягой (невербальная).** Простейшая и традиционная реакция Яги на достойный ответ героя в тексте, как правило, оформляется ритмической формулой, которая может иметь усеченную форму: «напоила-накормила» («накормила-напоила») (Иркутск.: РССиДВ, 16; Урал., с. 200–205), «напоила-накормила и выспросила» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10; Урал., с. 189–193; Бурят.: РССиДВ, 12)²¹; более традиционную, тройную формулу: «Старуха напоила, накормила и спать положила» (Курган.: Аф., 267; Перм.: Зел., Перм., 67)²² или следовать в другом порядке, отчасти или полностью утратившем присущие формуле рифму и ритм: «Баба Яга напоила, накормила ца-

¹⁷ Ср.: Север: «Ты бы дорожного человека напоила и накормила и на добро поучила» (Волог.: Спр. 1, 35; ВС, 33; Мурм.: Крг., 9; Юг: Саратов.: Аф., 269; Вят.: Зел., Вят., 13, 47, 86, 117; Спр. 1, 141); «Сперва напой, накорми, учеть расспроси!» (Вят.: Зел., Вят., 118); Ряз.: Худ., 5) и др.

¹⁸ В издании: «вещей» – видимо, опечатка.

¹⁹ Так же герои сказок поступают с убитыми ими Змеями.

²⁰ Ср. с запретом на страх при столкновении с персонажами «низшей» мифологии или в ритуалах передачи колдовского искусства в быличках. А в одном из южных сказочных текстов встречаем подтверждение высокой оценки, данной бесстрашию героя: «Баба Ягинышна удивилась такому бесстрашному ответу и помиловала его» (Нижегор.: Ков., 10).

²¹ Ср.: Юг: Воронеж.: Аф., 219; Купр., 1; Оренбург.: Аф., 232; Вят.: Зел., Вят., 13, 118.

²² Ср.: Юг: Вят.: Зел., Вят., 117, 13, 47; Ряз.: Худ., 18, 103.

ревича и опять спрашивает» (Перм.: Смр. 2: 279, 281; Аф., 174; Забайкалье: Зин., 24); «Накормила баба Яга Машу досыта, про горе выпросила» (Урал., с. 200–205).

Вербальная формула может «расцветиваться» и чередоваться с невербальными: «Ну, бабка тут живо развернулась. “Садись, Иван-королевич, покушай”. Ну, он по обычаю и сел. Наелся, напился и спать увалился» (Лена: Шаст., 26); «Старуха одумалась: затопила баню, выпарила, накормила ево»; «Одумалась старуха. “Ладно, от сестры ты гостинец принёс, лепёшку”. Истопила баню, выпарила, накормила»; «“Ладно, ты принёс от сестры полотенцо: признаю я тебя знакомым”. Истопила баню, выпарила, накормила» (Перм.: Зел., Перм., 1; Енисей: Пот. 1, вып. 2: 13)²³; «старуха стол поставила, наставила напитки, наедки, всякия разныя кушанья; напоила, накормила этого молодца. Положила к себе на колени, начинает в голове искать²⁴, начинает вестей выпрашивать» (Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29, 38).

Сибирским текстам присущ развернутый, балагурный, часто рифмованный характер формулы, что говорит, видимо, о ее заимствовании и первоначальном бытовании в солдатской и промысловой (сугубо «мужской») среде: «Повернулась она, на карачки стала, калачик достала, щей плеснула. “Садись, ешь, русский”»; «Вот старуха стала, стол подернула, щей налила, калачик достала. “Садись, ешь”» (Бурят.: РССиДВ, 15); «Она п...ула – стол поддёрнула, дриснула – штей плеснула, ногу подняла и квасу налила...»; «Она п...ула – стол поддёрнула, б...ула – штей плеснула, ногу подняла и ложки подала» (Перм.: Зел., Перм., 20); «Она ... – стол поддёрнула, ... – штей плеснула, титьками потрясла – булок нанесла... Напоила, накормила, стала дело расспрашивать» (Перм.: Зел., Перм., 55); «Старушка перднула – стол подернула; бзднула – щей хлебнула; на карачки стала – калачиков достала; титьками потрясла – чашки, ложки принесла; с...ль свищет – солонку ищет. Накормила, напоила, стала вещей спрашивать» (Низ. Ангары: Пот. 1, вып. 2: 5; Том.: Пот. 1, вып. 2: 15; «Старуха ....., стол поддернула, ..., щей плеснула. Напоила его, накормила»); «Яга баба п...ула – стол поддёрнула, б...ла – штей плеснула, на корячки стала – луковку достала, на постельку положила и Ипатушку спросила»; «Яга баба смирилась, Ипату за руку схватилась»; «Старуха живо за горшком побежала в лес пешком. Приташишла и дров, начала ему варить. “А што жо ты пекла?” – “А пирожки”. – “Какие пирожки?” – “С сеном, с хреном и на гороховом масле, и пироги с навозом”» (Перм.: Зел., Перм., 28). Подобные формулы встречаем еще только в мурманских, поморских текстах, т. е. все в той же промысловой мужской среде²⁵. Эта начальная часть диалога подробно проанализирована и охарактеризована В. Я. Проппом [1986, с. 64–69].

Как известно, с испражнениями в славянской мифологии также связан ряд поверий и запретов. Неумение соблюдать опрятность при отправлении естественных надобностей служило знаком принадлежности к дикому потустороннему состоянию. В сказках и быличках распространен мотив превращения «гостинцев», принесенных нечистой силой, в кал (навоз), что характеризует противоположность «того» мира миру живых людей. Таким образом, в данном случае необычное поведение Бабы-Яги является нормальным для персонажа «иног» мира, а пища, доставленная подобным образом, является нормальной пищей, хлебом «иног» мира, приятие которой служит элементом инициации героя. Вспомним также о природе и функции комического в фольклоре. Если проводить напрашивающиеся параллели с великими богинями древности, то Яга так же, как и они, сочетает в себе жизнь и смерть и обладает знанием и силами, дающими возможность трансформировать одно в другое.

²³ Ср.: Юг: Саратов.: Аф., 269; ср.: Вят.: Смр. 1, 141.; Воронеж.: Купр., 1; Вят.: Зел., Вят., 86.

²⁴ В народном этикете в знак гостеприимства было принято искать вшей у гостя. Вшивость оценивалась как положительное свойство человека, как неотъемлемый признак *живого* человека. Вместе с тем у русских западное или обильное появление у человека вшей служило предвестием несчастья в семье, в частности его смерти (см.: [СД, 1995, с. 447]). В данном случае, видимо, это и знак гостеприимства, и знак переходного состояния между жизнью и посмертием. В северном материале невеста героя «туда раз в месяц ходит» поискать вшей в голове у Яги (Мурм.: Б., 1; Арх.: Смр., 35) – мотив, хорошо известный по мифологическим рассказам (см., например: Олон.: Раз., 12).

²⁵ Ср.: Север: «Потом сама себя по щеки ударила, по другой приправила: “Ох, я, старая плёха, не накормила, не напоила, стала вести выпрашивать”» (Мурм.: Б., 59, 1, 43, 57, 88); «выскочила баба-яга костяна нога, жопа жилина, м... мылена. Сейчас пёрнула, стол поддернула, бзнула, штей плеснула, жопой потрясла и блинов нанесла, накормила-напоила и спать повалила, и стала вестей спрашивать» (Арх.: Онч., 8).

3.7. **Формула-отсыл к более авторитетному источнику.** Во многих случаях младшая Яга посылает героя к более старшей как более мудрой и знающей: «А, **знаю** <...> А вот подальше живет моя старшая сестра, так она еще лучше знает. Ступай к ней»; «**Знаю**, а только моя старшая сестра еще лучше знает» (Том.: Пот. 1, кн. 2: 15; ср.: Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38 и др.)²⁶.

И тогда старейшая и мудрейшая Яга принимает активное участие в дальнейшей судьбе героя, помогая ему достичь цели с помощью подаренных ею волшебных предметов либо мудрых советов и сопровождающих их магических формул. Советы и дары Яги напрямую связаны с целеполаганием, побудительными мотивами героя и обнаруживают ее **знание** либо **провидческое знание**. Но это уже материал, который нуждается в дополнительном и более подробном рассмотрении.

Таким образом, нам удалось выделить ряд формульных блоков внутри эпизода встречи героя со своим помощником-антагонистом – Бабой-Ягой и дать им предварительное обозначение в рамках предложенной Н. Рошияну классификации.

Подводя итог, можно отметить, что в разновидности внутренних медиальных формул русских сказок Сибири, условно названных нами **формулами гостеприимства**, наблюдается ряд не только общерусских, но и специфических именно для сибирской традиции черт.

Так, говоря о **формулах телоположения** Яги в пространстве, мы обнаруживаем, что в рассмотренном сибирском материале полностью отсутствует связь Яги с печью и очагом, которая особенно ярко выражена в севернорусских текстах. Вместо гипертрофированных грудей, которых мы не встретили ни в одном сибирском тексте, локально появляется большое брюхо (скорее всего, влияние местной, бурятской, мифологии), а в одном тексте – три сестры-яги: Одноглазка, Двоеглазка и Трехглазка, чего ни разу не встретилось ни в северно-, ни в южнорусских текстах. Почти не встречается мотив прядения и ткачества, очень сильно распространенный на Севере.

Формулы, описывающие действия сказочных персонажей, как и **вербальные формулы опознания**, а также **констатации исключительности происходящего и угрозы «чужому»** повсеместно характеризуют Ягу как людоедку и не имеют ярко выраженной региональной специфики.

Формула определения целеполагания героя также носит традиционный, общерусский, характер, хотя полностью отсутствуют две другие формулы: характерная для Севера «*волей или неволей идешь?*» и для Юга – «*дело пытаешь, али от дела лытаешь?*»

Формула обозначения изолированности пространства иномирья в сибирском материале встречается лишь единожды, хотя очень распространена на Русском Севере.

Формула ответа героя на приветствие Яги может носить характер императива (*сначала напои-накорми...*), а может констатировать факт нарушения законов гостеприимства и указывать на неправомерность поведения Яги по отношению к гостю («*В протчих деревнях так ли делают старухи? А ты должна...*»). Семантически эти формулы соответствуют общерусским, но в сибирских текстах встречаются более развернутые тексты, иногда принимающие балагурный характер и снижающие образ Яги до бытового образа обычной деревенской старухи.

Формула признания героя Ягой (описание маркеров поведения), как уже отмечалось, временами носит балагурный, зачастую рифмованный характер. Схожие формулы встретились нам еще только в Мурманской и один текст в Архангельской областях.

Следует иметь в виду, что по временным показателям сибирский материал является «молодым», поскольку основной массив сибирских текстов принадлежит к началу и первой трети XX в. и только три текста (Перм.: Аф., 267 – в фиксации 1850 г.; Смр. 2: 279 и 281 – в фиксации 1887 г.) могут быть определены как ранние.

Некоторые тексты обнаруживают очевидную исполнительскую переработку традиционного образа. Причем наблюдается как опрощение и снижение балагурного характера, так и, напротив, усложнение и расцвечивание деталями, что особенно заметно в ряде поздних текстов Пермской губернии и указывает на вероятность заимствования как сказительской манеры, так и репертуара у осевших в Сибири выходцев из других губерний, солдат и промысловиков.

²⁶ Ср.: Север: Волог.: Сок., 139; Олон.: КС, 6; Раз., 35; Юг: Ряз.: Аф., 212; Худ., 5; Моск.: МС, 37; Тамбов.: Аф., 171.

Список литературы

Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Славянские литература и фольклор. Л.: Наука, 1978а. С. 173–180. (Русский фольклор: материалы и исследования; Т. 18).

Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Советская этнография. 1978б. № 5. С. 18–28.

Герасимова Н. М. Фигура медиации в русской волшебной сказке // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 241–250.

Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М.: Индрик, 1994. 272 с. (Традиционная духовная культура славян).

Зеленин Д. К. Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещерякской. Сборник Д. К. Зеленина. СПб., 1997. С. 15–32. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 12).

Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л.: Наука, 1989. 168 с.

Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 256 с.

Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1986. 366 с.

Рошину Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Список сокращений источников текстов

Аф. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1 – 515 с.; Т. 2 – 510 с.; Т. 3 – 572 с.

Б. – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 448 с.

Воронеж. – Народные сказки Воронежской обл.: Современные записи / Сост. Н. Молчанова и др. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1977. 175 с.

ВС – Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц, Н. И. Савушкина. Вологда: Обл. кн. ред., 1955. 272 с.

Г. – Сказки. Песни. Частушки / Под ред. В. В. Гура. [Вологда]: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. 332 с. Отд. «Сказки». С. 213–281.

Зел., Вят. – Великорусские сказки Вятской губернии. Сб. Д. К. Зеленина. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915. 640 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии; Т. 42).

Зел., Перм. – Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещерякской. Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 12).

Зин. – Русские сказки Забайкалья: Сб. / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 351 с.

Ков. – Сказки И. Ф. Ковалёва. Сб. Э. В. Гофман и С. И. Минц. М.: Гос. лит. музей, 1941. 359 с.

Крг. – Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. Кн. 1 – 640 с.; Кн. 2 – 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1-2).

Крн. – Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.

КС – Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст., коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 248 с.

Купр. – Сказки Куприянихи / Зап. сказок, ст. о творчестве Куприянихи и комментарии А. М. Новиковой и И. А. Оссоветского; вступ. ст. и ред. И. П. Плотникова. Воронежская область: Ворон. обл. кн-во, тип. изд-ва «Коммуна», 1937. 270 с.

- МС* – Сказки и несказочная проза / Отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наследие, 1998. 365 с. (Фольклорные сокровища Московской земли; Т. 3)
- Нкф.* – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 386 с.
- Онч.* – Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гт. Сб. Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. 643 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 33).
- Пот.* – Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. 1, вып. 2: [Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний] / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск: Паровая тип. Н. И. Орловой, 1906. 292 с.
- Раз.* – Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. Г. Сенькина; Ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.
- Ржд.* – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Зап. текстов, вступ. ст., коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск: Архгиз, 1941. 224 с.
- РССиДВ* – Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Сад.* – Сказки и предания Самарского края. Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884. 404 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 12).
- СД* – Славянские Древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, (1995–2014). 1995. Т. 1: А–Г – 488 с.
- Сим.* – Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 223 с.
- Смр.* – Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов. Пг.: Тип. Рос. Акад. наук, 1917. Вып. 2. 505 с. (Записки Русского географического общества; Т. 44).
- Сок.* – Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1915. 666 с.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2004. Т. 38: Скинуть – Сметушка. 372 с.
- Урал.* – Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштур. Свердловск: Кн. изд-во, 1959. 230 с.
- Худ.* – Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1964. 301 с. (Памятники русского фольклора).
- Шаст.* – *Шастина Е. И.* Сказки Ленских берегов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971.

Список сокращений географических названий

Арх. – Архангельская губерния
Барн. – Барнаульский уезд
Бурят. – Бурятия
Волог. – Вологодская губерния
Воронеж. – Воронежская губерния
Вят. – Вятская губерния
Енисей. – Енисейская губерния
Иркутск. – Иркутская губерния
Курган. – Курганская область
Лена – река Лена
Моск. – Московская область
Мурм. – Мурманская область
Низ. Ангары – низовья реки Ангары

Олон. – Олонецкая губерния
Оренбург. – Оренбургская губерния
Перм. – Пермская губерния
Ряз. – Рязанская губерния
Саратов. – Саратовская губерния
Тамбов. – Тамбовская губерния
Том. – Томская губерния
Урал. – Уральский регион

References

Eleonskaya E. N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov* [Fairy tale, incantation and witchcraft in Russia. Collection of works]. Moscow, 1994. (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan [Traditional spiritual culture of the Slavs]). 272 p. (In Russ.).

Gerasimova N. M. Figura mediatsii v russkoy volshebnoy skazke [The figure of mediation in a Russian fairy tale]. In: *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks]. St. Petersburg, 1995, iss. 8–9, pp. 241–250. (In Russ.).

Gerasimova N. M. Formuly russkoy volshebnoy skazki (K probleme stereotipnosti i variativnosti traditsionnoy kul'tury) [Formulas of the Russian fairy tale (On the problem of stereotyping and variability of traditional culture)]. *Soviet Ethnography*. 1978b, no. 5, pp. 18–28. (In Russ.).

Gerasimova N. M. Prostranstvenno-vremennye formuly russkoy volshebnoy skazki [The space-time formulas of the Russian fairy tale]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Materials and research]. Leningrad, 1978a, vol. 18, pp. 173–180. (In Russ.).

Mal'tsev G. I. *Traditsionnye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki* [Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics]. Leningrad, 1989. 168 p. (In Russ.).

Novikov N. V. *Obrazy vostochnoslavyanskoy volshebnoy skazki* [Images of the East Slavic Fairy Tale]. Leningrad, 1974. 256 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad, 1986. 366 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Leningrad, 1969. 168 p. (In Russ.).

Roshiyanu N. *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional Formulas of Fairy Tales]. Moscow, 1974. 216 p. (In Russ.).

Zelenin D. K. Koe-chno o skazochnikakh i skazkakh Ekaterinburgskogo uezda Permskoy gubernii [Something about tale-tellers and tales of the Yekaterinburg district of the Perm province]. In: *Velikorusskie skazki Permskoy gubernii. S prilozheniem dvenadtsati bashkirskikh skazok i odnoy meshcheryakskoy. Sbornik D. K. Zelenina* [Great Russian fairy tales of Perm province. With the application of twelve Bashkir fairy tales and one Meshcheryak tale]. St. Petersburg, 1997, pp. 15–32. (Studiorum Slavicorum Monumenta; vol. 12). (In Russ.).

List of text sources

Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t. [Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasyev: in 3 vols.]. V. Ya. Propp (Prep. of texts, pref., notes). Moscow, 1957, vol. 1 – 515 c.; vol. 2 – 510 c.; vol. 3 – 572 c. (In Russ.).

Narodnye skazki Voronezhskoy obl.: Sovremennye zapisi [Folk tales of the Voronezh region: modern records]. Voronezh, 1977, 175 p. (In Russ.).

Pinezhskie skazki [Pinezhsky fairy tales]. G. Ya. Simina (Coll. and record.). Arkhangel'sk, 1975, 223 p. (In Russ.).

Russkie narodnye skazki Karel'skogo Pomor'ya [Russian folk tales of the Karelian Pomorye]. A. P. Razumova, T. G. Sen'kina (Comps.); I. M. Kolesnitskaya (Ed.). Petrozavodsk, 1974, 423 p. (In Russ.).

Russkie narodnye skazki Urala [Russian folk tales of the Ural]. P. Galkin, M. Kitaynik, N. Kushtum (Comps., eds.). Sverdlovsk, 1959, 230 p. (In Russ.).

Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: Volshebnyye. O zhivotnykh [Russian fairy tales of Siberia and the Far East: Magical. About animals]. R. P. Matveeva, T. G. Leonova (Comps.). Novosibirsk, 1993, 352 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). (In Russ.).

Russkie skazki v Karelii: (Starye zapisi) [Russian fairy tales in Karelia: (Old records)]. M. K. Azadovskiy (Prep. of texts, comp., pref. and notes). Petrozavodsk, 1947, 248 p. (In Russ.).

Russkie skazki Zabajkal'a [Russian Fairy tales of Transbaikalia: Collection]. V. P. Zinoviev (Prep. of texts, comp., pref. and notes). Irkutsk, 1983, 351 p. (In Russ.).

Sbornik velikorusskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva [Collection of Great Russian fairy tales in the Archive of the Russian Geographical Society]. A. M. Smirnov (Publ.). Petrograd, 1917, iss. 2, 505 p. (Zapiski RGO, 1917, vol. 44). (In Russ.).

Severnorusskie skazki v zapisyakh A. I. Nikiforova [Northern Russian fairy tales in the records of A. I. Nikiforov]. V. Ya. Propp (Prep. of the ed.). Moscow, Leningrad, 1961, 386 p. (In Russ.).

Severnye skazki: Sbornik N. E. Onchukova [Northern Fairy tales: Collection of N. E. Onchukov]. St. Petersburg, 1908, 643 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography; vol. 33]). (In Russ.).

Shastina E. I. *Skazki Lenskikh beregov* [Tales of Lena shores]. Irkutsk, 1971, 166 p. (In Russ.).

Skazki i neskazochnaya proza [Fairy tales and non-fairy tale prose] V. M. Gatsak (Ed. in Ch.). Moscow, 1998, 365 p. (Fol'klornyye sokrovishcha Moskovskoy zemli [Folklore Treasures of the Moscow Land; vol. 3]). (In Russ.).

Skazki i pesni Belozerskogo kraya [Fairy tales and songs of the Belozersky region]. B. Sokolov and Yu. Sokolov (Record.). Moscow, 1915. 666 p. (In Russ.).

Skazki i pesni Vologodskoy oblasti [Fairy tales and songs of the Vologda region]. S. I. Mints, N. I. Savushkina (Comps.). Vologda, 1955, 272 p. (In Russ.).

Skazki i predaniya Samarskogo kraya [Fairy tales and legends of the Samara region]. D. N. Sadovnikov (Coll. and record.). St. Petersburg, 1884, 404 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography; vol. 12]). (In Russ.).

Skazki i predaniya Severnogo kraya [Fairy tales and legends of the Northern Region]. I. V. Karnaukhova (Record., intr. art. and comm.). Leningrad, 1934. 446 p. (In Russ.).

Skazki I. F. Kovaleva. Sbornik E. V. Gofman i S. I. Mints [Tales of I. F. Kovalev. Collection by E. V. Hoffman and S. I. Mints]. Moscow, 1941, 359 p. (In Russ.).

Skazki Kupriyanikhi [Tales of Kupriyanikha]. A. M. Novikov and I. A. Ossovetsky (Record. of fairy tales, an art. about the work of Kupriyanikha and comm.); I. P. Plotnikov (Intr. art. and ed.). Voronezhskaya oblast', 1937, 270 p. (In Russ.).

Skazki M. M. Korgueva [Tales of M. M. Korguev]. Petrozavodsk, 1939, bk. 1 – 640 p.; bk. 2 – 676 p. (Skazki Karel'skogo Belomor'ya [Tales of the Karelian White Sea; vol. 1-2]). (In Russ.).

Skazki Terskogo berega Belogo morya [Fairy tales of the Tersk coast of the White Sea]. D. M. Balashov (Prep. of the ed.). Leningrad, 1970, 448 p. (In Russ.).

Skazki. Pesni. Chastushki [Fairy tales. Songs. Ditties]. V. V. Gura (Ed.). [Vologda], 1965. 332 p. Otd. «Skazki» [Section "Tales"]. Pp. 213–281. (In Russ.).

Skazy i skazki Belomor'ya i Pinezh'ya [Narrations and fairy tales of the White Sea and Pinezhye]. N. I. Rozhdestvenskaya (Record. of texts, intr. art., comm.). Arkhangel'sk, 1941. 224 p. (In Russ.).

Slavyanskije Drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': v 5-ti t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, 1995, vol. 1: A–G, 488 p. (In Russ.).

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. St. Petersburg, 2004, vol. 38: Skinat' – Smetushka, 372 p. (In Russ.).

Velikorusskie skazki Permskoy gubernii. S prilozheniem dvenadtsati bashkirskikh skazok i odnoy meshcheryakskoy. Sbornik D. K. Zelenina [Great Russian fairy tales of Perm province. With the appendix of twelve Bashkir fairy tales and one Meshcheryak tale]. T. G. Ivanova (Prep. of the ed.). St. Petersburg, 1997, 584 p. (Studiorum Slavicorum Monumenta; vol. 12). (In Russ.).

Velikorusские skazki v zapisyakh I. A. Khudyakova [Great Russian fairy tales in the records of I. A. Khudyakov]. AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); V. G. Bazanov and O. B. Alekseeva (Prep. of the ed.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, 301 p. (Pamyatniki russkogo fol'klora [Monuments of Russian Folklore]). (In Russ.).

Velikorusские skazki Vyatskoy gubernii. Sb. D. K. Zelenina [Great Russian fairy tales of Vyatka province. Collection of D. K. Zelenin]. Petrograd, 1915, 640 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography; vol. 42]). (In Russ.).

Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk sub-department of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society. On Ethnography]. G. N. Potanin (Ed.). Tomsk, 1906, vol. 1, iss. 2, 292 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
06.09.2022*

Сведения об авторе

Рейли Марина Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: reimara@mail.ru; irliran@mail.ru
ORCID 0000-0003-3223-0022

Information about the Author

Marina V. Reili – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: reimara@mail.ru; irliran@mail.ru
ORCID 0000-0003-3223-0022

УДК 398.2 (=152.153)
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-23-32

**Эпические формулы в текстах шорского сказания
«Мерет-оолак» / «Мерет Олак, имеющий волшебного коня»**

Л. Н. Арбачакова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются эпические формулы, встречающиеся в героическом сказании, подготовленном к публикации в двух вариантах под названиями «Мерет-оолак» и «Мерет Олак, имеющий волшебного коня». Эти варианты текстов расшифрованы с одной фонозаписи разными носителями шорского языка – И. Я. Арбачаковым и Л. Н. Арбачаковой. В результате текстологического анализа было выявлено, что в расшифровке И. Я. Арбачакова некоторые эпические формулы были утрачены, а отдельные строки сказания – упущены. Все указанные недочеты обедняют представление читателя о содержании и художественном языке этого сказания и свидетельствуют о том, что эпос, являющийся важнейшим жанром шорского фольклора, находится под угрозой исчезновения.

Ключевые слова

аудиозапись, шорское героическое сказание, расшифровка, эпическая формула, сравнение, перевод

Для цитирования

Арбачакова Л. Н. Эпические формулы в текстах шорского сказания «Мерет-оолак» / «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 23–32.
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-23-32

**Epic formulas in the texts of the Shor epic
“Meret-oolak” / “Meret Olak with a magic horse”**

L. N. Arbachakova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper deals with two texts of the epic “Meret-oolaq” and “Meret Olak with a magic horse” (Meret sar attyg Meret Oolaq) performed by D. K. Turushpanov and transcribed by different speakers of the Shor language, I. Ya. Arbachakov and L. N. Arbachakova. Both texts were textually analyzed to reveal the epic formulas. A preliminary comparison of the two deciphered texts showed that both texts had been made from the one recording. Referring to the audio-recording of the epic under study as the only source to be legitimately called the primary source, we followed the main principle of practical textual study, the research material authenticity.

We have deciphered the epic “Meret Olak with a magic horse” and reproduced most accurately the epic formulas woven into the heroic epic. In addition, we conducted a comparative textual analysis of the previously available deciphering made in the early 1980s. We have found some distortions in I. Ya. Arbachakov’s version. These are errors, abbreviations, replacements of individual formulas with synonymous ones. In addition, some well-known epic formulas were lost or partially distorted and some lines were omitted. All these factors resulted in the

© Л. Н. Арбачакова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

impoverishment of the language of the epic. Pursuing the task of authentic demonstration of epic texts and their deep textual elaboration, we have succeeded in reproducing lost or distorted formulas and stable expressions and thus contribute to the preservation of the rich language of epic singers.

Keywords

audio records, Shor heroic epic, decoding, epic formula, comparison, translation

For citation

Arbachakova L. N. Epicheskie formuly v tekstakh shorskogo skazaniya «Meret-oolak» / «Meret Olak, imeyushchiy volshebno go konya» [Epic formulas in the texts of the Shor epic “Meret-oolak” / “Meret Olak with a magic horse”]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 23–32. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-23-32

В данной статье на материале двух текстов сказания в исполнении Д. К. Турушпанова, подготовленных к публикации под названиями «Мерет-оолак» («Мерет Оолак») и «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» («Мерет сар аттыг Мерет Оолак»), расшифрованных с одной фонозаписи разными носителями шорского языка (И. Я. Арбачаковым и Л. Н. Арбачаковой), мы провели текстологический анализ эпических формул. По нашим наблюдениям, содержание и качество переведенных материалов зависело от того, кем и в каких условиях были сделаны эти расшифровки.

Известно, что в 1983 г. И. Я. Арбачаков, в то время активный общественный деятель и публицист, передал рукопись своей расшифровки шорского сказания «Мерет-оолак» Д. А. Функу. В 2003 г. начальные тирады (119 стихов) шорского текста с параллельным русским переводом были опубликованы Д. А. Функом в Информационном бюллетене координационного Центра комплексных исследований эпической традиции при отделе Севера Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва. По словам Д. А. Функа, местонахождение аудиозаписи сказания ему было неизвестно [Функ, 2003, с. 4].

Однако в начале 2000-х г. в архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН были переданы фонозаписи нескольких героических сказаний («Алып Тават», «Алтын Тайчы» и др.) в исполнении Д. К. Турушпанова, а также 4 кассеты с аудиозаписью шорского героического сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак», вероятно, записанные в начале 1980-х гг. С. К. Павлючиком.

В 2014 г. нами была сделана текстовая расшифровка представленного на указанных кассетах сказания (2534 строк). Предварительное сопоставление двух расшифрованных текстов показало, что, несомненно, И. Я. Арбачаков и мы имели дело с одной записью. Доказательством могут служить встречающиеся в одних и тех же местах русизмы и просторечия, например: *Парчазы пустой турчалар* ‘Все пустые стоят’ (вар. 1, вар. 2). Такие элементы текста являются неустойчивыми и, как правило, не повторяются в двух разных вариантах исполнения.

Для проведения сравнительного анализа мы опирались на рукопись расшифрованного И. Я. Арбачаковым стихотворного текста, которая была предоставлена Н. С. Уртегешеву носительницей шорского языка В. Тотышевой, принимавшей участие в научной экспедиции С. К. Павлючика¹. Мы также используем прозаический текст эпоса «Мерет-оолак» в записи от Д. К. Турушпанова, опубликованный Д. А. Функом [Функ, 2003].

Для сравнения эпических формул привлекались другие сказания, например, «Алып Тават» в исполнении Д. К. Турушпанова, а также материалы, опубликованные Н. П. Дыренковой [Шорский фольклор, 1940], А. И. Чудояковым [Шорские героические сказания..., 1998] и Л. Н. Арбачаковой [Фольклор шорцев, 2010].

В настоящее время перед сибирскими фольклористами поставлена задача «аутентичной демонстрации эпических текстов и их глубокой текстологической проработки» [Кузьмина, 2019, с. 519]. Опираясь на архивную аудиозапись исследуемого сказания как единственный источник, который можно правомерно называть первичным, мы тем самым соблюдали главный принцип практической текстологии – аутентичность материала исследования. Сопоставляя имеющиеся у нас расшифрованные материалы с аудиозаписью, мы провели их тщательный анализ.

¹ Н. С. Уртегешев готовил рукопись сказания к публикации, которая пока не состоялась. Он лично отправил нам текст по электронной почте для сверки.

В данной статье изложены результаты сравнения эпических формул, присутствующих в двух расшифровках одной и той же записи эпического сказания про богатыря Мерета Олака. Эпические формулы – это краткие устойчивые выражения, афористичные по содержанию высказывания, имеющие стихотворную форму. Они легко запоминаются и используются во многих текстах и традиционно передаются от одного сказителя к другому.

При сопоставлении двух расшифровок данного сказания, сделанных И. Я. Арбачаковым (вар. 1) и Л. Н. Арбачаковой (вар. 2), было установлено, что различия в передаче эпических формул многочисленны и разнообразны. Были выявлены следующие типы отклонений от текста фонозаписи.

1. Пропуски эпических формул

1.1. Пропуски имеются уже в самом начале текста сказания. В тексте, расшифрованном И. Я. Арбачаковым (вар. 1), в зачине отсутствует описание первотворения земли, которое есть в аудиозаписи сказания. Нужно тут подчеркнуть, что у сказителя Д. К. Турушпанова описание первотворения земли присутствует в первоисточнике данного сказания и во всех других им исполненных сказаниях (например, см. «Алып Тават»).

1.2. Пропуски встречаются в расшифровке И. Я. Арбачакова также в имянаречении, которое относится к типическим местам эпоса. В нашей расшифровке (вар. 2) они восстановлены в соответствии с аудиозаписью исполненного сказания. Описание ссохшейся одежды нарекающей имя старушки дано в аудиозаписи в виде устойчивой формулы: *Алдынга өөрү төшке сыгара қурнар-тыр. / Кестинге өөрү нитке сыгара қурнартыр* ‘Подол спереди выше груди ссохся-поднялся, / Подол сзади до затылка ссохся-поднялся’. В расшифровке И. Я. Арбачакова, подготовленной к публикации Н. С. Уртегешевым и Д. А. Функом, описание старушки передано не эпической формулой, а обычным повествовательным предложением: *Қыра тонның алтынаң кере-шыгара қурнартыр* ‘Побуревшая шуба снизу доверху ссохлась, оказывается’ (вар. 1).

1.3. То же самое наблюдается в первом тексте и в другой формуле, которая в нашей расшифровке аудиозаписи имеет следующую форму: *Алтындагызы алтон тамга / Ақ чарықты четтон қаанның перте / Уғулсалбодурғаны қыйғызы* ‘Вплоть до шестидесятого слоя нижнего мира, / За семьюдесятью ханствами белого света / Крик его слышался’ (вар. 2).

В первой расшифровке вместо слова *қыйғызы* ‘его крик / клич / зов’ сказителем используется слово *үнү* ‘его голос’, что можно отнести к случаю свободного варьирования эпической формулы; помимо этого она сама значительно сокращена и упрощена, одна из ее строк вовсе пропущена: *үнү четтон чарықказыың уғулпарды* ‘голос его за семьдесят светлых земель послышался’.

1.4. В тексте И. Я. Арбачакова отдельные строки пропущены и в эпической формуле *Қараққа тынмас, / Қара туман чайылпартыр* ‘Непроглядный-непроницаемый / Черный туман пал’ (вар. 2), которая встречается в эпосе «Алып Тават» в исполнении Д. К. Турушпанова и во всех сказаниях в исполнении В. Е. Таннагашева [Сказания шорского кайчи..., 2015, с. 318]. Она дана в расшифровке И. Я. Арбачакова в следующем виде: *Қара тубан чайылпартыр* ‘Черный туман выпал’ (вар. 1).

1.5. Формула описания облика богатыря, известная многим шорским сказителям, в арбачаковском варианте расшифровки также полностью пропущена, но расшифрована нами (вар. 2): *Пир қарағыңнаң / Алтын талай ақпартыр. / Алтын мастыр чоқтапча. / Пир қарағыңнаң полза, / Күмүш талай ақпартыр. / Күмүш мастыр чоқташсалбодурғаны* ‘Из одного глаза / Будто золотое море текло! / Говорить – золотой мастер. / Из другого глаза / Будто серебряное море текло. / Говорить – серебряный мастер’.

1.6. В описании гибели богатырей употребляется устойчивое выражение: *Көк тайғаның төзінге / Молот морачын, / Молот шабысчын, / Ақ чазыга пар* ‘У подножья голубой горы / В белой степи, / Где сталь уничтожают, / Сталь куют (досл.: побивают), придя’ (вар. 2). В варианте 1 оно значительно сокращено: *Көк Тайга төзінге / Молат шабышты* ‘У подножья голубой горы, / Где сталь уничтожают’ (вар. 1).

2. Искажения эпических формул

2.1. Благопожелание малышу и его коню во время имянаречения традиционно звучит так: *Мерет сар ат кешпенде, / Кежиг пут қалбазын, – тедир. / Сен Мерет Оолақ ашпанда / Азыг пут қалбазын, палам* ‘Пусть не будет переправы, / Которую бы волшебнорыжий конь не перешёл, – сказала. – / Пусть не будет перевала, дитя, / Где бы ты, Мерет Оолак, не мог пройти’.

В расшифровке И. Я. Арбачакова это благопожелание искажено и в русском переводе Н. С. Уртегешева *ашпаан даа* ‘не переваливая’ превращено в *аштабаан да* ‘не голодая’. Оставшиеся фрагменты он понял следующим образом: *азық* ‘припасы, заготовки, еда’, *тупчаң даа* (основа *тууп* – ‘рождаться’), что вместе сложно поддается трактовке. Однако переводчик все же попытался как-то объединить их по смыслу: *Сен Мерет Оолақ ашпаан даа / Азық тупчаң даа. / Палам...* ‘Ты, Мерет-Оолак, никогда впредь голодать не будешь, / Припасы продуктов всегда иметь будешь. / Дитя мое, из года в год’. Как видим, подобное пожелание не соответствует ни традиционному стилю эпоса, ни тому, что исполнено сказителем.

2.2. Еще одно известное выражение утратило свое значение в варианте расшифровки И. Я. Арбачакова: *Үш тегриниң үстүнде / Көк свеч полган турсалтыр* ‘На верху третьего неба / Голубая свечка стоит, оказывается’ вместо: *Үш тегри үстүнде / Көк чибек пол, тартынсалбодурганы* ‘К верху трех небес / Синей нитью она тянулась’.

2.3. Пословичное выражение *Айтқан сөс эрткенче, / Көрген қарақ мүнгенче* ‘Сказанные слова еще не отзвучали, / Смотревшие глаза еще не моргнули’, аналогичное русскому «не успел слова молвить, не успел глазом моргнуть», к сожалению, в расшифровке И. Я. Арбачакова искажилось, смысл его утратился: *Айтқан на сөс, қарақтарын мүнгенче... / ...Айтанна сөс, қарақтарын мүнгенчи* ‘Сказанные слова, глаза не моргнули... / ...Сказанные слова, глаза не моргнули’.

2.4. Широко известное выражение, означающее конец тоя, свадебного пира, когда гости разъезжаются после девяти дней празднования, как правило, звучит следующим образом: *Тосқа салғаны тозулуп, / Тооза чон тарапчалар. / Қазанға салғаны кагдырапкел, / Қалық-чон тарапсалбодурганы* ‘На бересту положенное закончилось, / Весь народ разошелся (в разные стороны). / В казан положенное до дна соскребнув (букв.: В казан положенное загремело – т.е. дно казана загремело, когда стали соскребать остатки), / Народ-люди разошлись’. Подобная формула встречается у других современных кайчи (например, у А. В. Рыжкина в сказании «Ак Сагал») и в более ранней записи Н. П. Дыренковой [Шорский фольклор, 1940, с. 34–35].

Первая строка во всех вариантах совпадает, а во второй строке в вар. 2 и в записи Н. П. Дыренковой незначительно варьируются глаголы по времени (наст. вр. / недавно пр. вр.) и по числу (мн. ч.): *тарапчалар / тарады* ‘разошелся’. Известны и иные варьирования этой формулы. В сказании А. В. Рыжкина «Ак Сагал» смысл формулы незначительно переиначен, так как там говорится уже о конкретных жителях сел Тоз и Казасс, расположенных недалеко от места, где жил сказитель: *Тостардың нанбодурчытқанда / Қазастың нанчаттырлар* ‘Когда приехавшие из Тоза возвращались... / Приехавшие из Казасса тоже возвращались’ (рукопись сказания «Ак Сагал»).

Однако в рассматриваемом нами варианте 1 эта формула частично искажена: *Тосқа салғаны тозулуп, / Арагаларды ижиби-стилер, / Калық чон тарапсал шыктылар, / Казанға салғаны каг-дырада чибистилэр* ‘На бересте лежавшее кончилось, / Араку выпили. / Народ-люди расходились. / В казан положенное до дна съели’. В расшифрованной нами формуле не говорится об араке (национальный алкогольный напиток). Кроме того, в первой расшифровке утрачено параллельное единоначатие строк (ТТ/КК).

2.5. В «общем месте» имянаречения героя, где малыш подает чашу с напитком старушке, пришедшей дать ему имя, используется известная формула: *Оолағаш алтон алып иш тоспас / Алтын айақты құртияққа алып туда-пергени* ‘Малыш золотую чашу, которую шестьдесят алыпов / До дна не выпьют, старушке подал...’. В шорском тексте, расшифрованном И. Я. Арбачаковым и переведенном на русский язык Н. С. Уртегешевым, она искажена: *Оолағаш алтон үш торспақ, / Алты тайақ турғускелип...* ‘Мальчуган шестьдесят три чурки, / Шесть посохов установил’.

2.6. На фонозаписи и в нашей расшифровке (вар. 2) в концовке сказания алып, прощаясь со своим конем, произносит известное благопожелание: *Сүттүг көлдең сүт ижар, – тедир, – / Сүргү тагдың от отталар! – тедир.* ‘– Из молочного озера молоко пейте! – сказал, / – На горе Сюрюгу траву щиплите!’ (вар. 2). В опубликованном варианте Д. А. Функа (вар. 1), к сожалению, эта устойчивая формула не сохранилась: *Сулгыг чердең ижибок, Оттыг черде оттанок чөрар, – тедир. / Сулдуг черден ижибок, оттыг черде оттабок чөрар* [Функ, 2003, с. 19] ‘В местах, где вода есть, пейте. / В местах, где трава растет, паситесь’ (перевод наш. – Л. А.).

2.7. Формула, в которой выражена мысль о защите жилища от зла, в нашей расшифровке (вар. 2): *Эбире полза, тебир шедени иштеп, / Ёстўнең полза, қуш чабалы кирбес, теп / Алтыңнаң айна чабалы кирбес, теп* ‘Вокруг железный забор сделали, / Сверху, чтобы худшие из птиц не входили, / Снизу, чтобы худшие из айна (дьяволов, чертей) не входили...’, используемая и другими сказителями (например, А. В. Рыжковым), в концовке И. Я. Арбачакова также получила частичное искажение: *Эбире полза, тўбинге даа энместер. / Ёстўнең полза, қуш чайағаннаң полза, / Кўрзе-даа энместер...* ‘Вокруг до дна не спустятся. / Сверху птицы созданные, / Увидев, не спустятся...’

2.8. Следующая формула о благополучной жизни алыпов в аудиозаписи звучит так: *Паза-келип, пайып қалдылар / Чада-кел, себире қал-дылар* ‘Придя, они разбогатели, / Живя, они растолстели’ (вар. 2). В расшифровке И. Я. Арбачакова это место предстает в разрушенном виде: *Чозақ келип, майытқалдылар. / Эбире келип, себиртипқалдылар* ‘...истощились, / Вокруг обойдя, растолстели’ (вар. 1).

2.9. Иногда в эпической формуле неверно расшифровывается отдельная строка, что сказывается на точности русского перевода. Например, формула угощения построена на благозвучии *алтын – аргазынга / көк – көгресинге*: *Алтын столдың аргазынга / Көк столдың көгресинге одуртупчалар* ‘На почетное место золотого стола, / На видное место синего стола усадили’. В сказании «Кан Мерген, имеющий младшую сестру Кан Арго» есть подобная формула (...*ақ усталдың аргазына / көк усталдың көгресине одуруп келип*), которая переведена на русский язык так: ‘...за белым столом, у синего стола сели’ [Шорский фольклор, 1940, с. 118–119]. Здесь также параллельно используются цветковые эпитеты – белый и синий стол: «...за белым столом, / у синего стола...». В рассматриваемом нами варианте расшифровки (вар. 1) вместо слова *көгресинге* используется *аргазынга*, что уничтожает внутреннюю аллитерацию и искажает смысл: *Алтын усталдың аргазынга, / Көк усталдың аргазынга* ‘За золотой стол, / За голубой стол’.

2.10. Частично неверно расшифрованное традиционное приветствие в варианте И. Я. Арбачакова звучит по всему тексту: *Эжик алтап кирип, эзен перди. / Эзен-менчи перишти* ‘Перешагнув порог, поздоровался. / Друг друга поприветствовали’ вместо известной формулы *Эзик алтап, эзен перча, / Эгбен көдўр, менчи перча* ‘Двери переступив, поприветствовал. / Плечи приподняв, поклонился’.

3. Случаи частично расшифрованного типического места

3.1. В расшифровке И. Я. Арбачакова «общее место» облачения в богатырскую одежду, которое использовал сказитель, передано лишь частично: *Қанче пажында ба? / Алтын қуяқты оң өштўнге / Таштапкелип, / Алтын сапөгін кескелип / Тоғус топчузун. / Алтын шарчын тўзінде / Одус қым алтын қайа чилеп өспарды* ‘Через сколько-то времени / Золотую кольчугу на правое плечо / Набросив, / Золотые сапоги надев, / На девять пуговиц [застегнув]. / У основания золотой коновязи / Будто золотая скала в тридцать перевалов выросла’.

В аудиозаписи описание одежды алып дано иначе: *Қанчығада пўглетсалған / Қат қуяғын шешкел, / Алтын сапьян сапөгін кескел, / Тоғус қадыл алтын қуяғын / Оң өштўнге та-штапкел, кессалғаны: / Алтын шарчын тўзўнге / Одус асқым / Алтын тайга шени өс сықпарды* ‘Когда он многослойный панцирь, / Привязанный к торокам, развязал, / Золотые сафьяновые сапоги надел, / Девяти-слойный золотой панцирь / На правое плечо набросив, надел: / То у золотой коновязи / Будто золотая гора / С тридцатью перевалами выросла’ (вар.2).

3.2. В «общем месте» описания сватовства передаются слова, обращенные к родственникам невесты. В свадебном обряде их произносит сват, а в героическом сказании – сам алып: *Чол полза, чол ползын / Чол полбаза, чел қаппарзын, – тедир. / Кўзем кўзе ползун, / Кўннўм қуда ползун, – тедир. – / Чысқырыбыс-сар, / Кўзечектерин полайын, – тепкел, полза.* ‘Если будет дорога, пусть будет дорога. / Если не будет пути, пусть вихрь унесет, – сказал. – / Зять пусть станет зятем! / Пусть мой день сватовством завершится, – сказал, – / Если вытолкнете, / Вам опорой буду (вар.2).

К сожалению, в варианте И. Я. Арбачакова эта формула представлена неполно: – *Чол полза, / чол ползын –, тедир. / Тижен кўн ползын, чысқырбызаар. / Кўзечектериң поларым...* ‘Если будет дорога, / Пусть будет дорога, – сказал. / Пусть будет день, если вытолкнете, / Буду вам опорой’ (вар. 1). В сказании «Кан Мерген, имеющий младшую сестру Кан Арго» в записи Н. П. Дыренковой подобная формула более развернута: *Чол полза, чол ползун! Чол полбаза, черлиг кижжи черимоқ нан-парарым!*

Тагга чөрзең, тайагын полай! Сугга чөрзең, чөлегиң полай! Идибиссең эжиктагы идиң полай, Чышқырыбыссаң, көзең полай... ‘Если путь есть, – пусть путь будет! Если пути нет, имеющий землю человек, в свою же землю я возвращусь! Если по горе ходить будешь, твоим посохом буду я! Если по воде ходить будешь, твоей опорой буду я! Если ты меня вытолкнешь, ожегом² да стану я!’ [Шорский фольклор, 1940, с. 150–151].

3.3. В концовке сказания используется формула возвращения кайчи: *Ақ қойанақ тудупкел, полза, / Қаан қастагын қабыра теп, / Қара қапқа тептим, / Эн қастагын эбире тепкел, / Эң қапқа теп, / Шақ по черге четтирип* ‘Белого зайца поймав, / Хана удачу собрав, / В черный мешок натолкал. / Удачу вокруг собрав, / В просторный мешок натолкал. / Шак (междометный возглас), в эту землю доставив’. Она в варианте расшифровки И. Я. Арбачакова также сокращена: *Ақ қолнақ тудынғаны полза, / Қаан қастарын қабырлап, / Эм қастарын эби-ре тепкел полза, / Шақ-по черге четкелип...* ‘Белого зайца поймав, / Хана удачу в мешок натолкав, / Удачу дома вокруг собрав, / Шак, в эту землю доставив’.

4. Случаи неверного описания «общего места» и эпической формулы

4.1. В аудиозаписи есть «общее место», описывающее угощение алып Мерет Оолака. Богатырь отказывается принять алкогольный напиток из рук Алтын Таса (Золотого плешивого), говоря, что с рождения не пил, однако после магической песни и пляски Алтын Таса в руках алып все-таки появляется чаша с напитком: *Алтын Тас полза, қырық сарынның пазын / Пир сарынға пура тарткел, / Сағана сарнапкел, / Аалдыңға серкибизе пергени, / Мерет Оолақтың аалынға. / Анан пилингени: Алтын ай-ақты қап, / Тудунсалтыр Мерет Оолақ* ‘Алтын Тас начало сорока песен / В одну песню собрав, / Спел, / Перед ним заплясал, перед Мерет Оолаком. / Затем, когда он (Мерет) очнулся, то осознал: / Золотую чашу, взяв, / В руках держал Мерет Олак’ (вар 2).

В варианте, расшифрованном И. Я. Арбачаковым, Мерет Оолак в руках почему-то держит «золотой лист бумаги»: *Алтын Таш полза, / Қырық сарынның / Қазың пир сарынға / Пуратарке-лип, Шақ-анаң сарнапкел, / Алтынға серкибизебергени. / Мерет Оолақтың анаң пилингени, / Алтын қаат қолында тудунсалтыр* ‘Алтын-Таш же / Сорок песен / В одну песню, как береза [стройная], / Сложив, сразу же запел. / [Ногами] затанцевал. / После того, как опомнился, у Мерет-Оолака / В руке золотой лист бумаги, как оказалось’ (перевод Н. С. Уртегешева). Здесь же непонятно откуда появились слова: *қазың* ‘берёза’, *алтын қаат* ‘золотой лист бумаги’. Но далее все же по сюжету Мерет Олак держит в руках алкогольный напиток, который передает другому алыпу.

5. Случаи чередования отдельных слов в эпических формулах

5.1. В формуле расправы с противником во второй строке чередуются существительные: *неқ / сасқан* ‘корова / сорока’; *сөök / қан* ‘костей / крови’; *мүн / эт* ‘сока / мяса’ и глаголы *шалғар / чалғаар* ‘обглодать / лизнуть’; *чалғар / қаағар* ‘лизнуть / поклевать’: *Адай шалғар сөök қалбады, / Неқ чалғар мүн қалбан* ‘Собаке обглодать костей не осталось, / Корова лизнуть сока не осталось’ (вар. 2); *Адай чалғаар қан қалбады. / Саасқан қаағар эт қалбады.* ‘Собаке лизнуть, крови не осталось, / Сороке поклевать, мяса не осталось’ (вар. 1). В сказании «Кан Мерген, имеющий младшую сестру Кан Арго» есть подобная формула: *Адай чалғар қан қалбады. / Сасқан қаағар эт қалбады.* ‘Собаке лизнуть, крови не осталось, / Сороке поклевать, мяса не осталось’ [Шорский фольклор, 1940, с. 114–115]. Чередования отдельных слов в эпических формулах являются естественными для любого талантливого кайчи.

5.2. Эпическая формула, описывающая сражение противников, в аудиозаписи выглядит так: *Чабал неқ чилеп полза, сүзүсчаар, / Чабал адай чилеп қабышчалар.* В нашем переводе формула передана следующим образом: ‘Как бешеные коровы бодаются, / Как злые собаки, кусаются’ (вар. 2). В варианте же И. Я. Арбачакова во второй строке вместо *адай* ‘собака’ употреблено *ат* ‘конь’: *Чабал неқ чилеп сүсчалар. / Чабал ат чилеп тебисчалар* ‘Как бешеные коровы, бодаются, / Как злые кони, лягаются’ (вар.1). У А. П. Напазакова в сказании «Куба Салгын» эта формула следует без эпитетов: *Адай шени қап парча. Инеқ шени сүс парча* ‘Как собака, хватает, / Как корова, бодает’.

² Шорское слово *көзе* – букв.: кочерга; видимо, кочерга могла использоваться как посох = опора. – Л. А.

6. Случаи искажения устойчивых формул

6.1. В эпос органично входят народные пословицы и поговорки, которые становятся устойчивыми поэтическими стереотипами. В некоторых случаях из-за неточной расшифровки известных выражений искажается их смысл. Например, в аудиозаписи исследуемого сказания есть пословичное выражение *Туген кийик тук чыза-перди*, которое, расшифровано И. Я. Арбачаковым так: *Түгенер киик Тук чиижертыр* 'Родившаяся косуля, шерсть...' – глагол неточно расшифрован, поэтому смысл утерян (рукопись Н. С. Уртегешева, перевод наш. – Л. А.). В нашей расшифровке (вар. 2) пословица звучит иначе: 'Родившаяся косуля, родившись, уже сгнила (У родившейся косули уже шерсть сгнила)'.

6.2. В аудиозаписи есть эпическая формула *Пир айақ ал ижибис! – теп, / Пир шабыла мүн ишпеске, / Пир тограмче эт чибеске*, которая переводится так: 'Разве ты приехал, Мерет Олак, / Чтобы ложку бульона не испить, / Куска мяса не съесть?' (вар. 2). В первом варианте расшифровки утрачен смысл формулы: *Пир айақ аш кезерге, / Пир шабла мүнши ижерге, / Пир торум эт чибессиң ме? ...* 'Одну чашу напитка... / Одну ложку бульона испить, / Куска мяса не съешь?' (вар. 1, рукопись шорского сказания в подготовке Н. С. Уртегешева, с. 22; перевод наш. – Л. А.).

6.3. Еще одно устойчивое выражение, которое употребляется в значении «быть в долгу»: *Пир ингеге қап-пардым* 'На одну иглу попался' (вар. 2). В варианте 1 оно неверно расшифровано, поэтому в русском переводе значение стало другим – «выпущу», которое по смыслу не совсем подходит: *Пир оқ атсаларым* 'Одну стрелу выпущу' (вар. 1).

6.4. Устойчивое выражение, встречающееся во всех сказаниях: *Мерет сар адын шешбалды, / Чарганат шени чапын-ды* 'Волшебного рыжего коня развязал, / Летучей мышью к нему приник', в другом варианте неверно расшифровано, сравнение искажено: *Мерет Оолақ шени ат алды, Чапын-парды* 'Подобного Мерет Олаку, коня взял, приник'.

7. Случаи оговорок в именах

Имена героев в текстах расшифровок также отличаются между собой; например, деда и отца Мерет Олака в нашей расшифровке зовут Кыргыз Тайчы и Алтын Кылыш: *Қыргыз Тайчы, теп, – те-дир, – / Ол аққаң – те-дир, – сеең. / Ийгинчизи – қан торай энген, / Ноо, Алтын Кылыш оно, абаң* '...По имени Кыргыз Тайчы, – сказал, – / Это твой дед был, – сказал. – / Вторым – кроваво-гнедой спускался. / На нем Алтын Кылыш – твой отец был'. В расшифровке И. Я. Арбачакова слово *аққаң* 'твой дед' превратилось в имя собственное Ақ Қаан, а имя (Алтын Кылыш) отца юноши превратилось в наименование оружия: *алтын қылыштығ* 'имеющий золотую саблю' (*Қырықай Ақ Қаан полған – те-дир. / Ийгинчизи қаан төрненең, / Алтын қы-лыштығ, / Ол сеең абаң*) (вар. 1).

На протяжении всего текста в варианте И. Я. Арбачакова в именах эпических персонажей встречаются оговорки, например: Алтын Чапка вместо Алтын Шаппа; Пүрүден / Пүргү Таш вместо Пүрге Тас; Сарыг Қаан вместо Сарыг Сабак; *пүрлиг қараат* (букв.: 'лиственный темный конь') вместо *пүрге қор ат* 'согнутый / скрюченный каурый конь'; *оқ шени пораатпа Ақ Қартыға* вместо *оқ шени оқ пор аттығ Оқ Қартыға* 'Серого коня подобного стреле имеющий Ок Картыга'.

Иногда в именах эпитеты утрачивают свое назначение. В рукописи Н. С. Уртегешева героиня характеризуется иначе: *Тутқап-тутпаан Көк Торғу* ('Никто не может овладеть Кёк-Торгу'; с. 17) вместо известного словосочетания *тууштап туған*, которым в сказаниях, как правило, нарекаются девушки, которым предстоят тяжелые испытания в жизни – *тууштап туған Көк Торғу* 'Кёк Торгу, которой предстоят испытания'.

8. Влияние исследователей на содержание эпоса

На содержание эпоса могут влиять собиратели или люди, которые готовили текст к публикации. Например, в нашей расшифровке (вар. 2) встречаются русские слова и словосочетания (*пустой, уже, давно, почти, карман*), иногда в виде просторечий (*насилу, чё-то, вишь*), иногда адаптированные шорским языком (*кроватька* 'на кровати', *тавно* 'давно', *сапьян сапдгин* 'сафьяновые сапоги', *бочкени* 'бочку'). В другой расшифровке (вар. 1 – рукопись, подготовленная к публикации Н. С. Уртегешевым) некоторые русизмы, произнесенные сказителем, при подготовке текста к публикации были упущены или намеренно переведены на шорский язык (*қарманга – изебинге* 'в карман'; *бочкени – шапчакты* 'бочку'): *оң қарманга салымалды – оң изебинге салбалды* 'в правый карман положил';

қырық бочкени ача шапкел, полза – қырық шапқақты ажа шапкелип ‘сорок бочек открыл’. Такой насильственный возврат национальных слов вместо употребленных сказителем русских слов нецелесообразен с точки зрения сохранения оригинала. Эти сказительские русизмы и другие признаки свидетельствуют о процессе разрушения эпического жанра, о котором мы уже ранее писали в своей статье [Арбачакова, Кузьмина, 2014].

Известно, что при живом исполнении эпоса не исключены случайные оговорки, ошибки, повторы и другие огрехи, естественные в любой устной речи. Также на эпическое содержание большое влияние оказывает личность самого сказителя и условия, в которых исполнялось произведение. В начале 1980-х гг. кайчи был уже в преклонном возрасте, сказывал тихо, и в некачественной фонозаписи слышны посторонние голоса людей и животных (детские крики, кукареканье петухов, мычание телят).

Выводы

Благодаря обнаруженной аудиозаписи нам удалось расшифровать сказание «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» и максимально точно воспроизвести эпические формулы (устойчивые выражения), вплетенные в героическое сказание, а также провести сравнительно-сопоставительный текстологический анализ нового текста с более ранней расшифровкой сказания, сделанной в начале 1980-х гг.

Было установлено, что в расшифрованном И. Я. Арбачаковым тексте имеются ошибки, сокращения, замены отдельных формул на синонимичные и т.п., то есть фактически мы восстановили истинное сказание, текст которого в арбачаковском варианте во многом искажен. Оказалось, что в варианте И. Я. Арбачакова (вар. 1) при расшифровке некоторые известные эпические формулы были утрачены либо частично разрушены, также имеются случаи пропуска отдельных строк. Кроме этого, из-за невнятной расшифровки некоторые выражения по смыслу искажены, что способствует обеднению художественного языка эпоса.

Отдельной темой является влияние собирателей, редакторов и других людей, которые при подготовке сказания к публикации вносят в него свои правки, как, в данном случае, случилось с рукописью Н. С. Уртегешева, где некоторые русизмы, произнесенные сказителем, были упущены или намеренно переведены на шорский язык.

Следуя задаче, поставленной перед фольклористами – аутентичной демонстрации эпических текстов и их глубокой текстологической проработки, – нам удалось воспроизвести утраченные или искаженные формулы и устойчивые выражения и тем самым способствовать сохранению богатого языка сказительского искусства.

Список литературы

Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2014. № 2 (вып. 27). С. 68–72.

Кузьмина Е. Н. Героический эпос – поэтический феномен народа. // Дуйно элдеринин эпосторунун фестивалы. Всемирный фестиваль эпосов народов мира. The world epics festival. Уулу тоолор. 2019. С. 516–528.

Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Сост., подгот. текстов и пер. Л. Н. Арбачаковой; отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с.

Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык / Вступ. ст., подгот. поэт. текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова; музыковед. ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

Фольклор шорцев / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).

Функ Д. А. Из истории текста шорского эпического сказания «Мерет-оолак» // Информационный бюллетень координационного Центра комплексных исследований эпической традиции (при отделе Севера Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва). 2003. № 3, июль–сентябрь, 23 с.

Рукописи шорских героических сказаний

Ак Сагал (Ақ Сагал). Зап. в марте 1998 г. Л. Н. Арбачаковой от А. В. Рыжкина // Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Фонд Л. Н. Арбачаковой. 2 аудиокассеты: № 12.148 и 12.148. Рукопись. 32 с. (На шор. яз.).

Куба Салгын (Куба Салғын). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова // Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Фонд Л. Н. Арбачаковой. Рукопись. 151 с. (На шор. яз.).

Мерет-олак (Мерет-оолак). Зап. в 1984 (?) г. С. К. Павлючик от К. И. Турушпанова // Личный архив Н. С. Уртегешева. Рукопись. 57 с. (На шор. и рус. яз.).

Мерет Олак, имеющий волшебного коня (Мерет сар аттыг Мерет Оолак). Зап. в 1984 (?) г. С. К. Павлючик от К. И. Турушпанова // Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Фонд Л. Н. Арбачаковой. 2534 стр. (На шор. и рус. яз.).

References

Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N. Shorskiy epos: priznaki ugasania tradistii [Shor epos: the signs of dying away of the tradition]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2014. No. 2 (iss. 27). Pp. 68–72. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Geroicheskiy epos – poeticheskiy fenomen naroda [Heroic epos – a poetic phenomenon of the people]. *Duyno elderinin epostorunun festivaly* [The World Epos Festival of Peoples of the World]. Uulu toolor, 2019, 588 p. (In Russ.).

Skazaniya shorskogo kaichi V. E. Tannagasheva [Epics by the Shor kaichi V. E. Tannagashev]. Chief Editor E. N. Kuz'mina. Novosibirsk, RITs NGU, 2014. 318 p. (In Russ.).

Shorskie geroicheskie skazaniya. Kan-Pergen. Altyn-Syryk [Shor heroic epics. Kan-Pergen. Altyn-Syryk]. Introductory article, preparation of poetic text, translation, commentary by A. I. Chudoyakov; mu-sicological article and preparation of musical text by R. B. Nazarenko. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 1998. Vol. 17. 463 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East). (In Russ.).

Shorskiy fol'klor [Shor Folklore]. Recording, translation, introduction, notes by N. P. Dyrenkova. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1940. 448 p. (In Russ.).

Fol'klor Shorzev [Folklore of the Shor People]. Comp. by L. N. Arbachakova. Novosibirsk: Nauka, 2010. 608 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 29). (In Russ.).

Funk D. A. Iz istorii teksta shorskogo epicheskogo skazaniy "Meret-oolak" [From the history of the text of the Shor epic "Meret-oolak"]. *Newsletter of the Coordination Center for Comprehensive Studies of Epic Tradition (under the North Department of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow)*. 2003. No. 3, July–September. 23 p. (In Russ.).

Manuscripts of Shor heroic epics

Ak Sagal. Recorded by L. N. Arbachakova from A. V. Ryzhkina in 1998. *Archive of the Department of Foklore of Institute of Philology SB RAS*. Found of L. N. Arbachakova. 2 audio tapes, numbers 12.148, 12.148. Manuscript, 32 p. (In Shor).

Kuba Salgyn. Recorded by L. N. Arbachakova from A. P. Napazakova in 1996. *Archive of the Department of Foklore of Institute of Philology SB RAS*. Found of L. N. Arbachakova. Manuscript, 151 p. (In Shor).

Meret-oolak. Recorded by S. K. Pavlyuchik from K. I. Turushpanov in 1984 (?). *Archive of N. S. Urtegeshev*. Manuscript, 57 p. (In Shor and in Russ.).

Meret sar attyg Meret Oolak [Meret Olak with the magic horse]. Recorded by S. K. Pavlyuchik from K. I. Turushpanov in 1984 (?); tape decrypted by L. N. Arbachakova. *Archive of the Department of Foklore of Institute of Philology SB RAS*. Found of L. N. Arbachakova. Manuscript, 84 p., 534 lines. (In Shor and in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2022*

Сведения об авторе

Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: anzass@mail.ru

ORCID 0000-0001-9570-6505

Information about the Author

Lyubov' N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: anzass@mail.ru

ORCID 0000-0001-9570-6505

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.332 (=512.151)

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-33-42

Зооморфный код в мифоритуальной традиции алтайцев

Н. Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье выявлены особенности реализации зооморфного кода культуры в мифологии и обрядности алтайцев. Материалом исследования послужили фольклорные тексты разных жанров: мифы, легенды, предания, сказания, обрядовые произведения алтайцев. Основными методами исследования являются описательный метод и метод семантической реконструкции, методика мотивационного анализа, применяемые в этнолингвистике и лингвофольклористике. Автор пришел к выводу, что зооморфный код выступает одним из основных, задействованных в кодировании культурных смыслов в фольклорной картине мира. Он участвует в образовании различных мифем в фольклорных текстах алтайцев: теонимов, демонимов, хрононимов, космонимов. Выделены мотивационные модели их образования.

Ключевые слова

фольклор алтайцев, мифология алтайцев, зооморфизация, зооморфный код в мифологии алтайцев, теонимы, демонимы, хрононимы, космонимы

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Зооморфный код в мифоритуальной традиции алтайцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 33–42. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-33-42

Zoomorphic code in the mythological and ritual tradition of Altaians

N. R. Oynotkinova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article reveals the peculiarities of the zoomorphic cultural code implementation in the mythology and rituals of the Altai people. Folklore texts of different genres: myths, legends, historical legends, tales, and ritual works of Altaians were studied using the descriptive method, the method of semantic reconstruction, and the method of motivational analysis used in ethnolinguistics. The concept of “double coding” serves as a methodological basis for studying the zoomorphic code in the mythological picture of the world of the Altaians. The culture code is understood as a way of expressing meaning when describing the material and spiritual world in the cultural space by native speakers, as well as a linguistic way of conceptualizing the surrounding world. Cultural codes in mythological texts are enclosed

© Н. Р. Ойноткинова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

in lexical representatives-mythemes denoting various objects of the material and spiritual world and united by a theme. The author concludes that the zoomorphic code is one of the main ones involved in the coding of conceptual cultural meanings in the language picture of the world. The mythological interpretation of certain mythemes as zoomorphic entities in the mythological and ritual culture of Altaians provided one of the means of coding and reflecting the world picture. The zoomorphic code plays a role in the conceptualization and formation of various myths: theonyms, demonyms, names of cult objects, cosmonyms, and chrononyms. In addition, motivational models of mytheme formation are identified.

Keywords

folklore of Altaians, mythology of Altaians, zoomorphization, zoomorphic code in the mythology of Altaians, theonyms, demonims, chrononyms, cosmonyms

For citation

Oynotkina N. R. Zoomorfnyy kod v miforitual'noy traditsii altaytsev [The zoomorphic code in the mythological and ritual tradition of Altaians]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 33–42. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-33-42

Введение

Роль животных в человеческом языке и культуре велика: с помощью них человек концептуализирует мир, выражает определенные культурные смыслы. Зооморфный код культуры как универсальный способ означивания в языке закрепляется в лексике и текстах культуры. Цель данной статьи – выявить особенности зооморфного кода в текстах мифоритуальной традиции алтайцев.

Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные (архивные и полевые) материалы по фольклору алтайцев. Список источников указан в списке литературы, а также подробно охарактеризован в монографии автора [Ойноткинова, 2021, с. 35–39].

Методы исследования

С позиций семиотики код определяет соответствия между планом выражения и планом содержания языка. В свою очередь код культуры представляет собой «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [Большой толковый словарь..., 2003, с. 190–191]. При выявлении важных в культуре смыслов для исследователя необходимо определить общие особенности и черты культурного кода, систематизировать их с помощью научной терминологии. Термины научного описания кодов культуры, разработанные в лингвистике, достаточно широко применяются для описания различных текстов / дискурсов, в том числе и фольклорных. Выявление культурных кодов как способов выражения смыслов в культурах имеет огромное значение для определения специфики языковых картин мира, запечатленных в фольклоре и культуре вообще.

Коды вырабатываются в той или иной культуре и, соответственно, прочитываются ее носителями. Код культуры – это способ выражения носителями языка смысла при описании материального и духовного мира в культурном пространстве, а также языковой способ концептуализации окружающего мира. В связи с этим в лингвистике под *кодом* подразумевается «вторичное» использование знаков, уже имеющих закрепленное за ними «первичное» значение, при этом знаки могут иметь не только языковую природу, но и внеязыковую – это могут быть вещи, действия, природные объекты и другие реалии жизни или ментальные сущности [Толстая, 2002, с. 124]. О коде речь идет тогда, когда усвоенный языком культурный знак, несущий определенный смысл, используется по подобию для обозначения смысла другого знака. Базовые культурные коды универсальны для всех лингвокультур, но в то же время они имеют свои особенности. Сам набор кодов, как правило, однотипен, оригинальны лишь способы организации его элементов и выбор денотатов.

Поскольку мифология, в отличие от самого языка, относится к вторичным моделирующим структурам и в мифологических текстах любое слово несет символическое значение, то исследователи предлагают выделять *мифологические коды* отдельно. Культурные коды в мифологических текстах заключаются в лексических репрезентантах-мифемах, обозначающих различные объекты материального и духовного мира и объединенных в рамках мифологической темы. В них заключены культурные смыслы, отражающие ценности и нормы культурного сообщества. При выявлении важных в культуре

смыслов для исследователя важно определить общие особенности и черты культурного кода на обширном материале мифологических текстов и систематизировать их с помощью научного аппарата. В кодовом слове, в мифеме, мы имеем дело не только с его лексическим значением, но и с его семантикой, которая может быть обусловлена контекстом, ведущим к символизации и метафоризации слова. К. Леви-Стросс называл мифемы «словами с двойным значением» [1983, с. 428], так как в них заключены особые символические значения. «Обыденному» значению слова, или значению слова, фиксируемому в словаре, оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение. Е. Бартинский называет мифологический код мифолого-символическим кодом [2005, с. 106–107].

Методологической основой нашего исследования мифологических кодов стала концепция «двойного кодирования» (Р. Барт, К. Леви-Стросса). «Двойное кодирование» проявляется в раскрытии двойных мифологических кодов, применяемых в выражении лексического значения и символического смысла, сочетании различных кодов друг с другом. Д. Б. Гудков также отмечает, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общеязыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [2004, с. 42]. Исследователь предложил называть символическое значение мифологическим, противопоставляя его обыденному значению соответствующей лексемы [Гудков, 2018, с. 49].

Основными методами нашего исследования являются *описательный метод и метод семантической реконструкции*, а также *методика мотивационного анализа*, применяемые в этнолингвистике. Метод семантической реконструкции позволяет рассмотреть комплекс факторов (собственно языковых, ментальных, культурно-прагматических), способствовавших формированию и развитию значения слова. В анализе мифем, семантика которых раскрывается в мифе-тексте, должны учитываться такие важные компоненты, содержащиеся в культурно-прагматической зоне значения, как коннотации и ассоциативный фон. Мотивационный уровень предполагает «группировку слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)» [Толстая, 2002, с. 116].

Животный мир становится «зеркалом» мира людей: соответственно, животные обретают свойства эталонных носителей тех или иных индивидуальных или социальных характеристик человека (заяц – трусость, пчела – трудолюбие, осел – глупость и т. д.). По содержанию эти языковые знаки представляют собой реалии мира, переосмысленные с точки зрения их ценности, они стали носителями культурных идей (добрый – злой, хороший – плохой и т. д.). Фрагментам мифологической картины мира дается оценка. Различные в жанровом отношении тексты фольклора объединяет общий дискурсивный ценностно-ориентирующий (верифицирующий) модус – типовой модусный смысл, выраженный в фольклорных текстах, направленных на трансляцию ценностных установок с позиции фольклорного коллектива [Тубалова, 2016, с. 301].

В основе многих мифов о животных лежит мифологема сотворения животных добрым и злым богами: Кудаем (другие его имена – Курбустан, Ульген, Быркан) в соперничестве с дьяволом – Эрликом. Животными, созданными Эрликом, считаются медведь, соболь, кабарга, коза, верблюд. Эти животные относятся к «черным». В некоторых мифах, рассказанных охотниками, акцентируется внимание на том, почему нельзя есть мясо «черных» животных. Этиологические мифы описывают то, каким внешним обликом наделило божество тех или иных животных, например, почему у бурундука на спине полосы, у барсука на лбу залысина, у зайца уши черные, у марала под глазами отметины, у козули на бедре белые пятна; почему летяга во время грозы прячется под деревом; почему сурки уходят в норы и т. д.

В мифах алтайцев мифологема о грешных животных реализуется в эпизодах сюжетов о том, как Кудай (Бог) после сотворения спустился на землю, чтобы понаблюдать, как живут его птицы и звери, довольны ли они своей жизнью. Божество наказывает тех животных, которые нарушили его предписание, порядок в мироустройстве. В результате наказания за преступление или поощрения за достойный поступок появились некоторые изменения во внешнем облике или повадках животного. Через образы животных осуждаются различные недостатки человека: через образ барсука — хвостовство; образ медведя, попросившего пятый палец, — грубая сила, отсутствие ума; образ бурундука — воровство.

В мифах о животных прослеживается антропоморфизм образов, они повествуют о превращениях человека в животное. В медведя превращается заблудившийся в лесу человек; в сурка — охотник, выстреливший в любимую птицу бога Кудая (Ульгена) — ласточку (в разных вариантах мифа — в коршуна, орла); в летучую мышь — шаман, не вылечивший сына божества; в летягу — божество, нечаянно пнувшее в глаз сына божества (или своровавшее у божества колокольчик); в бурундука — укравший у божества корову; в зайца — дочь божества, которая становится почитаемым идиолом у алтайцев.

Животные и птицы, по мифологическим представлениям алтайцев, бывают «чистыми» (святыми, добрыми) и «нечистыми» (дьявольскими, проклинающими, злыми). К «нечистым» относятся хищные и вредоносные птицы (*кускун* ‘ворон’, *каргаа* ‘ворона’, *сангыскан* ‘сорока’, *јүкү* ‘сова, филин’), к «чистым» — *күүле* ‘голубь’, *күүк* ‘кукушка’, *шонкор* ‘сокол’. Так, кумандинцы относили к «чистым» птицам ласточку (*карлагаиш*), голубя (*күүле*), перепелку (*пөдне*), коростеля (*тартал*), рябчика (*сынма*), теререва (*куртук*) — они все предназначены людям для еды¹. Оппозиция «чистый» — «нечистый» касается не всех птиц, некоторые из них никак не вовлечены в данное противопоставление. Эта оппозиция возникает на основе тех произведений, легенд и мифов, которые связаны с мифологемой сотворения мира и человека. Животные в мифоритуальной традиции алтайцев отражают, с одной стороны, некоторые анимистические, шаманские, тотемистические воззрения, с другой — нравственные ценности. За каждой мифемой закрепляется определенная оценка носителей национальной культуры. Это позволяет в конкретно-ситуативных условиях использовать эти единицы для оценки реальной действительности.

Итак, перейдем к мотивационным моделям, на основе которых появились различные мифемы в традиционной культуре алтайцев.

Теонимы

Зооморфный код участвует в концептуализации и образовании теонимов по семантической модели «животное→божество». В мифе о сотворении земли и человека два гуся, летающие над океаном, олицетворяют двух божеств — Эрлика, божество подземного мира, и Ульгена — божество Верхнего мира. Орнитоморфные божества известны в мифологиях других народов. В фольклоре разных народов птицы и некоторые другие животные являются воплощением божества, демиурга, героями, превращенными людьми, ездовыми животными шаманов и героев (гусь), тотемными предками и т.д.

Теоним Каршит можно сравнить с именем мифической космической птицы Каршиптар, которая в иранской мифологии выступает в облике водоплавающей птицы-гуся, мифического крылатого существа, владыки водной стихии. По мифологии древних иранцев, наставления Ахура Мазды принесла людям птица Каршиптар [Лелеков, 1987, с. 625]. Возможно, алтайский теоним Каршит связан с теонимом Каршиптар, который состоит из имени Каршит и аффикса множественного числа *-тар*. По легендам алтайцев, две птицы (гусь и утка) сотворили землю, достав со дна океана ил-землю, и по своим образам они близки к мифическим птицам Каршиптар в иранской мифологии. Орнитоморфные образы под влиянием идей мировых религий, возможно, были позже заменены на других персонажей: одну из птиц стали называть Ульгеном, а другую — Эрликом. Появление имени Каршит в религиозно-мифологической традиции некоторых тюркских племен Южной Сибири, возможно, связано с этногенезом народов Сибири или взаимовлиянием религий и верований народов.

Демонимы

В соответствии с мотивационной моделью «животное→дух» концептуализация различных наименований духов невидимого мира происходит за счет переносных номинаций, зооморфизмов. Так, наряду с другими прямыми номинациями используются метафорические наименования животных для обозначения различных духов природы, стихий: земли, воды, воздуха, огня.

Светлые духи имеют зооморфный облик, например: Кара-Куш — букв. ‘Орел’, Бай-Мүркүт ‘Священный Беркут’, *бура / нура / нура / пугра* ‘верблюд’ — ездовые животные божеств Верхнего мира.

¹ Полевые материалы экспедиции, собранные в 1964 г. В. Диосеги и Ф.А. Сатлаевым и полевые материалы, собранные в 1984 г. Н. А. Алексеевым. Текст 37, л. 44. Записал Н. А. Алексеев в 1984 г., перевел Ф. Сатлаев // Архив сектора фольклора (АСФ) ИФЛ СО РАН, ед. хр. 10.001.

Кара-Куш (букв. ‘Черная птица’) ‘Беркут’ – шаманское божество, дух Верхнего мира. У алтайцев правобережья Катуня считается одним из сыновей божества Ульгена. Во время камлания, до обращения к духу-покровителю Дьайыку (*Дайык*), находящемуся в юрте, шаман восхваляет Кара-Куша. Функция этого персонажа, духа-помощника шамана, заключается в том, что он охраняет шамана во время камлания от нападения враждебных духов и шаманов: *Айлу-күндү тенгери, / Ак булутты аткарган, / Айды-күнди жылдырган / Күкүрчидин ээзи / Күндү-айлу тенгерим / Ай канатту Кара-Куш...²* ‘Лунное, солнечное небо, / Разгоняющий белые облака, / Передвигающий солнце и луну, / Хозяин громовержца, / Мое небо с солнцем и луной, / Кара-Куш, имеющий луновидные крылья ...’ (перевод А. В. Анохина, уточнен мною. – Н. О.).

Своего духа-помощника шаманы также называли *Бай муркүт* ‘Священный беркут’. По количеству их бывает пять или девять. *Тенгере кужу беш мөркүт / Јес тырмакту казыр куш. / Ай тырмагы јес болгон, / Ай тумчугы мус болгон. / Табыр-тубур канатту, / Пазар-пузар куйрукту, / Сол канады ай нүркүген, / Он канады күн нүркүген...* ‘Небесные птицы – пять беркутов, / С медными когтями грозная птица, / Луновидные когти – медные, / Луновидный клюв – ледяной, / С хлопающими крыльями, / С издающим шум хвостом, / Левое крыло луну закрывает, / Правое крыло ее солнце закрывает’ [Баскаков, Яимова, 1993, с. 48].

На бубне телеутских шаманов изображались девять (или восемь) птиц– беркутов. Семь из них назывались *Ўлгән јәтти Кара Куш* ‘Семь беркутов Ульгена’. Восьмая птица, которая рисовалась несколько больше всех остальных, имела название *Ўлгән кужу бай муркүт* ‘Ульгена птица – священный беркут’.

Бура / пура / пугра ‘верблюд’ – это зооморфный дух, служащий ездовым духом божеству или шаману. Считалось, что у Ульгена своя *бура* – лошадь, на которой он совершает путешествия. Когда шаман совершает камлание Ульгеню, он предварительно ловит *бура* Ульгена, привязывает и держит так до окончания обряда, чтобы быть уверенным, что, когда он поднимется со своими духами к Ульгеню, он застанет его дома [Дыренкова, 1949]. *Бура* изображается на бубне в виде облаков. *Бура* Верхнего мира обозначается цветами небесных явлений, например, облаков, радуги, зари, солнца: *кызыл бура* ‘красный верблюд’, *јажыл бура* ‘зелёный верблюд’.

При камлании высшим существам и Алтаю восхваляют *буру*. Этот мифозооним имеет вид архара (*кочкор*), каждый из них с тремя ответвлениями на рогах (но это изображение приблизительное, не точное). «При камлании над большим *буру* не славословят». Три *буры* живут наверху, с неба они спускаются на землю, питаются травой и злаками. Они являются хозяевами Сүт-Көля, они же производят гром: *Сүт көлдин үч бура / Айдын, күннүн јаяганы³* ‘Три верблюда молочного озера – / Создания луны, солнца’ (перевод уточнен мною – Н. О.). В камлании Эрлику *бура* в призываниях шамана наделяется эпитетом *кара* ‘черный’: *Үч мүүстү Кара-Бура, / Сүт көлимнин ээзи⁴* ‘Трехрогий Черный-Бура, / Хозяин Сүт-Келя моего хозяин’ (перевод уточнен мною. – Н. О.).

На ездовом животном *бура* шаман «поднимался» в Верхний мир. Им мог владеть только опытный шаман. У «великих» шаманов имелись также *чер айактыг пугра* ‘бугра, имеющий земные ноги’, т. е. *бура-кони*, предназначенные для связи с духами земного и подземного мира. У «средних» шаманов не было небесных коней, поэтому те не поднимались в Верхний мир. Владели они *бугра* с земными ногами, на них ездили к духам Среднего или Нижнего мира. Изображения таких коней кумандинцы нанесли на бубны [Сатлаев, 1974, с. 158–160].

В камлании эта птица всегда сопровождает шамана, выполняет обязанности слуги: подносит брагу (*абырткы*) духу, по поручению шамана относит его бубен или его самого домой. *Бай Ўлген кужу бай муркүт, / Јес тырмакту кара куш, / Тура јиктү төс көнөктү, / Ай тырмакка илип ал, / Ай канатка пур кеп ал, / Аттан чыккан ак ардомо / Аттан чыккан ак айланчыкка, / Айланып алкир!* ‘Птица богатого Ульгена богатый беркут, / С медными когтями черная птица. / Берестяное ведро с поперечным швом. /

² Материалы А. В. Анохина. Мистерия *кама* Чодор. Мистерия Эрлику, л. 33. Алтай, 19 август 1910 г. // Архив МАЭ РАН, ф. 11, д. 17. 63 л.

³ Материалы о музыкальном творчестве народов Алтая, собранные А. Анохиным. Призывание духов *кама* Моштой, л. 1. Алтай 1910 г. // Архив Томского областного краеведческого музея, ф. 17, д. 19. 26 л.

⁴ Материалы А. В. Анохина..., л. 33.

На лунообразные когти твои повесь, / Лунообразным крылом твоим затемни – прикрой. / В мое жилище, откуда я вышел, прославляя духов, / К моему чистому жилью – аланчику, откуда я вышел, именуя духов, / Вернись и внеси!» [Дыренкова, 1949, с. 119]. Возможно, что шаманы приписывали этим существам орнитоморфный признак из-за их быстроты и скорости передвижения. Они считались светлыми духами.

В мифоконцептах, обозначающих духов стихий (воды, земли), понятийное ядро которых составляет наименование животного, зооморфный код поддерживается цветовым кодом. Как правило, для обозначения земных духов используются наименования животных с колоративами, эти наименования в зависимости от сущности духов имеют положительную или отрицательную оценку: *көк бука*, *көк теке*, *кара марал*, *сыгын*, *кара айу*, *ак бөрү*.

Духи, связанные со стихиями воды, обозначаются такими зооморфизмами, как *көк бука* ‘синий бык’, *көк теке* ‘синий козел’, *Кер Балык* ‘Гнедая Рыба’, держащая землю на своей спине. Синий бык, как и синий козел, относятся к категории духов стихии воды – моря, океана, которые символизируют предвестников стихийного бедствия, катастрофы, войны. Данная мифологема связана с представлением о том, что моря, океаны связаны с подземным миром. Синий бык (*көк бука*) является одним из персонажей алтайских мифов, эпоса, быличек. Цветовой признак *көк* ‘синий’, ассоциирующийся с холодом, льдом, стихией воды, характерен и для мифемы *теке* ‘козел’, встречающейся в легенде о потопе: *Шайык шыгарда, тебир мүйүстүг көк теке чети күн, чети катан чер айландыра, мараан чат чүгүрчүрдир* ‘Учуяв приближение потопа, синий козел с железными рогами бегал вокруг земли семь раз’ [НПА, 2011, с. 116, 117, 428].

Злые духи обозначаются цветовым признаком *кара* ‘черный, темный’. Так, в описании подземного царства Эрлика в шаманских мистериях и сказаниях алтайцев, чудовища изображены следующим образом: *Анданышкан кара пакалар*, / *Анданышкан кара јутпалар*, / *Огырышкан кара айулар Каан-Эрликтин јайаганы* ‘Кишащие черные лягушки (на песках), / Кишащие черные живоглоты, / Рычащие черные медведи – создания Хана-Эрлика’ (перевод уточнен мною. – Н. О.) [Анохин, 1924, с. 86]. *Јутпалар* – это чудовища с зелёными бедрами, с бледной грудью, челюсти их подобны большой лодке, живут они на берегу реки Тойбодым и охраняют дворец божества подземного мира Эрлика [Там же, с. 3–4].

Добрые духи земли обозначаются наименованиями *ак ан* ‘белый зверь’, *сыгын* ‘марал’, маркированными образными цветовыми признаками. По представлениям охотников, если на охоте встретить животного с белой шкурой (*ак ан*) – например, белого лося или белку, – то будет удача. Шкуру белой белки как амулет хранили, считая, что добыча зверя-альбиноса предвещает счастье и богатство, защищает от злых духов.

Артефакты

В наименованиях шаманских реалий, в частности бубна, фетишей, идолов, божков, заложен зооморфный код языка и культуры. В основе номинаций присутствует мотивационная модель «животное-дух→артефакт». Так, например, духа бубна шамана, служащего ему ездовым средством, метафорически называли *атан* ‘верблюд’, *бура* ‘верблюд’, *парыс* ‘барс’. Этих духов шаман изображал на предмете, и они становились визуальными элементами его атрибутов.

Атан / *адан* ‘верблюд’ – в мифологии алтайцев образно-мифологическое наименование бубна, служащего шаману ездовым средством. Н. П. Дыренкова об изготовлении шаманского бубна у телеутов писала: «На наружной поверхности под кожу [бубна] кладётся шесть деревянных полушарообразных деревяшек, которые образуют возвышения *өркөш*, т.е. горб; они служат резонаторами. Вот почему шаман называет свой бубен “*алты өркөштү ак аданым*” – “мой бубен о шести горбах”» [Дыренкова, 1949, с. 114]. Бубен обтягивался кожей дикого марала, оленя или самца косули (*курап*) (в некоторых случаях – кожей молодой лошади). Готовый бубен освящался особым образом: «Новый бубен, при чтении молитв, шаман или шаманка сначала обкуривают зажженным можжевельником, потом кропят вином (*аракы*). С этого момента бубен приобретает значение священного предмета и употребляется при совершении религиозных обрядов» [Анохин, 1924, с. 51]. Процесс изготовления бубна завершался обрядом оживления нового шаманского бубна, который сопровождался не только действиями окропления, но и «общения» с этим предметом. Считается, что эти духи-помощники после проведения обряда освящения бубна и шаманского костюма оживают. Шаман «получал» бубен от своих духов-покровителей

и духов-хозяев родовых гор, т.е. бубен делался не по личному желанию шамана, а по требованию духов-предков или же духов почитаемых гор [Потапов, 1947, с. 161]. Оживленный бубен ассоциировался с тем или иным духом-помощником шамана. Таким образом, бубен, обтянутый шкурой того или иного животного, становился одушевленным помощником шамана. По сути, бубен становился олицетворением этого животного: дикого марала, оленя или самца косули (*курун*), молодой лошади.

Зооморфный код участвует в концептуализации шаманских артефактов и фетишей, сделанных из частей тела животных. Алтайцы, как и другие тюркские народы, в ритуальной традиции имели заячьего божка, идола (*койон жайык*), поскольку считалось, что он обладает охранительной силой. *Койонды жайаачы деп байлап жат. Кёбёк сёбёкту улус койонды байлап жат. Мүркүттин тамажын айылдын эжигинин үстине илип койгон. Иркиттер оны олтурбес, айылдын коручызы деп. Мүркүтти улус байлап жат, ненин учун дезе озодо жарап ул бала кайадан уч отурадда, мүркүт кел тудалан. База турнаны, уларды байлап жат. Турна эш жүрер*⁵ 'Зайца почитают как *дъайаачи*-покровителя. Люди из рода *кёбёк* почитают зайца. Ноги беркута вешают над входной дверью *аила*. Иркиты не убивают эту птицу, поскольку она является защитницей *аила*. По мифам, беркута люди почитают из-за того, что однажды один красивый мальчик слетел со скалы, беркут поймал его на лету. Также почитают журавля, улара. Журавли живут парно' (перевод мой. – Н. О.).

Космонимы

От наименований животных образовано несколько космонимов – *Ўлкер* (Улкер / Улькер), или Мечин 'Обезьяна' (о созвездии Плеяды), *Ўч Мыйгак* (Уч Мыйгак – 'Три Маралухи', созвездие Орион), Улу 'Дракон'. В их основе лежит мотивационная модель «животное → космическое светило».

«Когда Улькер находилась на земле, это была одна звезда. Когда же Улькер, разбив копыта корове, взметнулась в небо, она разбилась на семь звёзд» [НПА, 2011, с. 418; вар. 1 текста 14]; «Корова, опередив коня, наступила на Мечин. Мечин сквозь её копыта взмыл в небо и распался на несколько звёзд. С тех пор у коровы копыта раздвоенные» [Там же, с. 418; вар. 2 текста 14]. Наступление холодов, по представлениям алтайцев, связано с созвездием Улкер (Плеяды), которое управляет погодой и насыщает холод.

Название созвездия Орион – *Ўч Мыйгак* 'Три Маралухи' объясняется широко распространенным в мировом фольклоре мифом о стрелке, погнавшемся за маралухами, который вместе с ними и своей собакой вознесся в небо, и они превратились в звезды. Согласно мифам алтайцев, три самых ярких звезды Ориона (*Ўч Мыйгак*) отождествляются с тремя маралухами, которые, спасаясь от охотника по имени *Кёгүтей* (*Кёгүдей Мерген*), вознеслись на небо. Преследуя трех маралух в небе, он вместе с ними и со своими тремя собаками превратился в одну из звезд созвездия Орион (тексты 16, 17, к варианту 17 указаны 9 текстов) [НПА, 2011, с. 106–107].

Улу (Лу) – в мифологии монгольских и тюркских народов образ дракона – владыки водной стихии и громовержца заимствован из китайского фольклора. Гром – это рев (скрежет зубов) Лу, а молния возникает тогда, когда он быстро свивает и распрямляет свой хвост. «Громь производить Улу, который зимует на тайгахъ (б'ълках), а лѣтом поднимается на небо; молнія происходит отъ вилянiя его хвостомъ, громъ его голось. Молнiя бьетъ въ то дерево, гдѣ скрывается бурундукъ; она огибаеть дерево винтообразно (айландра) и уходитъ въ землю (Тотой, Теленгитка, Чуя). По рассказу информантки Тотой из рода тѣлѣс, на р. Чуя, гром производит Дракон, который зимует на белках (высоко в горах), а летом поднимается в небо [Потанин, 1893, с. 141].

Хрононимы

Согласно мотивационной модели «животное → время» наименования животных легли в основу временных понятий: названий годов и месяцев. Так, на основе наименований животных сложился календарь, их наименования использованы в номинациях 12-летнего цикла. В мифе события происходят после потопа, когда на Алтае из всех животных остались всего двенадцать животных, которые вошли в названия годов [НПА, 2011, с. 118–127]. Первый год этого календаря называется *чычкан жыл* 'год мыши', второй – *уй жыл*

⁵ Личный архив Н. Р. Ойроткиной, № 575. Зап. Н. Р. Ойроткина и Е. И. Исмагилова в 2009 г. от М. Б. Петпенковой, 1939 г. р., из рода сагал, с. Саратан Улаганского района РА.

‘год коровы’, затем следуют: *бар жыл* ‘год барса’, *койон жыл* ‘год зайца’, *улуу жыл* ‘год дракона’, *жылан жыл* ‘год змеи’, *ат жыл* ‘год лошади’, *кой жыл* ‘год овцы’, *мечин жыл* ‘год обезьяны (или созвездия Плеяд)’, *такаа жыл* ‘год курицы’, *ийт жыл* ‘год собаки’, *какай жыл* ‘год кабана’ [Енчинов, 2013, с. 188]. Положительная, нейтральная или негативная оценка года соотносится с признаком животного, именем которого назван год.

К благоприятным относили год мыши, год лошади, год зайца, год овцы, поскольку это животные нехищные, считаются созданиями божьими. В народном сознании мышь воспринимается как животное запасливое, а значит, и год будет урожайным, с теплой зимой и хорошей погодой летом. В год зайца ожидают богатого урожая орехов, ягод и зерновых, приплода скот. Год лошади также считается благоприятным, приносящим достаток, так как это животное, созданное божеством Верхнего мира. В год овцы ожидают большого приплода скота, теплого и длинного лета.

Неблагоприятными годами считаются: год коровы, год дракона, год змеи, год обезьяны. Корова – это животное с «холодным дыханием», созданное божеством Нижнего мира Эрликом, поэтому в ее год зима бывает холодной и затяжной. Дракон является олицетворением огня, и в его год ожидают тяжелую, холодную зиму, весну и осень с грозами, ливнями, засухами и пожарами. Год змеи представляется затяжным, так как змея – существо хладнокровное, живущее в земле. Год обезьяны считается одним из самых неблагоприятных, поскольку в ее год бывают холода. Год собаки сулит голод, так как это животное проживает свою жизнь в поисках пищи, год будет суетливым [Енчинов, 2013, с. 189].

Нейтральными, «средними» годами являются год барса, год курицы, год кабана. В год барса прогнозируется как хорошее, так и плохое: шкура этого животного покрыта пятнами, поэтому и год барса для людей и животных будет неоднозначным. Год курицы ожидается неурожайным, так как курица ненасытна, гребет все под себя. Кабан – животное с «холодным дыханием» и непредсказуемым нравом, в год кабана выпадет достаточное количество осадков, благоприятные погодные условия предвещают хороший урожай [Там же, с. 189].

Наименования некоторых животных используются также в номинациях месяцев, например, август алтайцы называют *жайгы куран ай* ‘летний месяц косули’, сентябрь – *сыгын ай* ‘месяц оленя’, февраль – *кочкор ай* ‘месяц горного барана’, май – *күүк ай* ‘месяц кукушки’, а у кумандинцев – *ак балык ай* ‘месяц нереста рыбы’, декабрь – *кышкы куран ай* ‘зимний месяц косули’. В эти названия месяцев вошли те животные, с которыми человек сталкивался в природе и своей хозяйственно-трудовой деятельности.

Заключение

Таким образом, мифологическая интерпретация тех или иных мифем в мифоритуальной культуре алтайцев как зооморфных сущностей послужила одним из средств кодирования и отражения картины мира. Зооморфный код участвует в концептуализации и образовании различных мифем, в основе которых лежат мотивационные модели: теонимов – «животное→божество», демонимов – «животное→дух», наименований культовых предметов – «животное→артефакт», космонимов – «животное→космическое светило», хрононимов – «животное→наименование времени». Представление божеств и духов в образах животных является универсальной мифологемой, характерной и для других архаических мифологий. На основе этого представления в мифоритуальной традиции алтайцев также возникли различные шаманские и языческие зооморфные артефакты (фетиши). Зооморфными казались некоторые небесные светила. Наименованиями животных обозначались временные понятия: месяцы и годы.

Список литературы

- Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 152 с. Репринтное издание: Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Предисл. С. Е. Малова. Л., 1924.
- Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
- Баскаков Н. А., Яимова Н. А.* Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Республ. тип., 1993. 123 с.
- Большой толковый словарь по культурологии / Ред. Б. И. Кононенко. Москва: Вече, АСТ, 2003. 511 с.

- Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 2004. Вып. 26. С. 39–50.
- Гудков Д. Б. Мифологическая основа кодов культуры // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 44–50.
- Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 107–190.
- Енчинов Э. В. Традиции и инновации в народном календаре алтайцев в конце XX – начале XXI вв. // *Studia culturae*. 2013. № 18. С. 187–196.
- Леви-Стросс К. Структура и форма // Семиотика. М.: Радуга, 1983, с. 400–428.
- Лелеков Л. А. Каршиптар // Мифы народов мира. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 625.
- НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткина, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
- Ойроткина Н. Р. Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 622 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. Вып. 4. 944 с.
- Потанов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племён Алтая // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 139–183.
- Сатлаев Ф. А. Кумандинцы: историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века. Горно-Алтайск: Алтай. кн. изд-во, 1974. 200 с.
- Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.
- Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 370 с.

References

- Anokhin A. V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on shamanism among Altaians]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994, 152 p. A reprinted edition: Anokhin A. V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev* (Sobrannye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii) [Materials on shamanism among Altaians (collected during travels in 1910–1912 in Altai on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia)]. S. E. Malov (Pref.). Leningrad, 1924). (In Russ., in Altai).
- Bartmin'skiy Ye. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 2005, 528 p. (In Russ.).
- Baskakov N. A., Yaimova N. A. *Shamanskiye misterii Gornogo Altaya* [Shamanic mysteries of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, Respubl. tip., 1993, 123 p. (In Russ., in Altai).
- Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [Big explanatory dictionary of cultural studies]. B. I. Kononenko (Ed.). Moscow, Veche, AST, 2003, 511 p. (In Russ.).
- Dyrenkova N. P. *Materialy po shamanstvu u teleutov* [Materials on shamanism among Teleuts]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Coll. of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 10, pp. 107–190. (In Russ.).
- Enchinov E. V. *Traditsii i innovatsii v narodnom kalendare altaytsev v kontse 20 – nachale 21 vv.* [Traditions and innovations in the folk calendar of Altaians in the late 20th – early 21st centuries]. *Studia culturae*. 2013, no. 18, pp. 187–196. (In Russ.).
- Gudkov D. B. *Edinitsy kodov kul'tury: problemy semantiki* [Units of cultural codes: problems of semantics]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: Sb. statey* [Language, consciousness, communication: coll. of art.]. Moscow, 2004, iss. 26, pp. 39–50. (In Russ.).
- Gudkov D. B. *Mifologicheskaya osnova kodov kul'tury* [Mythological basis of culture codes]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: Sb. statey* [Language, consciousness, communication: coll. of art.]. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds.). Moscow, MAKS Press, 2018, iss. 60, pp. 44–50. (In Russ.).

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairy tale prose of Altaians]. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 30 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 30]). (In Russ., in Altai).

Lelekov L. A. Karshiptar. In: *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow, Sov. entsikl., 1987, p. 625. (In Russ.).

Levi-Stross K. Struktura i forma [Structure and form]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga, 1983, pp. 400–428. (In Russ.).

Oynotkinova N. R. *Mifologicheskaya kartina mira altaytsev: kontsepty, motivy, syuzhety* [The mythological picture of the world of Altaians: concepts, motives, plots]. Novosibirsk, NSU Publishing and Printing Center, 2021, 622 p. (In Russ.).

Potantin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on Northwest Mongolia]. St. Petersburg, Pub. house of V. Kirshbaum, 1883, iss. 4, 944 p. (In Russ.).

Potapov L. P. Obryad ozhivleniya shamanskogo bubna u tyurkoyazychnykh plemon Altaya [The rite of reviving the shaman drum among the Turkic-speaking tribes of Altai]. In: *Trudy Instituta etnografii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, 1947, vol. 1, pp. 139–183. (In Russ.).

Satlayev F. A. *Kumandintsy: istoriko-etnograficheskiy ocherk 19 – pervoy chetverti 20 veka* [Kumandins: historical and ethnographic essay of the 19th – first quarter of the 20th century]. Gorno-Altaysk, Altayskoye kn. izd., 1974, 200 p. (In Russ.).

Tolstaya S. M. Motivatsionnyye semanticheskiye modeli i kartina mira [Motivational semantic models and the picture of the world]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2002, no. 1 (3), pp. 112–127. (In Russ.).

Tubalova I. V. *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-oriyentirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk, TSU Publ., 2016, 370 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
06.09.2022*

Сведения об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Российская Федерация)

E-mail: n.bayzhanova@mail.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: n.bayzhanova@mail.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 398.21(=511.142)

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-43-52

Прозаический фольклор ваховских хантов (к интерпретации современных записей)

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена интерпретации аудиозаписей прозаического фольклора, сделанных во время экспедиции к хантам реки Вах – одной из групп восточных хантов. 24 текста, записанные на ваховском диалекте, переведены на русский язык информантами. Русскоязычные тексты используются для жанрово-сюжетной характеристики образцов, а звукозаписи позволяют выявить особенности интонирования. Автор очерчивает круг источников, где опубликованы собранные на протяжении столетия образцы прозы ваховских хантов, обобщает сведения о жанрах и их народных наименованиях, кратко описывает сюжеты и образы текстов, с опорой на народную терминологию устанавливает две жанровые области прозы ваховских хантов – сказки и несказочная проза. Последняя опознается благодаря жанровому маркеру – инициальным словесным формулам. Для интонирования ваховских сказок и несказочной прозы характерны: обычная речевая манера, отсутствие поющих эпизодов и игры на музыкальных инструментах, наличие звукоподражаний. Напевное исполнение зафиксировано только в кумулятивной сказке.

Ключевые слова

фольклор обских угров, ваховские ханты, сказки, несказочная проза, интонирование, кумулятивная сказка

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Прозаический фольклор ваховских хантов (к интерпретации современных записей) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 43–52. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-43-52

Prose folklore of the Vakh Khanty (to the interpretation of contemporary records)

G. E. Soldatova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to interpreting audio recordings of prosaic folklore made during the expedition to the Khanty of the Vakh river, the group of Eastern Khanty. Twenty-four texts recorded in the Vakh dialect of the Khanty language were translated into Russian by the informants themselves. Russian-language texts are used for genre-plot characterization of samples, and sound recordings are analyzed to reveal the intonation specifics. Several publications of Vakh

© Г. Е. Солдатова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

Khanty oral folklore samples collected during the century were considered, the largest being the collections published in Russian by N. V. Lukina and in Khanty by N. I. Tereshkin and L. E. Kunina. The author summarizes the information on genres and their folk names and briefly describes the plots and characters of folklore prose. Many plots common among the Vakh Khanty are known to the neighboring peoples: Selkups and Kets. Folk tales and non-fairytale prose have been found to be the main types of the Vakh Khanty prose. Non-fairytale prose texts are easily identified by the genre marker, the initial word formulas. All narrations have been found to be intoned in the usual speech manner: melodious performance is not typical for Vakh folktales and non-fairytale prose. No musical episodes sung or performed on musical instruments were found. To some extent, the “musicalization” of folktales and non-fairytale prose is due to the various onomatopoeia. The melodious performance has been found only in the cumulative folktale “Pyut’kyali” (“The Birdie”), with the main intonation of the Khanty telling preserved even in the sounding of the Russian translation.

Keywords

folklore of the Ob-Ugrians, Khanty of the Vakh river, folk tale, non-fairytale prose, intonation, cumulative folk tale

For citation

Soldatova G. E. Prozaicheskiy fol’klor vakhovskikh khantov (k interpretatsii sovremennykh zapisey) [Prose folklore of the Vakh Khanty (to the interpretation of contemporary records)]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 43–52. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-43-52

Хантыйский прозаический фольклор принадлежит к живым традициям, сохранившимся в Сибири, но степень его сохранности сильно варьирует в зависимости от локализации. Ваховские ханты¹ проживают на хорошо освоенной территории Нижневартовского района ХМАО–Югры, известного своими нефтяными месторождениями. Немногочисленное коренное население Ваха живет преимущественно в благоустроенных поселках в русскоязычной среде. Неудивительно, что степень владения родным языком у хантов здесь невелика, а знание фольклора – редкость.

Для того, чтобы выяснить степень сохранности фольклора и обрядов у ваховских хантов, Институтом филологии СО РАН в 2008 г. была организована экспедиция по р. Вах. Сотрудники института² обследовали поселки, расположенные в среднем и верхнем течении Ваха. Записи удалось сделать лишь в трех населенных пунктах – Охтеурье, Ларьяке и Корликах. Описание фольклорной ситуации в регионе по результатам полевых исследований приведено в статье [Сагалаев, Солдатова, 2008], материалы по обрядовой культуре и повествовательные тексты ваховских хантов на русском языке опубликованы в сборнике «Традиции и инновации в фольклоре народов Сибири» [Гомбожапов, Сагалаев 2008; Солдатова, 2008]. Тексты на хантыйском языке и точный построчный перевод пока не публикуются, поскольку образцы из этой коллекции планируется издать в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В статье используется материал, записанный в основном в с. Охтеурье и с. Ларьяк. Основные информанты – Сигильтова Валентина Нестеровна (56 лет), Хохлянкина Ульяна Тимофеевна (50 лет), Хохлянкина Наталья (Анастасия) Викторовна (42 лет), Прасина Марина Александровна (42 лет). Они входят в узкий круг людей, являющихся одновременно носителями ваховского диалекта хантыйского языка и знатоками фольклора этой локальной группы. Во время работы с информантами мы просили рассказать фольклорный текст по-хантыйски, а затем пересказать его по-русски – и в качестве подспорья русскоязычному собирателю, и ради снятия возможных вопросов в будущем у переводчика, владеющего другим диалектом хантыйского. Благодаря двуязычию информантов, их внимательности и старательности, записанные на русском пересказы получились достаточно подробными, близкими к переводу. Полученные таким способом образцы повествовательных жанров представляют отдельный интерес для исследователя: они могут быть сопоставлены с уже опубликован-

¹ Ваховские ханты – одна из этнолокальных групп восточных хантов, расселенная по берегам р. Вах и ее притоков.

² В составе экспедиции работали сотрудники сектора фольклора народов Сибири: визуальный антрополог К. А. Сагалаев, этнограф А. Г. Гомбожапов, этномузыковед Г. Е. Солдатова. Группа передвигалась на катере «Визан» (капитан В. В. Шубин, моторист Е. Ю. Фролов, г. Томск).

ными материалами по фольклору ваховских хантов, а наличие аудиозаписей дает возможность выяснить, как интонируются сказки и несказочная проза, какие исполнительские особенности отличают данную локальную традицию от иных.

Представленные в публикациях тексты фольклорной прозы ваховских хантов записаны преимущественно на русском языке. Единичные образцы сказок и преданий зафиксированы У. Т. Сирелиусом (1898–1900 гг.) [2001], К. Доннером (1912 г.) [1915], Г. М. Дмитриевым-Садовниковым (1909) [1998], М. Б. Шатиловым (1926) [1976; 2000]. Крупная коллекция ваховских повествовательных текстов собрана в 1969–1983 гг. и издана этнографами В. М. Кулемзиным и Н. В. Лукиной. Изначально запись велась на русском языке, избранные тексты были записаны на хантыйском на магнитофон и переведены на русский молодыми хантами. Публикации этих материалов осуществлены на русском в трех книгах: «Легенды и сказки хантов» [1973] – 18 текстов, «Материалы по фольклору хантов» [1978] – 37 текстов, «Мифы, предания, сказки хантов и манси» [1990] – 14 повторно опубликованных ваховских текстов, взятых из двух предшествующих изданий. Наши материалы (24 текста), записанные в 2008 г. и опубликованные на русском языке [Гомбожапов, Сагалаев, 2008; Солдатова, 2008], сопоставимы с упомянутыми выше коллекциями по количеству и, кроме того, имеются в звукозаписях³.

Первая коллекция народной прозы ваховцев на хантыйском языке и в переводе на русский опубликована выдающимся хантыйским лингвистом Н. И. Терешкиным «в качестве образцов связной речи» в его книге о ваховском диалекте [Терешкин, 1961, с. 99]. Девять из семнадцати текстов можно отнести к сказкам и преданиям, остальные – бытовые рассказы и загадки. Тексты не атрибутированы, указаны лишь населенные пункты, где проживали информанты: Лабаз-Ёган, Большой Ларьяк и Корлики.

В 2005 г. вышла книга Л. Е. Куниной, носительницы ваховского диалекта хантыйского языка – единственный сборник фольклорной прозы Ваха на двух языках [Альвы, 2005]. В него вошли 24 образца устного народного творчества, записанные автором в селениях Корлики, Сосновый Бор, Чехломей, Колекъёган в 1999–2002 гг. Материалы имеют паспортные данные, жанровую атрибуцию, комментарии некоторых выражений. В предисловии, написанном Т. А. Молдановым, представлена краткая характеристика персонажей и приведена народная жанровая терминология [Там же, с. 3]. Перечисленными коллекциями ограничивается круг изданий фольклорной прозы ваховских хантов.

Опираясь на опубликованные сведения, содержащиеся в работах Н. В. Лукиной [Кулемзин, Лукина, 1977⁴; Мифы, предания, сказки хантов..., 1990], Л. Е. Куниной [Альвы, 2005], Т. А. Молдановой [2009], можно предположить, что основными жанрами прозаического фольклора ваховских хантов являются сказка, рассказ, предание. В монографии В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной [Кулемзин, Лукина, 1977, переиздание – 2006] даны следующие термины и описания жанров:

– предания *илновэтјасән*⁵, среди которых повествования о борьбе с самоедами, цикл сказаний об Альвали и Сэвсики: «Последний представляется в разных обликах: то обыкновенного человека, то огромного существа, ломающего дерева, то в виде заколдованного старца или духа, ... в виде змеи с разным количеством голов» [Кулемзин, Лукина, 2006, с. 165];

– сказки *ман'т'*, большинство из них – о животных, которые обладают человеческими качествами, помогают людям; если сказки о медведе, то он именуется иносказательно (он, старик, зверь);

– бытовые рассказы *јасән* [Там же, с. 165–166].

В предисловии Тимофея Молданова к книге Л. Е. Куниной приведена несколько иная народная терминология, характеризующая предания и рассказы: *илновэ йах эрэхлилтэ кӧл* ‘предание людей прошлых времён’, *эрэхлилтэ* ‘рассказ’ [Альвы, 2005, с. 3]. В то же время Татьяна Молданова словом *эрэхлилтэ* обозначает былички [2009]. Это говорит о том, что народные названия жанров (кроме сказки, которая называется практически одинаково во всех диалектах) не являются жестко закрепленными, и поэтому информанты могут сообщать собирателю номинации, отличающиеся друг от друга, образованные от значимых слов: *erəyliltä* ‘рассказывать’, *jäsəŋ* ‘рассказ, сказание’ и *ilnowət* ‘старое

³ Звукозаписи хранятся в секторе фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

⁴ Фольклористический раздел монографии написан Н. В. Лукиной.

⁵ Здесь и далее при цитировании сохранено написание оригинала. Одни и те же слова в разных источниках (даже у одного автора) могут быть написаны неодинаково.

время' [Терешкина, 1981, с. 50, 63, 65]. В статье Т. Молдановой упоминаются также мифы и мифологические предания, но хантыйский термин не назван [2009].

Решению проблемы жанровой систематизации прозаических текстов способствует прослушивание аудиозаписей и изучение хантыйского оригинала. В самом тексте находится ключ к пониманию установки сказителя на достоверность или недостоверность. Все информанты применяют словесные формулы в начале повествования, давая слушателю знать, будет ли сообщение содержать правдивую историю. Записанные на аудио образцы ваховской прозы, хантыйские тексты из сборника Л. Е. Куниной и книги Н. И. Терешкина содержат в начальных строках определенные слова или группы слов. «Ильновына-ильновына...» – так В. Н. Сигильетова начала рассказывать *быль* о том, как женщина выдала хантов врагам звуком своего мониста [Солдатова, 2008, текст 4]. По ее словам, с этого выражения всегда начинаются были, по-хантыйски они называются *ильновэ ях эрэглильта тахыл* 'перерасказ старых людей'. С фольклористической точки зрения это жанр преданий. Такой же или подобной формулой (*ильновынэ ях 'старые люди [рассказывали]'*) начинаются записанные нами образцы несказочной прозы: «Как старик обманул врагов», «Военная были», «Как подросток убил стариков из-за кровной мести», «Собаچه озеро» (записаны от У. Т. Хохлянкиной), «Собака (Почему люди стали умирать)», «Почему люди устраивают медвежьих игрища» (записаны от М. А. Прасиной) [Там же, тексты 9–12, 17, 18]. В записях Л. Е. Куниной слова *ильновэяна* (*ильновяна, ильнована*) 'в старину' встречаются только в тех образцах, что отнесены ею к преданиям. Словами *валэхэн* (*валэхэн, выллыгын-выллыгын* 'жили-жили', вариант: *ти выл-выл, ти выл-выл*) начинается большая часть сказок. Так же обстоит дело со сказками и в нашей коллекции. В текстах Н. И. Терешкина зачины включают слова: *валуэн / ти валлуэн / валвалт* (в переводе соответственно 'жили' / 'живут-поживают' / 'живут'), и только в одном тексте («Птичка и мышь») – *ил новэна* 'в старое время' [1961, текст 10].

Начальные словесные формулы, таким образом, выполняют функцию жанрового маркера: слово *ильнована* или его варианты в начальной строке текста обозначает, что перед нами образец несказочной прозы, а не сказка. Более дробного деления несказочной прозы на жанры (предание, мифологический рассказ, быличка) в народном представлении не сформировалось. Важен только критерий достоверности / недостоверности.

Образцы народной прозы различаются по героям и сюжетам. Самым популярным героем сказок является мифологический персонаж Сэвс-ики (*Сэвсики, Сэвэс-ики*; где *ики* – старик, *Сэвс* – информанты затруднились перевести⁶), «негативный дух мужского пола» [Альвы, 2005, с. 3], который воспринимается как злой дух, похожий на медведя, но не медведь. Некоторые ханты, пытаясь объяснить это по-русски, называют его Бабой-Ягой. Его антиподом является Альвали – сын верховного бога Торума, посредник между богом и людьми, защитник людей от злых существ. В представлениях ханты, он имеет облики трясогузки, росомахи и паука [Там же, с. 129]. Сказки об Альвали и Сэвс-ики занимают значительную часть репертуара ваховских сказочников, о чем свидетельствуют записи разных лет. В числе других сказочных фигур – женский отрицательный персонаж Пэрни, медведь, заяц, бундук, глухарь, лебедь и др. Популярные сюжеты, зафиксированные нами:

– Женщина, нарушив запрет на увеселения в темное время суток, развлекает детей, подбрасывая груди. Другая женщина не делает этого. Приходит Сэвс-ики и съедает семью женщины, нарушившей запрет, другая же спасается;

– Сэвс-ики отдает свою дочь в жены вдовцу, запретив ей говорить. Муж провоцирует ее нарушить табу и лишается жены;

– Брат и сестра – Трясогузки обманывают Сэвс-ики / Медведя, заманивают его в яму и протыкают зад острым предметом, из этого отверстия появляются комары и мошки. Другой вариант: Альвали рубает его топором и сжигает, из пепла появляется гнус;

– Ягодка и Соломинка спорят, кто дольше проживет. Обе проигрывают: Соломинка сгорает, а Ягодка лопаается от смеха.

Прозаические несказочные тексты, называемые в народе «былями», повествуют о следующем:

⁶ Ср. в публикации Н. И. Терешкина: *сэвсэ ики* в хантыйском, Дед Сывсы – в русском [Терешкина, 1961, с. 113 и др.].

- старик во время военных действий заманивает врагов в свой дом (чум) и поджигает их (известный у кетов и селькупов сюжет «Старик в заячьей парке»);
- ценная собака, оставленная хозяевами на старой стоянке, выжила вместе со щенками (отсюда название озера);
- человек из-за собаки (по наущению злого духа перепутавшей наказ бога) стал смертным;
- почему люди должны устраивать медвежий праздник и др.

Сюжеты о появлении гнуса из тела убитого или сожженного людоеда, а также тексты об огне, который наказывает хозяйку за плохое обращение с ним, или тексты, где объясняется, почему у глухаря брови красные, почему у бурундука полоски на спине, имеют многочисленные варианты в опубликованных собраниях хантыйских текстов [Терешкин, 1961; Легенды и сказки хантов, 1973; Материалы по фольклору..., 1978; Мифы, предания, сказки, хантов..., 1990; Альвы, 2005] и широкие аналогии в Сибири (манси, кеты, селькупы и др.) и за ее пределами (см. распространение фольклорно-мифологических мотивов в Указателе Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина⁷).

Судя по известным публикациям, сюжетно-образный состав сказок и несказочной прозы ваховских хантов довольно устойчив, он остается стабильным на протяжении как минимум ста лет (от первых записей У. Т. Сирелиуса и К. Доннера до наших сборов 2008 г.).

Имея в распоряжении звучащий материал, можно говорить о **характере интонирования** сказок и несказочной прозы у ваховцев, об отличии его от других хантыйских традиций. Показательными с этой точки зрения являются: инструментальное сопровождение сказывания или включение наигрышей в текст повествования, наличие музыкальных (песенных) эпизодов или фрагментов с выделенным (отличающимся от обычной речи) интонированием, иное омузыкаливание повествования (звукоподражания и пр.).

Известно, что в середине XX в. у хантов р. Вах существовал струнный музыкальный инструмент *панан-юх*, который «использовался при исполнении эпических произведений и в шаманских сеансах» [Кулемзин, Лукина, 2006, с. 167]. У аганских хантов, также относящихся к восточной группе, до недавнего времени сохранялось вокально-инструментальное исполнение сказки: чередование голоса и звука струнного инструмента (арфы или лютни)⁸. Даже у северных хантов, где инструментальная культура практически не развита, есть примеры использования в сказках наигрышей на варгане *тумран*. Можно предположить, что ваховские сказки тоже некогда были связаны с игрой на музыкальном инструменте, но свидетельств этому не нашлось. В современной культуре ваховских хантов инструментальное музицирование не зафиксировано.

Отталкиваясь от известного в северо-хантыйской сказочной традиции сочетания речевой и поющей формы исполнения, а также включения музыкальных поющих эпизодов в словесную ткань повествования [Солдатова, 2020], можно предположить наличие таковых и в ваховских сказках и несказочной прозе. Однако вокальные (поющие) эпизоды в повествовательном фольклоре ваховских хантов отсутствуют – это подтверждается и аудиозаписями, и публикациями. Чтобы убедиться, что так было и раньше, пришлось переслушать все аудиозаписи и просмотреть тексты в источниках, наиболее представительных по числу образцов, на предмет наличия в них косвенных признаков поющих эпизодов: в вербальной расшифровке они обычно оформляются как стихотворный текст, предваряемый

---

⁷ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 11.11.2022) См. В74. Красноглазый глухарь. Глаза глухаря или тетерева покраснели от слез; Н28. Существо превращается в комаров. Убитое и уничтоженное (часто сожженное) существо (обычно людоед, свирепое животное, сильный шаман) превращается в жалающих насекомых или других вредных, неприятных или опасных существ; Н28А. Пепел сожженного превращается в комаров. Когда персонажа сжигают, дым и искры превращаются в комаров и других кровососущих насекомых, которые разлетаются по миру; В69. Полосатый бурундук. Желая отблагодарить или наказать небольшого грызуна (бурундука, сурка, белку), персонаж делает его полосатым, обычно проведя лапой или рукой ему по спине.

⁸ Восточно-хантыйские сказки с инструментальной музыкой зафиксированы новосибирскими и финскими исследователями. Некоторые записи помещены на компакт-диске, изданном в Финляндии: The Great awakening – music of the Eastern Khanty. Produced by J. Niemi and J.-M. Jukkara. Finland, 2001. (Global Music Centre, GMCD 0107).

словами «поет», «запел» и т. п. В текстах, опубликованных Н. В. Лукиной, Н. И. Терешкиным, Л. Е. Куниной, поющих эпизодов обнаружить не удалось⁹. Ваховская проза, зафиксированная нами в аудиозаписях, интонируется в обычной речевой манере, не напевно. Исключение составляет лишь кумулятивная сказка, о ней речь пойдет ниже.

Отсутствие пения и других средств омузыкаливания частично компенсируется включением в большинство сказок и несказочных образцов различных звукоподражаний. Это средство обогащает звуковой строй повествования, делает его более ярким и зримым. Имитации различных звуков присутствуют в текстах прозаических жанров всех упомянутых коллекций. Звукоизобразительная лексика хорошо видна в текстах, записанных на хантыйском языке. В сборнике «Альвы» [2005] сказки и предания содержат звукоподражания, смысл которых разъяснен в комментариях к текстам: *Тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч* – подражание «скрипу снега, в фольклоре связано с персонажем Сэвсики» [Альвы, 2005, с. 133]; *Пы-ы-ы* – полету комара [Там же]; *Пэчи-чи-най-най!* – птице [Там же, с. 135]; *Тик-тик-тикэрвэл* – быстрой ходьбе [Там же, с. 136]; *Пэцёх, пэцёх* – «огню, когда горит нечто сухое» [Там же, с. 138]. Также в сказке о нарушении запрета на вечерний шум стабильно употребляется звукоподражательный возглас героини: *Түти лавэс! Пэли лавэс!* ‘Груды висящие, пэли висящие’ (*пэли* – параллелизм к слову «груди») [Там же, с. 137]). В текстах, записанных на аудио, для изображения шагов Сэв-ики и подбрасывания грудей использованы такие же звукоподражания: *Тягыр-пуч-пуч!* и *Тютти лавэс, пэли лавэс!*

Кумулятивная сказка «Пютъякли» («Птичка») записана от двух информантов из с. Охтеурье. Первый вариант рассказала Р. К. Карнаухова. Она слышала эту сказку от своего деда, Корнила Никитича Камина, знавшего много сказок и песен. Приводим текст полностью.

- Птичка, птичка, где лук и стрелы, куда дел? – он спрашивает. Отвечает птичка:
- Я положил стрелы на тот пень.
- А где этот пень?
- Этот пень огонь съел.
- А тот огонь куда делся?
- А тот огонь дождем залило.
- А этот дождь куда делся?
- А этот дождь четыре девицы (*шепотом*: зима, лето, весна, осень) развеяли.
- А куда эти четыре девицы делись?
- А этих четырех девиц обрывом смыло.

Птичка. Сказка. Перевод с ваховского диалекта хантыйского языка. Исполнитель Карнаухова (дев. фам. Сигильетова) Раиса Кузьминична, 1954 г.р. Записала Г. Е. Солдатова в с. Охтеурье Нижневартовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Bird. Folk tale. Translation from the Vakh dialect of the Khanty language. Performer Karnaukhova (maiden name Sigilyetova) Raisa Kuzminichna, born in 1954. Recorded by G. E. Soldatova in 2008 in the village Okhteuriye of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

У ваховских хантов такой текст фиксируется впервые. Он имеет цепевидную структуру, построенную, согласно систематизации И. Ф. Амроян, по принципу словесно-текстового нанизывания (2.2.1. Логические ряды места) [Амроян, 2005, с. 73]. Самый близкий ему вариант записан Н. В. Лукиной на Васюгане [Мифы, предания, сказки хантов..., 1990, с. 255, текст 101]. В нем похожая образная цепочка: лук и стрелы, пень, костер, дождь, девчонки, вода. Мотивы поиска лука и стрел, перечисление природных стихий и явлений (земля, лед, солнце, облако, ветер) обнаруживаются также и в мансийском фольклоре, в частности, в опубликованной в том же издании сказке «Акврись» («Бабушка»), записанной В. Н. Чернецовым на Северной Сосьве в 1936 г. [Там же, с. 504, текст 197]. В публикациях встречаются и другие мансийские варианты сказки – похожие по структуре, но более далекие по образам.

⁹ Единжды встретилось слово «поет» перед звукоподражанием [Альвы, 2005, текст 14, с. 98–99].

Важные детали открываются при знакомстве со вторым вариантом сказки – под названием «Пютькяли и Сэвс-ики». Его исполнила Наталья Хохлянкина, дочь сказочника Виктора Яковлевича Хохлянкина. Она вспомнила лишь фрагмент сказки «про Сэвс-ики – про Бабу-Ягу».

- Птичка-птичка, куда ты свою стрелу полóжила?
- Я свою стрелу полóжила на пень. (Баба-Яга-то и говорит:)
- А на пне-то нету твоей стрелы. Куда ты стрелу дела?
- Я сюда стрелу, на пень лóжила.
- На пне твоей стрелы нету.
- Куда она делась? ...

Птичка и Сэвс-ики. Сказка. Перевод с ваховского диалекта хантыйского языка. Исполнитель Хохлянкина Анастасия (Наталья) Викторовна, 1966 г.р. Записала Г. Е. Солдатова в с. Охтеурье Нижневартовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Birdie and Sevs-iki. Folk tale. Translation from the Vakh dialect of the Khanty language. Performer Performer Khokhlyankina Anastasia (Natalia) Viktorovna, born in 1966. Recorded by G. E. Soldatova in 2008 in the village Okhteuriye of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

Сказка на хантыйском исполнена напевно. Такое интонирование не является собственно пением, это скорее напевное и ритмичное проговаривание текста, в котором угадывается мелодический контур. Долгий слог всегда вокализован сильнее, его и ряд других звуков можно записать нотами, указав высоту. В ритмослоговой схеме¹⁰, приведенной ниже, жирным шрифтом показан более долгий (по сравнению с другими краткими) слог, на него приходится слабый акцент:

К	К	К	К	Д	К
<i>püt'</i>	<i>kä</i>	<i>li,</i>	<i>püt'</i>	<i>kä</i>	<i>li</i>

По нашей просьбе информант устно перевела этот текст на русский, строчка в строчку. Удивительно, но в переводе тоже сохранилась основная интонация, с которой прозвучала эта сказка на хантыйском:

К	К	Д	К
<i>Птич_</i>	<i>ка,</i>	<i>пти_</i>	<i>чка</i>

Значит, напевное исполнение очень важно для такого рода сказки – напев не потерялся в памяти исполнителя, а сохранился, распространяясь даже на иноязычный текст.

Сопоставление Птички и Сэвс-ики в миниатюрной сказке не может быть случайным, поскольку ваховская традиция знает несколько вариантов «большой» сказки об их противостоянии. Птичка – один из образов Альвали (Альвы), культурного героя, аналогичного северо-хантыйскому Ими-хилы и селькупскому Иття. В 1912 г. К. Доннер записал на Вахе «отрывок саги» о Пютькяли. Герой *pütkül änisäg*, большая птица, обманут сестрой. Он попадает к людоеду *sew'si ki* и, в обмен на свободу, обещает отдать за него замуж свою сестру. Вернувшись домой, он вместе с сестрой придумывает, как убить людоеда. Тот застревает в двери, а птица убивает его и поджигает дом; *sew'si ki* предрекает, что из его пепла каждое лето будут появляться комары и пить кровь людей [Доннер, 1915, с. 51–52]. К. Доннер считает, что этот текст «можно было бы сравнить с одним из эпизодов самоедского эпоса» [Там же, с. 51].

Схождения в фольклоре селькупов и восточных хантов не единичны, некоторые сюжеты являются общими для обоих этносов, а какие-то фиксировались и у кетов (например, о старике в заячьей парке, который сжег врагов в чуме; о женщине, развлекавшей младенцев подкидыванием грудей) и других народов¹¹. Особого внимания в связи с напевной кумулятивной сказкой «Пютькяли» заслуживает мифопоэтическая песня о человеке-птице «Пикуля», бытовавшая прежде у разных групп селькупов и кетов

¹⁰ Литеры К и Д обозначают краткие и долгие длительности соответственно, примерно равные восьмым и четвертям.

¹¹ На некоторые сюжеты, бытующие в фольклоре васюганско-ваховских хантов и встречающиеся у других народов, указывают В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина [Легенды и сказки хантов, 1973, с.8–9].

[Дорожкова, 1997]. Черты сходства обусловлены, по всей вероятности, длительными контактами обских угров с этносами кето-селькупского ареала.

Выводы, касающиеся исполнения сказок и несказочной прозы, получены на основании аудиозаписей и в результате сопоставления их с доступными публикациями ваховской народной прозы. Поскольку количество записанных материалов невелико и они иногда фрагментарны, то умозаключения, высказанные в данной статье, имеют предварительный характер. Мы выяснили следующее. В жанровом отношении фольклорная проза ваховских хантов делится на две области: сказки и несказочная проза. Последняя легко опознается благодаря жанровому маркеру – инициальным словесным формулам. Все повествования интонируются в обычной речевой манере: напевное исполнение для ваховских сказок и несказочной прозы не характерно, вставных эпизодов (поющих или играемых на музыкальных инструментах) нет. Омузыкаливание текстов в некоторой степени происходит благодаря вкрапленнию в них многочисленных звукоподражаний. Напевное исполнение зафиксировано только в кумулятивной сказке, происхождение которой может проясниться через сопоставление с фольклорными традициями соседних народов.

Большинство исполнителей фольклорной прозы ваховских хантов прекрасно знают родной язык, но писать на нем не умеют. Понятно, что передача фольклорной традиции в данном случае происходит устным путем, не испытывая влияния книжной культуры. Есть надежда, что такая передача не прервется. Наличие нескольких вариантов текста, записанных в одном населенном пункте, свидетельствует как раз об этом.

Список литературы

- Äл'вы. Альвы. / Сост. и пер. Л. Е. Куниной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 144 с.
- Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2005. 296 с.
- Гомбожапов А. Г., Сагалаев К. А. Материалы по повествовательному и обрядовому фольклору ваховских хантов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. статей и материалов. Новосибирск, 2008. С. 129–134.
- Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки. Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Доннер К. Самоедский эпос / Пер. с англ. В. М. Крутковского // Труды Томского Общества изучения Сибири / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1915. Т. 3. Вып. 1. С. 38–53.
- Дорожкова Т. Ю. Кеты и селькупы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 103–129.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. 226 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: Этнографические очерки. Тюмень: Мандр и К°, 2006. 208 с.
- Легенды и сказки хантов / Записи, введение и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. 62 с.
- Материалы по фольклору хантов / Записи, введение и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. 216 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хант., манс., нем. яз. / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 568 с.
- Молданова Т. А. Женские образы в прозаическом фольклоре р. Вах // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: Материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной). Ханты-Мансийск, 2009. С. 371–377.
- Сагалаев К. А., Солдатова Г. Е. Фольклор и обряды хантов реки Вах: современное состояние // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 362–376.
- Сиреллус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 344 с.

Солдатова Г. Е. Музыка в северо-хантыйских сказках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 41–62. DOI: 10.17223/18137083/73/3

Солдатова Г. Е. Материалы по фольклору обских угров // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. статей и материалов. Новосибирск, 2008. С. 111–128.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка / Отв. ред. К. Е. Майтинская. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Ч. 1: Ваховский диалект. 205 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 542 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 228 с. (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»)

Шатилов М. Б. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. С. 155–165.

References

- Ал'ву. Ал'ву. L. E. Kunina (Comp. and transl.). Tomsk, TSU Publ., 2005, 144 p. (In Khanty, in Russ.).
- Amroyan I. F. *Povtor v strukture fol'klornogo teksta (na materiale russkikh, bolgarskikh i cheshskikh skazochnykh i zagovornyykh tekstov)* [Repetition in the structure of the folklore text (on the basis of Russian, Bulgarian and Czech folk tale and incantation texts)]. Moscow, Gos. respubl. tsentr rus. fol'klora, 2005, 296 p. (In Russ.).
- Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Versty i stroki* [Versts and lines]. Ekaterinburg, Sredne-Ural'skoe kn. izd., 1998, 223 p. (In Russ.).
- Donner K. Samoedskiy epos [Samoyed epic]. V. M. Krutkovsky (Transl. from English). In: *Trudy Tomskogo Obshchestva izucheniya Sibiri* [Proceedings of the Tomsk Society for the Study of Siberia]. G. N. Potanin (Ed.). Tomsk, 1915, vol. 3, iss. 1, pp. 38–53. (In Russ.).
- Dorozhkova T. Yu. Kety i sel'kupy [Kets and Selkups]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols.]. Novosibirsk, 1997, vol. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri [Traditional Musical Culture of the Peoples of Siberia]. Bk. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Traditional Music Culture of Indigenous Peoples of Siberia]. pp. 103–129. (In Russ.).
- Gombozhapov A. G., Sagalaev K. A. Materialy po povestvovatel'nomu i obryadovomu fol'kloru vakhovskikh khantov [Materials on narrative and ritual folklore of the Vakh Khanty]. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri: Sb. nauch. statey i materialov* [Traditions and innovations in the contemporary folklore of the peoples of Siberia: Coll. of sci. art. and materials]. Novosibirsk, 2008, pp. 129–134. (In Russ.).
- Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse 19 – nachale 20 vv.: Etnograficheskie ocherki* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 20th – early 20th centuries: Ethnographic essays]. Tomsk, TSU Publ., 1977, 226 p. (In Russ.).
- Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse 19 – nachale 20 vv.: Etnograficheskie ocherki* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 20th – early 20th centuries: Ethnographic essays]. Tyumen, Mandr i Ko, 2006, 208 p. (In Russ.).
- Legendy i skazki hantov* [Legends and Tales of Khanty]. V. M. Kulemzina, N. V. Lukina (Record., intr., and footnotes). Tomsk, TSU Publ., 1973, 62 p. (In Russ.).
- Materialy po fol'kloru khantov* [Materials on the folklore of Khanty]. V. M. Kulemzina, N. V. Lukina (Record., intr., and footnotes). Tomsk, Tomsk, TSU Publ., 1978, 216 p. (In Russ.).
- Mify, ppedaniya, skazki xantov i mansi: Per. s khant., mans., nem. yazykov* [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. N. V. Lukina (Pref., comm.), E. S. Novik (Ed.). Moscow, Nauka, Gl. red. vost. lit., 1990, 568 p. (In Russ.).
- Moldanova T. A. Zhenskie obrazy v prozaicheskom fol'klоре r. Vakh [Female characters in the prose folklore of the river Vakh]. In: “*Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashikh vzorov...*”: *Materialy nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. yubileyu M. K. Vagatovoy (Voldinoy)* [“Relatives, I do not hide the beautiful from your eyes ...”: Proc. of sci.-pract. conf. with intern. part., devoted to the anniv. of M. K. Vagatova (Voldina)]. Khanty-Mansiysk, 2009, pp. 371–377. (In Russ.).

Sagalaev K. A., Soldatova G. E. Fol'klor i obryady khantov reki Vakh: sovremennoe sostoyanie [Folklore and rituals of Khanty of the Vakh River: the current state]. In: *Aktual'nye problemy sibirskoy fol'kloristiki: Materialy Vseros. nauch. konf.* [Actual problems of Siberian folklore. Materials of All-Russian sci. conf.]. Novosibirsk, 2008, pp. 362–376. (In Russ.).

Shatilov M. B. Dramaticheskoe iskusstvo vakhovskikh ostyakov [Dramatic art of the Vakhovsky Ostyaks]. In: *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk, TSU Publ., 1976, p. 155–165. (In Russ.).

Shatilov M. B. *Vakhovskie ostyaki (Etnograficheskie ocherki)* [Vakh Ostyaks (Ethnographic Essays)]. S. G. Parhimovich (Ed.). Tyumen, Yu. Mandriki Publ., 2000, 228 p. (Kraevedcheskaya bibliotekha zhurnala "Lukich" [Local history library of the "Lukich" magazine]). (In Russ.).

Sirelius U. T. *Puteshestvie k khantam* [Travel to Khanty]. N. V. Lukina (Transl. from German and publ.). Tomsk, Tomsk, TSU Publ., 2001, 344 p. (In Russ.).

Soldatova G. E. Materialy po fol'kloru obskikh ugrov [Materials on folklore of the Ob-Ugrians]. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri: Sb. nauch. statey i materialov* [Traditions and Innovations in the Modern Folklore of the Peoples of Siberia: Coll. of sci. art. and materials]. Novosibirsk, 2008, pp. 111–128. (In Russ.).

Soldatova G. E. Muzyka v severo-khantyyskikh skazkakh [Music in the Northern Khanty folk tales]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 41–62. DOI: 10.17223/18137083/73/3 (In Russ.).

Tereshkin N. I. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka* [Essays on dialects of the Khanty language]. K. E. Maitinskaya (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, pt. 1: Vakhovskiy dialect [Vakh dialect]. 205 p. (In Khanty, in Russ.).

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 542 p. (In Khanty, in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.09.2022*

Сведения об авторе

Солдатова Галина Евлампьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

Information about the Author

Galina E. Soldatova – Candidate of Art Studies, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

ИСТОРИЯ НАУКИ О ФОЛЬКЛОРЕ

УДК 398; 398.2

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-53-62

Хакасский фольклор в записях В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова

Е. С. Торокова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены тексты хакасского фольклора, опубликованные во втором и девятом томах «Образцы народной литературы тюркских племён» в 1868 и 1907 гг. Второй том состоит из материалов В. В. Радлова, собранных им во время экспедиции в 1863 г. В него вошли восемнадцать героических сказаний, одно историческое предание и тридцать девять песен, записанных на сагайском, качинском, койбальском и кызыльском наречиях. В девятом томе опубликованы все жанры хакасского фольклора, записанные Н. Ф. Катановым на сагайском, бельтирском, койбальском и качинском наречиях в 1889–1890, 1892 гг. Было выявлено, что Н. Ф. Катанов проводил сбор фольклорного материала в тех же местах, где бывал В. В. Радлов. Сделан вывод о том, что материалы этих двух томов дополняют друг друга и могут использоваться в ареальных исследованиях по фольклору хакасов.

Ключевые слова

хакасский фольклор, жанры, диалекты, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов

Для цитирования

Торокова Е. С. Хакасский фольклор в записях В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 53–62. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-53-62

Khakass folklore in the recordings of V. V. Radlov and N. F. Katanov

E. S. Torokova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation

Abstract

The paper addresses the 2nd and the 9th volumes of the series “Samples of Folk Literature of Turkic Tribes,” which include the records of V. V. Radlov and N. F. Katanov on Khakass folklore. The 2nd volume of “Samples” comprises 19 heroic tales, two historical legends, and 39 songs recorded by V. V. Radlov from the indigenous population of the Minusinsk and Achinsk districts of the Yenisei province during his scientific expedition in 1863. Khakass texts were published in Sagai, Koibal, Kachin, and Kyzyl dialects. In this study, heroic legends were divided into groups based on plot and theme. The most popular theme is the struggle of the hero against the raids of representatives of the lower world, the khans-conquerors. The second most frequent theme is family and kinship relations (betrayal of the hero’s sister or wife). The legend “Sunu Mättyr” recorded by V. V. Radlov is dedicated to the events of the 18th century.

© Е. С. Торокова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

The 9th volume of “Samples” includes Abakan texts collected by N. F. Katanov, with the first section covering his gymnasium works of 1878–1884, the second presenting the expedition materials of 1889–1890, and the third dealing with the works of 1892. The recordings include works of all folklore genres. He was the first to record shamanic folklore of the Khakass. In the same territory where V. V. Radlov had been before, N. F. Katanov recorded texts in Sagai, Beltir, and Kachin dialects. His materials can be the basis for areal studies in the folklore of the Khakass people.

Keywords

Khakass folklore, genres, dialects, V. V. Radlov, N. F. Katanov

For citation

Torokova E. S. Khakasskiy fol'klor v zapisyakh V. V. Radlova i N. F. Katanova [Khakass folklore in the records of V. V. Radlov and N. F. Katanov]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 53–62. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-53-62

В нынешнем году научное сообщество и российская общественность отметила 175-летний и 160-летний юбилеи двух известных ученых-востоковедов – В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова. Для коренных народов Южной Сибири научное наследие выдающихся тюркологов – письменно зафиксированные произведения фольклора – является бесценным источником знаний по традиционной культуре их предков. Своими трудами В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов внесли большой вклад в становление и развитие хакасской фольклористики. Их материалы, опубликованные в «Образцах народной литературы тюркских племен», служат достоверным источником в изучении жанров, вариантов произведений устного народного творчества хакасов для современных исследователей. Эти книги увидели свет более ста лет назад и давно стали библиографической редкостью, они долгое время не были доступны исследователям, что объясняет малоизученность содержащихся в них текстов и ограниченность использования их в научных работах по фольклору. Между тем эти книги являются прекрасной иллюстрацией процесса становления и развития научного издания фольклорных материалов, по ним можно проследить научные биографии ученых, почерпнуть сведения о бытовании конкретных произведений фольклора в момент их письменной фиксации.

Во второй половине XIX в. в Санкт-Петербурге стала выходить академическая серия «Образцы народной литературы тюркских племен», основателем которой был академик В. В. Радлов. С 1866 по 1907 г. он издал 10 томов, содержащих транскрибированные тексты фольклора тюркоязычных народов – алтайцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, тубаларов, шорцев, тувинцев, хакасов, камасинцев, чулымцев, казахов, сибирских татар, киргизов, уйгуров, крымских татар, караимов, турков, гагаузов. В двух томах серии, вышедших в 1868 и 1907 гг., опубликованы хакасские тексты, записанные В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым во время их экспедиции среди коренного населения Минусинского и Ачинского округов Енисейской губернии.

В. В. Радлов побывал с экспедицией на юге Енисейской губернии летом 1863 г. Его маршрут пролегал по территории проживания коренных жителей от р. Таштып на юге до р. Чулым на севере. Он изучал их язык, записывая под диктовку фольклорные произведения с помощью разработанной для тюркских языков транскрипции, ныне известной как академическая транскрипция Бётлинга–Радлова. Собранные материалы ученый опубликовал в 1868 г. в Санкт-Петербурге во втором томе серии «Образцы народной литературы тюркских племен» в двух книгах – на оригинальном языке и в переводе на немецкий язык [Радлов, 1868]. Этот его труд, ставший библиографической редкостью, впервые был переиздан в 2018 г. на литературном хакасском языке с русским переводом [Образцы..., 2018].

Надо отметить, что все семь томов серии, собранные самим В. В. Радловым, имеют одинаковую структуру: предисловие и транскрибированные тексты. Однако внутри каждого тома содержание строится, исходя из особенностей материала. В. В. Радлов прежде всего был лингвистом, поэтому главное внимание уделял языку информантов. Так, в содержании отдельных томов (например, в первом, четвертом и седьмом томах) он указывал места записи и диалектную или языковую принадлежность записанных текстов. В остальных томах он описал язык и места записей текстов в предисловии, не давая подробной информации о каждом из них. Что касается второго тома «Образцов...», то в содержании им не выделены ни места записей, ни язык исполнителей. В дальнейшем В. В. Радлов использовал языковой материал этого тома в своем четырехтомном словаре «Опыт словаря тюркских наречий»,

издававшемся в 1893–1911 гг., где он указал диалектную принадлежность слов и выражений, включенных в словарные статьи.

Еще ранее Н. Ф. Катанов, будучи студентом Императорского Санкт-Петербургского университета, составил два указателя собственных имен к первому и второму томам «Образцов...» [Алфавитный указатель..., 1888а, 1888б]. В них у каждого заголовка и подзаголовка курсивом обозначено наречие, на котором был записан текст. Например, по указателю ко второму тому можно видеть, какие тексты были записаны на сагайском, койбальском, качинском, кызыльском наречиях. Возможно, что Н. Ф. Катанов во время работы над указателями мог консультироваться с В. В. Радловым, у которого он в то время брал частные уроки по фонетике тюркских языков и осваивал академическую транскрипцию.

В содержании второго тома тексты расположены в том же порядке, как они записывались В. В. Радловым во время экспедиции. Как отмечал ученый в своем дневнике, он произвел первую запись эпоса в летнике Большая Сея (ныне находится в Таштыпском районе Республики Хакасия. – Е. Т.) [Радлов, 1989, с. 229]. Хакасский ученый-лингвист М. И. Боргояков установил места записей В. В. Радлова. По его сведениям, запись опубликованных текстов производилась в аалах, расположенных по рекам Сея, Есь, Ут, Черный Июс, Можарка, в аалах Усть-Таштып и Усть-Камышта, в с. Аскиз, в улусе Куряков на Кие, а также в улусе, находящемся в Канском уезде [Боргояков, 1981, с. 130].

Во втором томе «Образцов...» всего опубликовано 19 героических сказаний, 2 исторических предания, 39 песен. Из них одно героическое сказание записано от камасинца, одно историческое предание – от чулымского тюрка, а все остальные тексты рассказаны представителями субэтнических групп хакасов. В содержании тома названия произведений даны по именам главных героев, лишь песни объединены в одном разделе и обозначены жанровым названием на хакасском языке – *ыр*. В предисловии В. В. Радлов отметил, что в том вошло значительное число «геройских сказок (Heldensagen)» [Радлов, 1868, с. 8–9]. Всем произведениям присвоены номера, стихотворные строфы героических сказаний разбиты на пять строк и пронумерованы.

Записанные В. В. Радловым эпосы имеют разные сюжеты, в них, согласно указателю Н. Ф. Катанова, встречаются 266 мифологических и эпических персонажей. Все тексты записывались под диктовку с транскрипцией, поэтому имеют большую точность и достоверность. Из числа хакасских героических сказаний только текст эпоса «Кан Мäргän» [Там же, с. 157–173] записан не до конца. У эпоса «Аi Мергän Алтын Куспынаң» в записи В. В. Радлова имеется вариант «Iki ax ой хулун» («Два бело-буланных жеребенка»), записанный от сказителя-хайджи М. К. Доброва [Хан Мирген, 1969, с. 115–207]. Известно, что вариант эпоса «Сүдäi Мäргän Жолтаi Мäргänбiнän» входил в репертуар сказительницы А. В. Курбижековой¹. В большинстве героических сказаний встречаются мотивы, повторяющиеся в эпосах, записанных от хакасских сказителей во второй половине XX в., что указывает на их характерность для местной эпической традиции.

Хакасские фольклористы выделяют в эпосе три сюжетно-повествовательных типа: а) сказания о героях одного поколения; б) сказания о героях двух поколений; в) сказания о героях трех поколений [Чистобаева, 2015, с. 37]. Так, из записанных В. В. Радловым эпосов наибольшее число сказаний относятся к первому типу, это тексты с нумерацией: «I. Аi Мөкө», «II. Пуға-Дакä», «III. Кан Мäргän», «IV. Алтын Таiцы», «VI. Кан Төгөс», «VIII. Аi Толызы», «X. Тарба Кiнцi», «XI. Алтын Мергän», «XV. Картаға Мергän», «XVI. Кан Мергän Аi Мергänбiнän», «XVII. Кара Тыған Кан Суксаған Канбынаң», «XXI. Кулатаi Кулун Таiцыбынаң» [Радлов, 1868, с. 1–87, 136–157, 250–302, 492–594, 661–689]. Ко второму типу, в котором повествуется об отце и сыне, можно отнести эпосы «V. Алтын Пыркан», «IX. Кара Пär», «XII. Сутjul Мергän», «XIX. Сүдäi Мäргän Жолтаi Мäргänбiнän» [Там же, с. 88–136, 220–250, 303–374, 598–648]. Третий тип представлен лишь одним эпическим текстом «XIV. Аi Мергän Алтын Куспынаң» [Там же, с. 379–491]. Не дописанный эпос «Кан Мäргän» [Там же, с. 157–173], скорее всего, относится к первому типу, так как в нем герой рождается от лошади.

Основной темой эпосов первого типа является борьба героя с набегами представителей Нижнего мира («II. Пуға-Дакä», «VI. Кан Төгөс») и с набегами ханов-завоевателей («I. Аi Мөкө», «IV. Алтын Таiцы», «X. Тарба Кiнцi»). В них главный герой отправляется на поиски угнанного народа и скота. Эти произведения повествуют о подвигах сына богатыря, который заново восстанавливает поселение-*чурт*

¹ Личный архив автора. Зап. Е. С. Торокова 5 сентября 2018 г. в г. Абакан от А. В. Курбижековой.

своего отца. Среди перечисленных сказаний особняком стоит эпос «Хан Төгөс», герой которого, отправившись на поиски своего скота и народа в Нижний мир, убивает всех своих противников-богатырей и угоняет к себе на Средний мир их жён, людей и скот, увеличивая свое богатство.

Темой двух эпосов являются поиски похищенной представителями Нижнего мира жены героя («XI. Алтын Мергән»), а также сестры героя («XV. Картага Мергән»).

В остальных эпосах первого типа раскрывается тема семейно-родственных отношений: например, в эпосе «III. Кан Мäргән» противником героя является его сестра-изменница, а в эпосе «XVI. Кан Мергән Аi Мергәнбiнiн» напротив, богатырь нарушает запрет старшей сестры и женится на дочери Куу-кат из Нижнего мира, его жена разными способами пытается убить золовку. В эпосе «VIII. Аi Толызы» жена-изменница становится причиной отъезда героя из отцовского дома, во время своих скитаний он становится побратимом богатыря-разбойника и с помощью оборотничества добывает невесту, а тот за оказанную услугу отпускает своих пленников, в числе которых была невеста героя.

В эпосе «XXI. Кулатаi Кулун Таiдыбынаң» центральное место занимает тема героического сватовства. Эта же тема затронута в эпосе «XVII. Кара Тыған Кан Суксаған Канбынаң»: герой не имеет детей, поэтому женится на новой жене, чтобы появился наследник.

В эпосах «V. Алтын Пыркан» и «XII. Сугјул Мергән», относящихся ко второму сюжетно-повествовательному типу, основной темой является борьба с набегом хана-завоевателя: отец героя является старым богатырем, поэтому терпит поражение в сражении со своим противником, тот преследует новорожденного героя, чтобы убить, однако ему не удается это сделать, и спустя время ребенок вырастает богатырем и мстит своему противнику.

В эпосе второго типа «XIX. Сүдäi Мäргән Јолтаi Мäргәнбiнiн» представлены две самостоятельные сюжетные линии, касающиеся отца и сына: в сюжете, связанном с отцом, основной темой являются семейно-родственные отношения (измена жены, последующая женитьба на дочерях двух ханов); «сынновний» сюжет посвящен героическому сватовству к деве-богатырше.

Эпос «IX. Кара Пär» состоит из двух разных сюжетов: первый из них повествует о детстве героя, во втором сюжете он показан богатырем, который борется с представителями Нижнего мира, чтобы вернуть души убитых отца и дяди. Сюжет, повествующий о том, как мальчик был украден и продан на чужбине его приемным родителям, а потом, скрываясь от мобилизации в армию, смог вернуться на родину, больше известен по одноименному преданию. Согласно исследованию хакасских ученых В. Я. и И. И. Бутанаевых, историческое предание «Хара Паар» относится к XIII–XVI вв., когда енисейские кыргызы были вассалами монгольских ханов [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 79]. Если сравнить текст в записи В. В. Радлова с преданием, то в них сюжеты во многом совпадают, отличаясь лишь небольшими деталями. Вопрос о причинах контаминации двух разножанровых сюжетов сейчас невозможно решить, однако нужно отметить, что их соединение является гармоничным и показывает цельность всего произведения: упоминаемые в первом сюжете персонажи, предводители войска, затем снова появляются в конце второго сюжета, когда они показаны как противники героя, пришедшие с войной на его землю.

В эпосе «XIV. Аi Мергән Алтын Куспынаң», принадлежащем к третьему типу, представлены три поколения богатырей, у каждого из них своя сюжетная линия в соответствии с темой. Деда и отца героя связывает тема борьбы с набегом хана-завоевателя: престарелый хан не смог бороться с ним, а его новорожденного сына спасает от погони жеребенок. Когда наследник вырастает сильным богатырем, он побеждает противника и возвращает народ и скот в свои владения. В продолжении эпоса отец героя погибает от рук своей дочери-изменницы, которая разрушает отцовский *чурт* и уводит всех в чужую землю. Герой, родившийся после смерти отца, расправляется с сестрой и ее мужем и заново восстанавливает мирную жизнь в своих владениях.

Таким образом, мы видим, что в записанных В. В. Радловым героических сказаниях основные темы связаны с семьей, семейно-родственными отношениями и с борьбой героев с набегами представителей Нижнего мира и ханов-завоевателей.

Характеризуя художественно-поэтические особенности эпических текстов, хакасские эпосоведы исходят из диалекта сказителей и выделяют сагайско-шорскую, качинскую, кызыльскую «сказительские

школы». Зная, на каком диалекте В. В. Радлов записал каждый текст, нетрудно определить, к какой «сказительской школе» он относится, и использовать его в диахронном изучении поэтических троп и эпических формул. Так, к сагайско-шорской «сказительской школе» относятся тексты под номерами I–X, XIV, к качинской – тексты XI–XII, XV–XVII, к кызыльской – тексты XIX, XXI.

Кроме эпоса, в книгу включено историческое предание «XIII. Суну Маттыр» [Радлов, 1868, с. 375–379]. Оно состоит из трех самостоятельных сюжетов, которые имеют варианты, записанные во второй половине XX в. События, описываемые в предании, относятся к XVIII в., герои предания Суну Маттыр и Амыр Саран имеют прототипов из числа реальных исторических деятелей, широко известных в тюрко-монгольском мире.

Под заглавием «Ыр» [Там же, с. 648–660] В. В. Радлов опубликовал 39 разнообразных по содержанию песен. Это песни, посвященные любимому человеку, коню, песни-диалоги между девушкой и парнем, шуточные песни, свадебные песни, песни с благопожелания, песня из исторического предания. Кроме них, здесь даны широко распространенные песни о жизни простого человека, являющиеся своего рода экзистенциальными размышлениями исполнителя. Тематическое и жанровое разнообразие опубликованных текстов показывает, что ученый собирал и записывал песни от разных лиц и в разных местах, а потом объединил их в хронологическом порядке в один раздел.

В книге Радлова не указаны имена информантов, однако благодаря сообщению Н. Ф. Катанова стало известно имя одного из них. Это сказитель-хайджи Пылааскан (по-русски – Андрей) Чебодаев. Он был также информантом Н. Ф. Катанова, о встрече с ним ученый написал В. В. Радлову: «Записывание образцов народной литературы идет довольно успешно, благодаря особенно тому, что я наткнулся на отличного знатока исторических сказаний, именно на 70-летнего Бельтира Пыләсканҕа Чебодаева. Он Вас хорошо помнит» [Письма..., 1893, с. 23]. П. Чебодаев был прекрасным исполнителем и знатоком фольклора: если В. В. Радлов записал от него героические сказания, то Н. Ф. Катанов – 13 преданий о происхождении хакасских сеоков, 2 сказки. На момент встречи с Катановым П. Чебодаеву было 70 лет, поэтому можно считать, что он встречался с Радловым в 44-летнем возрасте.

Спустя 26 лет после экспедиции В. В. Радлова Н. Ф. Катанов приехал в четырехгодичную экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан. Собранные им у тувинцев, хакасов и тофаларов фольклорные тексты В. В. Радлов опубликовал в 1907 г. в IX-м томе «Образцов...» в двух книгах – на языке носителей фольклора и в русском переводе [Радлов, 1907а, 1907б].

По сравнению с остальными томами серии том с текстами на тюркских языках составлен строго по научным требованиям. В нем Н. Ф. Катанов сделал паспортизацию записанных текстов, дал примечания к словам и выражениям, а также снабдил его указателями к собственным именам урянхайских, абаканских и карагасских текстов. Такой научно-вспомогательный аппарат был составлен только к тому с оригинальными текстами, в томе переводов ничего этого нет.

Составитель разделил абаканские тексты на три отдела. В первом отделе он дал тексты, собранные ученым в гимназические годы (1878–1884 гг.) и имеющие разные источники происхождения: собственные полевые записи у земляков, а также переводы из работ М. А. Кастрена и других авторов. Во втором отделе он поместил экспедиционные записи 1889–1890 гг., в третьем отделе – материал экспедиции 1892 г. Так как в книге переводов паспортизация текстов отсутствует, то читатели могли входить в заблуждение относительно текстов чужих авторов, включенных в первый отдел, полагая, что все они записаны самим Н. Ф. Катановым от носителей фольклора. На это в свое время обращал внимание А. Н. Самойлович, говоря о появлении возможных печальных недоразумений «при сравнительных работах фольклористов нетюркологов, пользующихся только переводами» (цит. по: [Трояков, 1963, с. 140]).

Из опубликованных в трех отделах абаканских текстов 793 текста Н. Ф. Катанов собрал и записал сам. Они все паспортизированы, в примечаниях к ним имеются сведения об информанте (его имя, возраст, родовая принадлежность (сеок), место жительства, род занятий, семейное положение, имущественное состояние и др.), а также пояснения собирателя или информантов относительно значений слов в текстах. Произведения во втором и третьем отделах расположены в той последовательности, как они записывались ученым во время экспедиции, об этом свидетельствуют его экспедиционные дневники и письма. Каждый текст в томе пронумерован и классифицирован по жанру.

В первом отделе, охватывающем 1878–1884 гг., представлены записи Н. Ф. Катанова-гимназиста, которые были сделаны в с. Усть-Абаканское (ныне г. Абакан), в с. Аскизе, в улусах Тураков и Кываров. Он записал одно героическое сказание «Алып Сојан», пословицы, благопожелания, песню, сказки о животных, быличку, рассказы о приготовлении основных продуктов питания (*айран, арчы, ңичірѳѳ, пызылак, поткы, талган*), об изготовлении войлока, о винокурении, о погребении умершего. В этом же отделе тексты под номерами 413–421 даны без указания источника происхождения.

Во втором и третьем отделах представлены записи, собранные Н. Ф. Катановым во время академической экспедиции в Сибирь и Восточный Туркестан. Экспедиция длилась четыре года, за это время ученый осуществил научные путешествия в Урянхайский край, Иркутскую губернию и в Восточный Туркестан. Основное место его проживания было в с. Аскиз, возвращаясь из своих дальних экспедиций, Н. Ф. Катанов продолжал сбор и запись фольклора среди земляков. Как много времени он смог уделить этому, можно узнать из предисловия книги, в котором указаны сроки сбора материалов второго и третьего отделов. Здесь отмечены три его экспедиционных выезда в хакасские села и улусы. При первом выезде им записаны тексты в период с 21 сентября 1889 г. по 12 января 1890 г., при втором – с 10 мая по 9 июня 1890 г., при третьем – с 1 июля по 12 октября 1892 г. [Радлов, 1907б, с. 1-2]. За это время он собирал материалы в 10 селах и улусах, в некоторые из них ученый приезжал повторно и записывал новых информантов. В с. Аскиз он работал 5 раз, в улусе Архипа Чертыкова – 2 раза, в Усть-Камыштинском – 2 раза, в Усть-Таштыпе – 2 раза. Такая точность фиксации времени и места его поездок, а также записанных материалов возможна благодаря ведению Н. Ф. Катановым дневников экспедиции, фольклорные материалы которых соответствуют опубликованным текстам тома. Так, сбор фольклорных и этнографических материалов хакасов он начал в сентябре 1889 г. после возвращения из экспедиции в Урянхайский край. Вначале Н. Ф. Катанов поработал с информантами в с. Аскиз, затем начал совершать экспедиционные выезды в близлежащие аалы. С октября 1889 г. по январь 1890 г. он побывал в улусе Шоев, с. Усть-Есинское, посетил улусы Аппаков, Усть-Камыштинский, Олтоков, с. Усть-Таштып и дважды – улус Архипа Чертыкова. Именно во время этой поездки Н. Ф. Катанов познакомился с Пыласкӑң (Андреем) Чебодаевым, одним из информантов В. В. Радлова.

С февраля по март 1890 г. Н. Ф. Катанов находился в экспедиции в Канском округе Енисейской губернии и Нижнеудинском округе Иркутской губернии, где записал фольклор карагасов, который также вошел в том «Образцов...». Вернувшись домой, он продолжил записывать фольклорные тексты в с. Аскиз и в улусе Архипа Чертыкова с 10 мая по 9 июня. Все собранные в этот период хакасские тексты вошли во второй отдел книги. В следующий раз Н. Ф. Катанов работал с хакасскими информантами после возвращения из экспедиции в Восточный Туркестан, которая длилась полтора года. Он съездил в Петров улус и в с. Усть-Таштып, побывал в с. Усть-Камышта. В октябре 1892 г. три дня работал с информантами в улусе Кызласов.

Как можно видеть по опубликованным текстам, Н. Ф. Катанов успел обследовать и записать фольклор на небольшой территории, и большинство посещенных им населенных пунктов, расположенных в Абаканской долине, входили в маршрут экспедиции В. В. Радлова. В отличие от него Н. Ф. Катанов уделил большое внимание записи текстов малых жанров, несказочной прозы, сказок, шаманского фольклора. Как лингвист он уделял большое внимание языку своих информантов. Среди них он отметил носителей сагайского, качинского, койбальского, бельтырского наречий. Как считают современные исследователи, диалект своих информантов Н. Ф. Катанов определял «по сеоку, а не по лингвистическим данным» [Дыбо, Мальцева, 2021, с. 1353–1367]. Так, среди его информантов значится уроженец аала Анчул, говоривший на шорском языке. Н. Ф. Катанов записал от него две песни, одну волшебную сказку и рассказ о пропаже денег [Радлов, 1907а, с. 330–339] и указал их принадлежность к сагайскому наречию. Эта его ошибка была обнаружена составителями Электронного корпуса хакасского языка при внесении текстов «Образцов...» в базу данных [Мальцева, 2021, с. 144–148]. Вполне возможно, в классификации языковой принадлежности информантов Н. Ф. Катанов следовал за своим учителем В. В. Радловым, который считал, что южно-абаканское поднаречие (сагайское) распространено на верхнем Абакане и притоках его до Аскыса [Радлов, 1868, с. 12].

В оглавлении тома переводов в абаканских текстах встречаются следующие жанры: сказка, пословица, песня, благословение, верования, проклятия, загадки, предание, рассказ, легенда, наставление,

шаманская молитва, приметы и поверья, толкование снов, биография, песня-скороговорка, молитвы благословительные, объяснения, осмеивание [Радлов, 1907 б, с. 7–25]. В томе оригинальных текстов Н. Ф. Катанов дал народные названия жанров; здесь есть диалектные названия сказки – *нымак, умак, нӓрпак*, загадки – *тапчаң нымак, сеспӓк нымак, тапчаң умак, сеспӓк умак*, песни – *ыр, сарын, такпак*. При сравнении оглавлений двух томов было выявлено расхождение в определении жанров десяти текстов. Видимо, название жанра текста первоначально было исправлено в томе переводов, так как в томе с текстами на тюркском языке исправления внесены лишь в оглавление, в самом тексте прежнее название жанра осталось без изменений. Замена названия жанра сделана в восьми абаканских и в двух карагасских текстах. Уточнение жанра коснулось текстов из второго и третьего отделов: предания (текст № 186), сказки (№ 374), легенд (№ 398, 559, 582), рассказов (№ 455, 543, 11). Надо отметить, что оглавление книги является главным путеводителем по опубликованным текстам, в нем содержится вся информация о жанрах произведений. Например, во втором отделе абаканских текстов под номером 164 напечатаны сказка и предание, о том, что они разные и никак не связанные между собой произведения, можно узнать из оглавления. Как в переводе, так и в оригинале этот текст разделен на два номера (№ 164 а, № 164 б). Первый текст является сказкой о чародее Кан-Кылысе, следующий за ним текст – это предание об Ир-Токсыне. Научная классификация жанров хакасского фольклора стала разрабатываться во второй половине XX в., тогда же утвердились научные названия жанров. В связи с этим тексты, которые были записаны Н. Ф. Катановым как сказки «нымах», принадлежат к разным жанрам: собственно сказкам, эпосу и преданиям [Торокова, 2022, с. 84–86].

Несмотря на небольшое количество информантов Н. Ф. Катанову удалось записать разнообразные по тематике и жанру тексты. Видимо, в зависимости от знаний собеседника ученый целенаправленно записывал у него произведения, относящиеся к определенному жанру. Если Радлов уделил большое внимание записи эпических текстов, то Н. Ф. Катанов, напротив, стремился фиксировать другие тексты, больше описывающие повседневную жизнь и быт народа. Так, в IX томе имеются только четыре героических сказания, записанных неполно или отрывочно [Радлов, 1907б, с. 182–187, 287–289], а также в пересказе [Там же, с. 295–302, 313–327].

В том вошло много произведений несказочной прозы. Наибольшее количество записанных текстов приходится на предания *кеп-чӓх*. Н. Ф. Катанов впервые зафиксировал генеалогические предания сагайских и бельтирских родов (сеоков). Здесь представлены варианты ныне широко известных преданий об Ир Токсыне, Канза-пеге, Абакай-Пакте, Ӗдзень-пеге, Чанар-Кусе, Ак-Кёбеке. Религиозные воззрения информантов нашли отражение в мифологических рассказах о всемирном потопе, о взаимодействиях духов-хозяев гор и рек с охотниками, простыми людьми.

Н. Ф. Катанов впервые подробно записал со слов шаманов их молитвы-благопожелания, обращенные к духу-хозяйке огня, духам-хозяевам гор, рек, к духам-покровителям коней, овец и дома, и т.д. Вернувшись из экспедиции в Восточный Туркестан, он совершил специальный экспедиционный выезд по сбору материалов по шаманству у хакасов. Об этом ученый написал в письме к В. В. Радлову: «...я приехал в Минусинский округ и с 1 июля 1892 года занимаюсь подробным исследованием шаманизма Минусинских татар. С 1 июля с.г. по 20 июля я посетил татарские улусы, находящиеся по рекам Таштыпу, Аскысу и Камыште, и записал шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев» [Письма..., 1893, с. 89]. Собранные в этих поездках записи были опубликованы в третьем отделе тома. Благодаря Н. Ф. Катанову, сейчас можно ознакомиться с образцами шаманского фольклора, утраченного в XX в. пласта культуры хакасов.

Н. Ф. Катанов записал тексты всех жанровых разновидностей сказок. В томе представлены наиболее популярные сюжеты сказок о животных, волшебные и бытовые сказки. Сказки, в особенности бытовые, легко заимствуются, поэтому здесь мы можем видеть сюжеты сказок из восточнославянского фольклора. В книге также встречаются варианты сказок, записанные от разных информантов в разных местах. Надо заметить, что изучение вариантов записанных Н. Ф. Катановым текстов может стать отдельной исследовательской темой, и это касается не только жанра сказок.

Из малых жанров фольклора наибольшее количество собранного материала приходится на загадки. По нашим подсчетам, в книге опубликовано 265 загадок. Некоторые из них представлены в нескольких вариантах. Загадки можно разделить на тематические группы: человек (возраст, части тела), хозяйственная деятельность человека (приготовление каши и т.д.), домашние животные и птицы (собака, кошка,

лошадь, корова, овца, курица, петух), дикие животные (лиса, волк, выдра, медведь), птицы (сорока, ворон), орудия труда (игла, нитки, ружье и т.д.), дом и его внутреннее убранство (юрта, скамья, стол, занавес, полки, зеркало, печь и т.д.), деревья, небесные светила (звезды, луна), природные явления (половодье, весна, восход солнца). Все они связаны с народным бытом и жизнью скотоводов, охотников.

Изучив места сбора фольклора и сведения об информантах Н. Ф. Катанова, мы можем заключить, что ученый посещал те же места, где раньше находился с экспедицией В. В. Радлов. Подводя итоги своей экспедиции, он писал: «...я посетил татар, кочующих по речкам: Таштыпу, Еси, Аскысу, Камыште, Уйбату, Ташебе, Бее и реке Абакану» [Письма..., 1893, с. 108]. Исключением является только экспедиционный выезд для сбора материала в улус Кызласов. В отличие от своего учителя Н. Ф. Катанов не ездил с экспедицией на север и ограничился поездками по Абаканской долине. Однако, не смотря на 26-летний промежуток между экспедициями Радлова и Н. Ф. Катанова, собранные и опубликованные ими во II и IX томах «Образцов...» материалы нужно рассматривать как одно целое при изучении фольклора хакасов, проживавших на указанных территориях. Необходимость такого подхода подтверждается и наличием общего информанта двух ученых – сказителя-хайджи П. Чебодаева. Можно сказать, что своими материалами Н. Ф. Катанов положил начало ареальным исследованиям в фольклоре хакасов.

Список литературы

Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе «Образцов народной литературы тюркских племен», собранных В. В. Радловым / Сост. Н. Ф. Катанов. СПб., 1888а. 35 с.

Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе «Образцов народной литературы тюркских племен», собранных В. В. Радловым / Сост. Н. Ф. Катанов. СПб., 1888б. 84 с.

Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка: очерки. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1981. 144 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2001. 148 с.

Дыбо А. В., Мальцева В. С. Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // *Oriental Studios*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1353–1367.

Мальцева В. С. Шорские тексты, собранные Н. Ф. Катановым от выходца села Анчул // *Российская тюркология*. 2021. № 1-2 (30-31). С. 144–148.

Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. II: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик) / Сост. Е. С. Торокова. Абакан: Журналист, 2018. 496 с.

Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к LXXIII-му тому Записок Импер. Академии наук. № 8. СПб., 1893. 114 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. II: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик). СПб., 1868. 710 с.

Радлов В. В. Из Сибири. Из страниц дневника: Пер. с нем. М.: Наука, 1989. 749 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Тексты. СПб., 1907а. [II], VI, XXXII, 668, XLVIII с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Переводы. СПб., 1907б. [III], VI, XXV, [I], 658, [1] с.

Торокова Е. С. Жанровая классификация текстов «нымак», «умак», «нәрпак» в записях Н. Ф. Катанова // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Сб. материалов V междунар. науч. конф., посвящён 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова* (Абакан, 19–22 мая 2022). Абакан, 2022. С. 84–86.

Трояков П. А. Н. Ф. Катанов – фольклорист // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1963. Вып. X. Серия филологическая. С. 134–149.

Хан Мирген. Богатырские сказания. Сказитель М. К. Добров / Подгот. к изд. В. Е. Майногашева. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1969. 210 с. (На хак. яз.).

Чистобаева Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: Бригантина, 2015. 170 с.

References

Alfavitnyy ukazatel' sobstvennykh imen, vstrechayushchikhsya v pervom tome "Obraztsov narodnoy literatury tyurkskikh plemen," sobrannykh V. V. Radlovym [Alphabetical index of proper names found in the first volume of "Samples of Folk Literature of Turkic Tribes" collected by V. V. Radlov]. N. F. Katanov (Comp.). St. Petersburg, 1888a, 35 p. (In Russ.).

Alfavitnyy ukazatel' sobstvennykh imen, vstrechayushchikhsya vo vtorom tome "Obraztsov narodnoy literatury tyurkskikh plemen," sobrannykh V. V. Radlovym [Alphabetical index of proper names found in the second volume of "Samples of Folk Literature of Turkic Tribes" collected by V. V. Radlov]. N. F. Katanov(Comp.). St. Petersburg, 1888b, 84 p. (In Russ.).

Borgoyakov M. I. *Istochniki i istoriya izucheniya khakasskogo yazyka: ocherki* [Sources and history of the study of the Khakass language: essays]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. kn. izd., 1981, 144 p. (In Russ.).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor* [Khakass historical folklore]. Abakan, Khakas State University Publ., 2001, 148 p. (In Russ.).

Chistobaeva N. S. *Geroicheskiy epos khakasov: tematika i poetika* [The heroic epos of Khakasess: themes and poetics]. Abakan, Brigantina, 2015, 170 p. (In Russ.).

Dybo A. V., Mal'tseva V. S. Khakasskie dialekty: konets 19 v. i nachalo 21 v. [Khakass dialects: the end of the 19th century and the beginning of the 21st century]. *Oriental Studios*. 2021, no. 6, (iss. 14), pp. 1353–1367. (In Russ.).

Khan Mirgen. Bogatyrskie skazaniya [Khan Mirgen. Heroic tales]. Narrator M. K. Dobrov. V. E. Maynogasheva (Prep. of the ed.). Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. kn. izd., 1969, 210 p. (In Khak.).

Mal'tseva V. S. Shorskie teksty, sobrannye N. F. Katanovym ot vykhodtsa sela Anchul [Shor texts collected by N. F. Katanov from a native of Anchul village]. *Russian Turkology*. 2021, no. 1–2 (iss. 30–31), pp. 144–148. (In Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe]. Collected by V. V. Radlov. E. S. Torokova (Comp.). Abakan, Zhurnalists, 2018, pt. 2: Podnarechiya abakanskie (sagayskoe, koybal'skoe, kachinskoe), kyzyl'skoe i chulymskoe (kyuerik) [Sub-dialects of Abakan (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (kuerik)], 496 p. (In Russ.).

Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters of N. F. Katanov from Siberia and East Turkestan]. In: *Prilozhenie k 73-mu tomu Zapisok Imper. Akademii nauk* [Appendix to the 73rd volume of Notes of the Imperial. Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1893, no. 8, 114 p. (In Russ.).

Radlov V. V. *Iz Sibiri. Iz stranits dnevnika* [From Siberia. From the pages of the diary]. Transl. from German. Moscow, Nauka, 1989. 749 p. (In Russ.).

Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi*. Sobrany V. V. Radlovym. Ch. II. Podnarechiya abakanskie (sagayskoe, koybal'skoe, kachinskoe), kyzyl'skoe i chulymskoe (kyuerik) [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Collected by V. V. Radlov. Pt. II: Sub-dialects of Abakan (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (kuerik)]. St. Petersburg, 1868, 710 p. (In Khak.).

Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym. Ch. IX. Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym. Teksty* [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes, published by V. V. Radlov. Pt. IX. Dialects of Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov. Texts]. St. Petersburg, 1907a. [II], VI, XXXII, 668, XLVIII p. (In Khak.).

Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym. Ch. IX. Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym.*

Perevody [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes, published by V. V. Radlov. Pt. IX. Dialects of Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov. Translations]. St. Petersburg, 1907b. [II], VI, XXV, [I], 658, [1] p. (In Russ.).

Torokova E. S. Zhanrovaya klassifikatsiya tekstov “nymak,” “umak,” “nārpak” v zapisyakh N. F. Katanova [Genre classification of the texts “nimak,” “umak,” “naarpak” in the recordings of N. F. Katanov]. In: *Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri. Sb. materialov V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya vostokoveda, tyurkologa N. F. Katanova (Abakan, 19–22 maya 2022)* [Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia. Collection of materials of the V International Scientific Conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding orientalist, turkologist N. F. Katanov (May 19–22, 2022, Abakan)]. Abakan, 2022, pp. 84–86. (In Russ.).

Troyakov P. A. N. F. Katanov – fol'klorist [N. F. Katanov – folklorist]. In: *Uchenye zapiski KhakNIYaLI* [Scientific notes of KhRILLH]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. kn. izd., 1963, Iss. X: Seriya filologicheskaya [Philological Series]. pp. 134–149. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.10.2022*

Сведения об авторе

Торокова Евгения Семёновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) (Абакан, Российская Федерация)

E-mail: torokovay@mail.ru

ORCID 0000-0001-5914-1973

Information about the Author

Evgeniya S. Torokova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation)

E-mail: torokovay@mail.ru

ORCID 0000-0001-5914-1973

УДК 398.331
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-63-77

Народная культура белорусов Омского Прииртышья. Историография. Исследования. Перспективы развития темы

С. А. Мясникова

Омский государственный университет им. А. М. Достоевского, Омск, Россия

Аннотация

Народная культура белорусских переселенцев никогда не была обделена вниманием сибирских ученых. Материальная и нематериальная культура белорусов Омского Прииртышья являлась предметом исследований фольклористов, этнографов, историков, этномусикологов, культурологов, краеведов. В качестве первоочередных задач исследователи ставят расшифровку, анализ, систематизацию и издание архивных материалов; выявление (подтверждение) мест проживания потомков переселенцев из Белоруссии; экспедиционную деятельность. По мнению автора статьи, комплексное изучение народной культуры белорусских переселенцев Омского Прииртышья является наиболее эффективным с точки зрения информативности и репрезентативности архивного материала.

В статье дается краткий историографический обзор заявленной темы (освещаются исторические и фольклорно-этнографические исследования); обзорная жанровая характеристика белорусского переселенческого фольклора, зафиксированного на территории Омского Прииртышья; размышления автора статьи об актуальной исследовательской направленности в полевой работе фольклористов, а также перспективы в изучении обозначенной тематики.

Ключевые слова

Омское Прииртышье, традиционная культура, белорусские переселенцы, белорусский фольклор

Для цитирования

Мясникова С. А. Народная культура белорусов Омского Прииртышья. Историография. Исследования. Перспективы развития темы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 63–77.
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-63-77

Traditional culture of the Belarusians Omsk Irtysh region. Historiography. Research. Prospects for the development of topics

S. A. Myasnikova

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the research base of the folk culture of the Belarusian settlers of the Omsk Irtysh region. The material and spiritual culture of the Belarusians of the Omsk Irtysh region was studied by folklorists, ethnographers, historians, ethnomusicologists, culturologists, and local historians. The primary tasks of this study are to decipher, analyze, systematize and publish archival materials, identify and confirm the places of residence of the descendants of migrants from Belarus, and carry out expeditionary activities. The article gives a brief historiographical overview of the declared topic (historical and folklore-ethnographic studies are covered). Also, an

© С. А. Мясникова, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

overview genre description of the Belarusian settlers' folklore recorded on the territory of the Omsk Irtysh region is provided. Consideration is given to the actual research direction in the fieldwork of folklorists, as well as prospects in studying the indicated topics. A comprehensive study of the folk culture of the Belarusian settlers of the Omsk Irtysh region is regarded as the most effective in terms of the information content of archival material. The most significant issues today are the actualization and representativeness of archival expeditionary materials. The author of the article suggests a number of areas of activity concerning the Omsk recordings of the Belarusian settlers' folklore: research, publishing, educational, concert, and creative activities. All the activities named above demonstrate the potential of heterogeneous Siberian settlers' material to be scientifically analyzed and to be representative in publishing, teaching, and concert-creative work.

Keywords

Belarusian folklore, Belarusian settlers, Omsk Irtysh region, traditional culture

For citation

Myasnikova S. A. Narodnaja kul'tura belorusov Omskogo Priirtysh'ja. Istoriografija. Issledovanija. Perspektivy razvitiija temy [Traditional culture of the Belarusians Omsk Irtysh region. Historiography. Research. Prospects for the development of the topic]. *Jazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 63–77. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-63-77

Согласно историческим свидетельствам и научным исследованиям, период с конца XIX – начала XX в. характеризуется массовым переселением российских крестьян, в том числе и белорусов, на территорию Сибири. Разные аспекты истории переселения белорусов в Прииртышье отображены в работах историков, этнографов, фольклористов, археологов, работников музеев и архивов, краеведов, педагогов, журналистов и просто любителей родного края. В то же время труда, суммировавшего результаты многочисленных разрозненных исследований, в настоящее время не существует. В тезисах мы представляем обзор опубликованных по данной проблематике работ, не претендуя на их исчерпывающий характер.

Миграционные процессы, связанные с омскими белорусами, освещаются в разных источниках. В первую очередь необходимо сказать о различных статистических документах и справочниках начала XX в., содержащих сведения о числе и местах выхода белорусских переселенцев. Хотя отношение у исследователей к ним настороженное в силу понимания используемых тогда методов сбора информации, нередко эти документы становятся единственными источниками по периоду конца XIX – начала XX в. Назовем основные: «Список населенных мест Сибирского края. Округа юго-западной Сибири» [Список..., 1928], «Справочная книга Омской епархии», составленная И. Голошубиным [Голошубин, 1914], «Материалы для изучения переселенческих хозяйств Тарского округа» [Материалы..., 1928].

В конце XX – начале XXI в. вышло в свет несколько многотомных изданий, к числу которых относится «Энциклопедия Омской области» [2010] – универсальный справочник о жизни края с древнейших времен до наших дней, со статьями об истории заселения Омской области, административно-территориальном устройстве, о проживающих на ее территории народах. Многотомник «Книга памяти Омской области» [1995] содержит историческую справку о каждом районе с приложением списка исчезнувших в послевоенное время населенных пунктов. Книга В. В. Яшина и М. И. Машкарина «С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья» [1999] содержит данные о датировке образования деревень, сел, рабочих поселков и городов Омской области с указанием одного или нескольких исторических источников. В 2010 г. издана книга «Тарская земля: годы и люди» [2010], объединившая в себе архивные, исторические, авторские материалы по истории края 20–90-х гг. XX в. Первый раздел издания включает информацию по истории основания населенных пунктов, полученную из документов Тарского филиала исторического архива Омской области. Издание «Народная культура Муромцевского района» [2000] является коллективным трудом омских ученых и представляет собой комплексное исследование района с учетом культуры древнего населения, материальной, духовной, поэтической, музыкальной культуры, истории заселения всего района и отдельных населенных пунктов. Справочник «Административно-территориальное деление Омской области в 1917–2007 гг.» [2008] отражает многочисленные территориальные изменения, которые происходили в Омском Прииртышье в XX в. Представлена информационная справка, освещающая основные этапы территориальных преобразований Сибири, Омской области, начиная с дореволюционного периода (сведения о преобразованиях на уровне крупных территориальных единиц – губер-

ний и уездов), продолжая материалами о волостном делении и районировании Омской губернии в 1924–1925 гг., об административной реформе 50–60-х гг. XX в. и заканчивая описанием с описанием современного состояния в 1980–2000 гг.

Значительное количество работ, посвященных вопросам расселения белорусов в Прииртышье, относится к исследованиям омских историков и этнографов, опубликованных в сборниках статей «Сибирская деревня», «Народная культура Сибири», «Народы и культуры Сибири», «История. Природа. Экономика», «Западная Сибирь и сопредельные территории», «Славянские чтения», «Конгресс этнографов и антропологов России», «Омский вестник», «Летопись сибирских деревень», «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума», «Вагановские чтения», «Международная жизнь» и др. Это работы П. Т. Сигутова [Сигутов, 1998; Сигутов, Азарова, 2006], А. Д. Колесникова [1993], М. Л. Бережновой [1995, 2004а, 2004б, 2007], А. А. Крих [2003, 2005, 2008], С. Ф. Татаурова [2008], В. В. Гайко [Гайко, Татауров, 2004], С. С. Тихонова [2006]. Помимо освещения вопросов заселения белорусами Омской области в работах омских ученых-историков, этнографов представлены опыты картографирования региона с выделением мест, основанных некогда переселенцами из Белоруссии. Особо отмечены населенные пункты, в которых проживали, например, только переселенцы из Витебской или только из Гродненской губерний. Подобный картографический опыт представлен в статьях М. Л. Бережновой [2007], С. Ф. Татаурова [2008], С. С. Тихонова [2006]. Нередко историками поднимаются вопросы о национальной идентификации выходцев из Белоруссии. И это не случайно. Ведь, как известно, в начале прошлого столетия большинство переселенцев записывали русскими или «рассейскими», по месту выхода – «с Расеи». Гораздо позже белорусское поколение, рожденное уже на сибирской земле, сознательно называет себя русскими. К подобным исследованиям можно отнести работы А. А. Крих: «Идентичность и идентификация выходцев из Минской губернии в деревнях Омского Прииртышья (конец XIX – XX века)» [2005], «Грани этнической идентичности белорусов: панцирные бояре – литва – сибиряки» [2008]; М. Л. Бережновой: «Заметки об этногрупповой принадлежности русских крестьян Западной Сибири в конце XX в.» [1995], «Особенности материальной культуры “российских” Муромцевского района Омской области» [2004] и др.

Результатом совместной работы сибирских и белорусских ученых стала монография под редакцией Е. Ф. Фурсовой «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры» [2011], посвященная традиционной культуре сибирских белорусов. В монографии исследуются базовые структурные компоненты, актуальные как для сохранения традиционных, так и для формирования современных сообществ. Учеными рассматриваются значение и роль механизмов традиционной культуры в условиях современного мира. Первая глава исследования включает исторические данные о белорусских переселенцах в Сибири с XVII по начало XX в., в последующих главах рассматриваются вопросы сохранения и трансформации материальной и нематериальной культуры белорусов. Несмотря на заявленный в названии обобщающий характер исследования, информации по Омской области в монографии практически нет, речь идет, в основном, о Новосибирской области, упоминаются также Кемеровская, Читинская области, Республика Бурятия. Омский регион представлен лишь в приложении, где приводятся экспедиционные записи О. Г. Сидорской и Т. М. Репиной – специалистов отдела русской традиционной культуры «Сибирский культурный центр» БУК «Государственный центр народного творчества» [Там же, с. 399–410].

Большой интерес представляют омские издания, посвященные отдельным районам и населенным пунктам Омской области. Это районные газеты «Иртышская правда», «Вперед», «Новый выпел», «Знамя труда», «Сибирский труженик». Еще один взгляд на историю заселения области – краеведческие работы школьников, опубликованные в сборниках областной краеведческой конференции «Летопись сибирских деревень». Усилиями краеведов проясняются ранее малоизвестные страницы истории их малой родины. Краеведческие работы, а также исторические сведения из районных архивов или музеев порой дают информацию, которую не всегда можно найти в крупных региональных изданиях [Бастрон, Воробьев, 2010; Владимиров, 1987; Воробьева, 2008; Горбунова, 2004; Ерохин, 1987; Кальк, 2009; Мельникова, 1995; Мешков, 1997; Першукевич, 1996; Сытенко, 2000; Ковязина, 2000; Чередов, 1997; Федоренко, 1999]. Обзор историографических исследований, посвященных сибирским белорусам, представлен в статье Е. В. Комлевой: автор называет и коллективные труды сибирских ученых, и краеведческие издания [2014].

Научное наследие сибирских ученых-фольклористов и исследователей народной культуры белорусов Омского Прииртышья представлено в работах Т. Г. Леоновой, Н. В. Леоновой, Н. К. Козловой, Е. П. Малаховой, В. А. Москвиной, Л. В. Новоселовой, Т. Н. Золотовой.

Т. Г. Леонова, долгое время возглавлявшая омскую фольклористическую школу, уделяла особое внимание фиксации белорусской переселенческой традиции. На протяжении многих лет под ее руководством проводились фольклорные экспедиции, их участники занимались сбором, расшифровкой, публикацией материалов, записанных от омских белорусов. Сама Т. Г. Леонова посвятила фольклору сибирских белорусов несколько аналитических статей («Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения», «О публикации белорусских календарно-обрядовых песен (по материалам Омской области)», «Проблемы функционирования обрядового фольклора белорусов в полиэтнической среде», «Проблемы классификации и систематизации белорусских календарно-обрядовых песен», «Национальное в локальной традиции»), которые были опубликованы в разные годы, а затем собраны в ее монографии «Проблемы изучения регионального фольклора» [Леонова Т., 2014].

Сфера научных интересов Н. В. Леоновой связана с изучением музыкально-фольклорных традиций сибирских переселенцев. Она руководила исследовательскими проектами «Исследование региональных особенностей фольклорной традиции белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке» (1999–2001); «Комплексное исследование взаимосвязей фольклора белорусов Сибири и Дальнего Востока с общеполуостровской и сибирскими восточнославянскими традициями» (2004–2006). Принимала участие в подготовке нескольких «славянских» томов академической серии СО РАН «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Среди них – «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть I: Семейно-обрядовые песни и причитания» (2011). Н. В. Леонова является автором множества статей, посвященных фольклору сибирских белорусов [Леонова Н., 2000, 2003; Леонова, Звягина, 2007].

Исследовательская, экспедиционная деятельность Л. В. Новоселовой была посвящена сбору, анализу, публикации материалов по прииртышскому календарно-обрядовому фольклору, в том числе и белорусскому [1975, 1977, 1981]. Е. П. Малахова исследовала белорусский семейно-обрядовый фольклор региональной традиции в сопоставлении с исходной традицией [2008, 2017]. Изучению календаря восточнославянского населения Сибири посвящена монография Т. Н. Золотовой, в которой раскрываются элементы белорусских годовых обрядов и традиций [2017]. Н. К. Козлова за многолетнюю экспедиционную практику неоднократно общалась с белорусскими переселенцами и их потомками, фиксировала разнообразный переселенческий материал по семейным и календарным обрядам, сказочной и несказочной прозе (мифологическим рассказам) [1998]. В. А. Москвина в рамках многолетнего исследования письменной заговорной традиции Западной Сибири, будучи руководителем и участником фольклорных экспедиций в места проживания белорусских переселенцев, включала белорусские записи в общий исследовательский контекст заговорной традиции [2005]. Автор данной статьи занимается изучением календарно-обрядовой традиции белорусских переселенцев Омского Прииртышья [Мясникова, 2016, 2017, 2018, 2021 и др.].

Значительный пласт историографического, фольклорно-этнографического материала по народной культуре белорусов Омского Прииртышья содержится в фондах фольклорных архивов Омской области, к которым относятся ФА ОмГПУ, ОФ ФЭМ ГЦНТ, МАЭ ОмГУ, личные архивы исследователей. В фольклорных архивах хранятся записи об истории заселения тех или иных населенных пунктов, о национальном составе деревень, фото-, аудио-, видеоматериалы, материалы об объектах нематериальной и материальной культуры региона. Самым крупным фольклорным архивным собранием региона по праву считается фольклорный архив Омского государственного педагогического университета. Его история началась в 1951 г. и продолжается до сих пор. ФА ОмГПУ представляет собой совокупность материалов и документов, образовавшихся в результате деятельности вуза, имеющих научное, социально-культурное и историческое значение. Деятельность архива отражена в нескольких опубликованных работах: «Фольклорный архив Омского пединститута и работа вокруг него», «Из опыта работы со студентами по подготовке к изданию фольклорного сборника», «Положение о фольклорном архиве кафедры русской и зарубежной литературы ОмГПУ» [Леонова Т., 2014, с. 131–137, 146–167]; «Систематизация фольклорного аудиоархива ОмГПУ» [Парамонов, 2007, с. 74–77] и др.

Областной фонд фольклорно-этнографических материалов (ОФ ФЭМ ГЦНТ) – один из самых молодых архивов области, начавший свою деятельность в начале 1990-х гг. У данного архива нет рукописных материалов, архивными единицами хранения являются магнитофонные (оцифрованные) записи, большая часть которых не расшифрована. В фонде содержатся копии аудиозаписей ФА ОМГПУ, а также материалы, собранные специалистами отдела русской традиционной культуры «Сибирский культурный центр» БУК ГЦНТ Омской области, экспедиционные записи районных отделов культуры, нелегальные диски экспедиционных материалов, выпущенные БУК ГЦНТ.

Музей археологии и этнографии ОмГУ (МАЭ ОмГУ) был создан в 1974 г. Деятельность музея освещают статьи Н. А. Томилова, Г. М. Патрушевой [Патрушева, 1994; Патрушева, Томилов, 1997; Музей археологии и этнографии..., 1994]. В качестве его основных функций были определены сбор, хранение, изучение и экспонирование памятников материальной и духовной культуры народов Западной Сибири и сопредельных территорий. Архивный фонд музея состоит из документов и материалов (полевых описей, отчетов, фотоплёнок и т.д.), поступающих от археологических и этнографических экспедиций Омского университета, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

За 70 лет фольклорно-этнографических экспедиций, осуществляемых в Прииртышье различными экспедиционными группами, были обследованы (с разной степенью подробности) все районы Омской области; собран разнообразный материал от переселенцев (и их потомков) из Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской, Гомельской, Черниговской, Смоленской губерний. В архивных фондах представлены сведения по различным жанровым направлениям белорусского фольклора, как то: календарная обрядность (обряды и песни зимнего, весенне-летнего, осеннего циклов; различные запреты на работу во время праздников, описания ритуальной пищи, одежды и пр.); семейная обрядность (свадебные обряды и действия, родильно-крестильная, похоронная обрядность); необрядовая лирика, частушки, сказочная и несказочная проза, заговоры. В фольклорно-этнографических архивах и частных коллекциях исследователей хранятся объекты материальной культуры белорусских переселенцев Омского Прииртышья.

В настоящее время фольклорные экспедиции по местам бытования потомков белорусских переселенцев на территории Омской области продолжаются. Как правило, это выезды уже в ранее обследованные населенные пункты. Экспедиционная работа в ранее исследованных населенных пунктах необходима при сборе более подробной информации по конкретному фольклорному явлению, при анализе репертуара, зафиксированного от одних и тех же исполнителей через определенный промежуток времени, при уточнении уже имеющегося фольклорно-этнографического материала и фиксации нового. Автор статьи выступил в качестве участника и организатора пяти подобных экспедиционных выездов в разные районы Омской области. Цель всех поездок – сбор материалов по народной культуре белорусских переселенцев.

Выезды и встречи осуществлялись в 2013, 2016, 2018, 2020 и 2021 гг. Это Седельниковский район (д. Соловьевка, д. Денисовка, с. Бакино, п. Кейсес, с. Седельниково), Муромцевский район (д. Рязаны, Игоревка, Поречье, Алексеевка Рязанского с/п, Алексеевка Пореченского с/п), Колосовский район (д. Александровка, д. Николаевка), г. Омск. Подробный отчет об этих экспедициях опубликован в статьях [Мясникова, 2014, 2017]. Все поездки были целенаправленными, выбор локации экспедиции был обусловлен информацией о проживании в данных местностях потомков белорусских переселенцев. Акцент в вопроснике был сделан на календарно-обрядовый фольклор, но в процессе общения с информантами фиксировались все сведения о народной культуре белорусов, о которых рассказывали информанты. Примечательно, что при небольшом временном промежутке между экспедиционными выездами результаты поездок оказались различными по своей информативной наполненности. Наиболее яркой получилась поездка 2016 г. в Муромцевский район, в «куст» белорусских деревень. В тот год удалось записать календарно-обрядовые, свадебные, лирические необрядовые песенные образцы, описания обрядовых действий, истории заселения поселков. Поездки и встречи в 2018, 2020 и 2021 гг. представлены гораздо скромнее по количеству песенных записей, но более ярко проявились в рассказах о заселении края.

Подобные экспедиционные результаты, на наш взгляд, неудивительны и заставляют задуматься об актуальной исследовательской направленности в полевой работе фольклористов. Нередко сведения, касающиеся

ся семейных или календарных обрядов, являются малоинформативными, а описываемые события подаются уже не с позиции бытовавшей традиции, а в связи с деятельностью местных культурно-досуговых учреждений и телевидения. Крайне проблематично стало записывать качественный песенный материал (в основном исполняются романсы, песни советских композиторов, частушки, отрывки необрядовой лирики).

Однако состав населения маленьких отдаленных деревень области выводит на передний план и предлагает для исследователей ранее малоизученные темы. По нашим собственным наблюдениям, наиболее полными в настоящее время остаются рассказы об истории сел, о жителях, населявших данную местность, об их этнической принадлежности. Среди поколения 1950-х гг. (особенно среди мужского населения) встречается немало людей, интересующихся вопросами краеведения и занимающихся составлением собственных родословных (в деревнях они зачастую обширны, многие семьи между собой родственны). Рассказчикам безразлична их малая родина. Они с удовольствием делятся воспоминаниями о своем родовом гнезде, о своей семье, родителях и дедах. Они помнят семьи, которые жили по соседству, помнят истории из детства о становлении своих деревень и первых поселенцах. Нередко такие сведения помогают дополнить имеющиеся архивные материалы, восстановить картину этнического состава того или иного населенного пункта. Весьма перспективным направлением, на наш взгляд, является изучение семейных фотоальбомов, в которых можно обнаружить очень интересные старые снимки.

Не иссякло исследовательское поле и для диалектологов. Язык дольше сохраняет свои особенности, сложнее поддается усреднению. Например, в д. Александровке Колосовского района живут как коренные «александровцы», так и те, кто переехал либо «вышел замуж» в Александровку из соседней Николаевки. Обе деревни основаны белорусскими переселенцами, но говор александровских отличается от николаевских, несмотря на то, что последние большую часть своей жизни прожили в Александровке. К слову, в 2016 г. в д. Игоревке Муромцевского района во время моей беседы с местной бабушкой к нам подошел соседский мальчик лет 6-7 и решил поучаствовать в разговоре. В его речи отчетливо слышался белорусский диалект. Думаю, подобных примеров в экспедиционной практике исследователей найдется немало.

По-прежнему актуальным остается изучение самих населенных пунктов, особенностей расположения улиц и домов, фасадов зданий, типов наличников, заборов, колодцев, кладбищ. Характерный для белорусских поселений ландшафтный тип в одну длинную улицу можно увидеть в д. Александровке, Николаевке Колосовского района, в д. Игоревке, обеих Алексеевках Муромцевского района, д. Соловьевке Седельниковского района. В Николаевке, Соловьевке сохранились колодцы-журавли, в то время как в Александровке не встретился ни один. Очень живописно с. Поречье Муромцевского района, это своеобразный музей деревянного зодчества под открытым небом. Интересно, что даже заброшенные или умирающие деревни могут долго хранить память об этнической материальной культуре. И дело исследователей традиционной культуры – успеть эту память зафиксировать.

Наиболее значимыми на сегодняшний день остаются вопросы актуализации и репрезентативности архивных экспедиционных материалов. Необходимо понимание, каким направлениям деятельности отвечают омские экспедиционные записи белорусского переселенческого фольклора и какие перспективы в их изучении присутствуют. Мы выделили несколько направлений.

1. Научно-исследовательская деятельность. Как уже было отмечено, белорусский фольклор, записанный в Омской области, нашел свое отражение в монографиях Т. Г. Леоновой, Т. Н. Золотовой; научных статьях сибирских ученых и исследователей: Н. В. Леоновой, Л. В. Новоселовой, Н. К. Козловой, Е. П. Малаховой, М. Л. Бережновой, О. Г. Сидорской [2017], Т. В. Дайнеко [Дайнеко, 2013, 2014; Дайнеко, Леонова Н., 2017], С. А. Звягиной [2000], И. К. Бековец [2012], И. К. Феоктистовой [Матвеева, Феоктистова, 2014]. В проекте – сборник обряда-игры «Женитьба Терешки», зафиксированный на территории Омского Прииртышья (составитель С. А. Мясникова).

С использованием омских архивных материалов защищено несколько кандидатских диссертаций, а именно: Е. П. Малахова «Фольклор сибирско-белорусской семьи в смене ее поколений (конец XIX – начало XXI вв.)» (2008), С. А. Мясникова «Белорусские святочные и волочебные песни, зафиксированные в Омском Прииртышье. Вопросы соотношения с исходной традицией» (2019), Т. В. Дайнеко «Календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав и музыкальная типология» (2021).

Омскими исследователями описано несколько объектов белорусского переселенческого нематериального культурного наследия: «Творческое наследие Валентины Кондратьевны Порахонько (с. Русановка Нововаршавского района Омской области)», «Творческое наследие народных исполнителей деревни Максимовка Тюкалинского района Омской области», «Творческое наследие народных исполнителей д. Денисовка Седельниковского района Омской области», «Творческое наследие Любви Вендиктовны Юдовой (с. Атирка Тарского района Омской области)», «Сказочные традиции семьи Матюковых–Малаховых (Седельниковский район Омской области)», «Святочная обрядовая игра “Женитьба Терешки” белорусских переселенцев Омской области», «Исполнительское искусство частушечницы В. С. Горнасталевой из с. Артын Муромцевского района Омской области» [Нематериальное культурное наследие].

Продолжается работа по расшифровке, систематизации и анализу архивного материала для белорусского тома крупномасштабного академического научного издания «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

2. Издательская деятельность. В Омской области в разное время были изданы нотные и методические сборники, выпущены аудиодиски, включающие записи белорусского переселенческого фольклора. Данные издания предназначены для научных исследований, для расширения репертуара народно-певческих коллективов. Они содержат как личные записи исследователей фольклора, так и материалы крупных архивных собраний. Это издания филологического факультета ОмГПУ [Фольклор и литература, 1974; Фольклор Западной Сибири, 1974–1981; Народные песни Прииртышья, 1969], нотные и аудиосборники Е. Я. Аркина [Аркин, 1993, 2007], научно-методические пособия и аудиодиски отдела русской традиционной культуры БУК ГЦНТ [Русский народный праздник, 2006].

3. Учебная и концертно-творческая деятельность. Архивные материалы используются в работе со студентами специальности «Сольное и хоровое народное пение» БПОУ Омское музыкальное училище им. В. Я. Шебалина и БПОУ Омский областной колледж культуры и искусства по дисциплинам «Расшифровка народной песни», «Сольное пение», «Ансамблевое пение», «Региональные певческие стили», а также со студентами-филологами ОмГПУ и ОмГУ им. Ф. М. Достоевского по дисциплинам «Устное народное творчество», «Фольклорная практика». Изданные архивные материалы используются в репертуаре самодеятельных народно-певческих коллективов Омской области.

Все перечисленные виды деятельности позволяют сделать вывод, что сибирский переселенческий материал, несмотря на его неоднородность, необходимо подвергать научному анализу, он репрезентативен в издательской, учебной и концертно-творческой работе.

Народные традиции белорусских переселенцев занимают особое место в многогранной культуре полиэтничного сибирского региона. Изучение белорусской переселенческой народной культуры, на наш взгляд, является весьма перспективным направлением в фольклористике. Продолжается работа по выявлению и анализу переселенческого пути белорусов, определению места расселения и миграции белорусских переселенцев на территории Омского Прииртышья; изучается богатое нематериальное культурное наследие новопоселенцев: расшифровываются, систематизируются, публикуются архивные материалы. По-прежнему остается актуальной и востребованной полевая фольклористика. Меняются цели, задачи, формы, виды исследований, остается главное – живое общение с людьми и неподдельный интерес к народной традиции. Представляющим немалый интерес для научного исследования является сравнительно-сопоставительный анализ переселенческой традиции и материнской, а также выявление новоприобретенных черт белорусской народной культуры в условиях бытования в полиэтничном сибирском регионе.

Список литературы

Административно-территориальное деление Омской области в 1917–2007 годах. Справочник. Омск: Омскбланкиздат, 2008. 248 с.

Аркин Е. Я. Авсень-коляда. Календарно-обрядовый фольклор Омской области [CD]. Омск, 2007.

Аркин Е. Я. Со венком я хожу. Народные песни Омской области. Омск: Кн. изд-во, 1993. 256 с.

Бастрон А. В., Воробьев Р. В. История села Верхняя Баклянка Седельниковского района Омской области // Портфолио ученика – фестиваль исследовательских и творческих работ учащихся.

Седельниково, 2010. URL: <http://project.1september.ru/works/583436> (дата обращения: 23.10.2022).

Бековец И. К. Репертуар Евдокии Алексеевны Морозовой // Народная культура Сибири: Материалы XXI науч.-практ. семинара регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 216–220.

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры / Е. Ф. Фурсова, А. В. Титовец и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.

Бережнова М. Л. Белорусы в Омском Прииртышье: о влиянии расселения на сохранение этногенетической памяти // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 1. С. 139–142.

Бережнова М. Л. Заметки об этногрупповой принадлежности русских крестьян Западной Сибири в конце XIX в. // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Ч. 1. С. 226–230.

Бережнова М. Л. Опыт историко-этнографического картографирования мест расселения белорусов в Омской области // История и культура русских Сибири. Омск, 2007. С. 166–184.

Бережнова М. Л. Особенности материальной культуры «российских» Муромцевского района Омской области // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 81–88.

Владимиров В. Останется в сердце // Сибирский труженик [с. Седельниково]. 1987. 15 мая (№ 58). С. 2.

Воробьева Н. Н. Родина моя – Тайга // Вперед [с. Знаменское]. 2008. 6 июня (№ 22). С. 5.

Гайко В. В., Татауров С. Ф. 110-летняя история деревни Айлинка Знаменского района Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2004. Ч. 1. С. 142–145.

Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1250 с.

Горбунова М. Алексеевке – 100 лет // Знамя труда [с. Муромцево]. 2004. 16, 23 июля (№ 57–59). С. 2.

Дайнеко Т. В. Зимние календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: проблемы изучения // Вестник музыкальной науки, 2013. № 2. С. 55–60.

Дайнеко Т. В. Песни о «вумной жане» из зимнего календарно-обрядового цикла белорусов-переселенцев // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 109–120.

Дайнеко Т. В., Леонова Н. В. Календарный цикл в белорусских традициях сибирского бытования: источники изучения, состав обрядов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 5–17.

Ерохин В. Деревня моя, деревянная, дальняя // Сибирский труженик [с. Седельниково]. 1987. 4 апреля (№ 41). С. 2.

Звягина С. А. Календарно-обрядовые и сезонно-приуроченные песни белорусских переселенцев Сибири (ритмическая типология) // Народная культура Сибири: Материалы IX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2000. С. 69–72.

Золотова Т. Н. Традиционный праздничный календарь восточнославянского населения Зауралья и Западной Сибири: Науч.-популярное издание. М.: Институт наследия, 2017. 286 с.

Кальк Ф. Мотольские корни Короленки // Сибирский труженик [с. Седельниково]. 2009. 26 июня (№ 25). С. 2.

Книга памяти. Омск: Кн. изд-во, 1995. Т. 4. 457 с.; Т. 5. 418 с.; Т. 8. 498 с.

Ковязина А. Деревня Денисовка и ее место в истории Седельниковского района // II областная краеведческая конференция «Летопись сибирских деревень». Омск, 2000. Ч. 1. С. 5–9.

Козлова Н. К. 23 года спустя... (Сравнительный анализ материалов экспедиций 1973 и 1996 гг. в Знаменский район Омской области) // Народная культура Сибири: Материалы VII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 178–182.

Колесников А. Д. Прииртышье прирастало переселением крестьян // Международная жизнь. 1993. № 12. С. 126–128.

Комлева Е. В. История и культура белорусов Сибири в освещении современной российской историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 56–60.

Крих А. А. Грани этнической идентичности белорусов: панцирные бояре – литва – сибиряки // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 234–240.

Крих А. А. Идентичность и идентификация выходцев из Минской губернии в деревнях Омского Прииртышья (конец XIX – XX века) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2008. Ч. 1. С. 33–37.

- Крих (Новоселова) А. А.* Потомки белорусских переселенцев в деревнях нижнего и среднего течения р. Тары // Этнокультурные взаимодействия в Сибири. Новосибирск, 2003. С. 265–268.
- Леонова Н. В.* Белорусский фольклор в контексте сибирских славянских традиций // Славянский альманах. М.: Индрик, 2003. С. 427–436.
- Леонова Н. В., Звягина С. А.* Музыкальная типология белорусских календарных и сезонно-приуроченных песен сибирского бытования // Мельниковские чтения: Материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2007. С. 263–267.
- Леонова Н. В.* Проблемы изучения фольклора белорусов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 84–87.
- Леонова Т. Г.* Проблемы изучения регионального фольклора: Монография. Омск: Амфора, 2014. Ч. 2. 420 с.
- Малахова Е. П.* «Масленка» потомков белорусских переселенцев Седельниковского района Омской области // Народная культура Сибири: Материалы XXV научн.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 179–185.
- Малахова Е. П.* Фольклор сибирско-белорусской семьи в смене ее поколений (конец XIX – начало XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 20 с.
- Матвеева О. В., Феоктистова И. К.* Календарный фольклор белорусских переселенцев (по материалам Муромцевского района Омской области) // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 229–235.
- Материалы для изучения переселенческих хозяйств Тарского округа. Новосибирск, 1928. Ч. 1. 121 с.
- Мельникова Л.* Страницы истории села. К 100-летию Поречья // Знамя труда [с. Муромцево]. 1995. 11 февр. С. 3.
- Мешков В.* О прошлом память сохраним // Иртышская правда [с. Большеречье]. 1997. 4 февраля. С. 3.
- Москвина В. А.* Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI в.). Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2005. 469 с.
- Музей археологии и этнографии Омского государственного университета: Этнографическая экспозиция / Отв. ред. Н. А. Томилов. Омск, 1994. 60 с.
- Мясникова С. А.* «По следам» прошлых экспедиций: результаты полевой работы 2016 г. в Муромцевском районе Омской области // Народная культура Сибири: Материалы XXV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск, 2017. С. 83–91.
- Мясникова С. А.* Проблемы картографирования белорусской святочной обрядности «Женитьба Терешки» (по материалам полевых исследований Омского Прииртышья) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 1. С. 91–104.
- Мясникова С. А.* Белорусские святки в Омском Прииртышье (характеристика архивных и опубликованных материалов) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (вып. 32). С. 42–47.
- Мясникова С. А.* Белорусская святочная игра «Женитьба Терёшки» в Омском Прииртышье: бытование и фиксация // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2016. № 4 (26). С. 74–80.
- Мясникова С. А.* «Волочечнички волочились...» – волочечные песни белорусских переселенцев Омского Прииртышья // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 13–22.
- Мясникова С. А.* В поисках утраченного: весеннее-летняя календарная обрядность в сибирских селах со смешанным населением (по фольклорно-этнографическим материалам 2013 года) // Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика / Под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. С. 230–235.
- Мясникова С. А.* Народный календарь в колхозной деревне (на примере зимних праздников): по материалам экспедиции 2013 г. в Седельниковский района // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 235–239.
- Мясникова С. А.* Прынцыпы складання сістэматычнага паказальніка зместавых элементаў песень абраду-гульні «Жаніцьба Цярэшкі» // Беларускі фальклор (матэрыялы і даследаванні). Мінск: Беларус. навука, 2021. Вып. 8. С. 136–162.
- Народная культура Муромцевского района / Гл. ред. Н. А. Томилов. М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. 334 с.
- Народные песни Прииртышья. Омск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1969. 168 с.
- Нематериальное культурное наследие // Государственный центр народного творчества Омской области

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/> (дата обращения: 23.10.2022).

Новоселова Л. В. Весенний период народного календаря в Западной Сибири (пасхальный период) // Сибирский фольклор. Новосибирск: Наука, 1977. Вып. 4. С. 25–45.

Новоселова Л. В. Итоги фольклорной практики 1979 г. (Обзор и публикация материалов) // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1981. С. 143–153.

Новоселова Л. В. Итоги фольклорной экспедиции в Тарский и Седельниковский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1975. Вып. 2. С. 45–64.

Парамонов Д. Р. Систематизация фольклорного аудиоархива Омского государственного педагогического университета // Народная культура Сибири: Материалы XVI науч.-практ. семинара регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2007. С. 74–77.

Патрушева Г. М. Музей археологии и этнографии хранит 140 тысяч экспонатов // Омский университет – Вестник культуры: Орган Омск. отд-ния Рос. фонда культуры. Омск, 1994. № 5. С. 3.

Патрушева Г. М., Томилов Н. А. К истории Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Словоцкие чтения – 96. Тюмень, 1997. С. 34–35.

Перишукевич В. Моя малая Родина // Вперед [с. Знаменское]. 1996. 26 августа (№ 62). С. 2.

Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования. Омск, 2006. 2-е изд., испр. 284 с.

Сигутов П. Т., Азарова Л. В. Из истории Седельниковского района – особенности формирования территориально-административных границ // Сибирская деревня. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. Ч. 1. С. 107–110.

Сигутов П. Т. К вопросу о датировке сел Омской области // К 175-летию Омской области (информационный бюллетень). Омск, 1998. С. 21–23.

Сидорская О. Г. Творческое наследие В. К. Парахонько из с. Русановка Нововаршавского района Омской области // Народная культура Сибири: Материалы XXV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 167–175.

Список населенных мест Сибирского края. Округа юго-западной Сибири. Новосибирск, 1928. Т. 1. 832 с.

Сытенко Т. Испытаем и исследуем пути свои (история деревни Вознесенка Седельниковского района) // II областная краеведческая конференция «Летопись сибирских деревень». Омск, 2000. Ч. 1. С. 13–16.

Тарская земля: годы и люди. Омск: Амфора, 2010. 440 с.

Татауров С. Ф. Заселение и хозяйственное освоение рек Шиш и Туй в XX и XXI веках // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2008. Ч. 1. С. 82–85.

Тихонов С. С. Отток населения из таежных районов Сибири в третьей четверти XX века // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. Т. 9. С. 265–294.

Федоренко Е. И. К 75-летию района. Заселение территории // Сибирский труженик [с. Седельниково]. 1999. 3 марта. С. 2.

Фольклор Западной Сибири. Омск: Кн. изд-во, 1974. Вып. 1. 117 с.

Фольклор и литература Сибири. Омск, 1974–1981.

Чередов В. Село Новоягодное // Вперед [с. Знаменское]. 1997. 13 июня (№ 44). С. 3.

Энциклопедия Омской области: в 2 т. / Под общ. ред. В. Н. Русакова. Омск: Омск. кн. изд-во, 2010. Т. 1: А–М; Т. 2: М–Я. 592 с.

Яшин В. В., Машикарин М. И. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. Омск, 1999. 231 с.

References

Administrativno-territorial'noe deleniye Omskoy oblasti v 1917–2007 godah. Spravochnik [Administrative-territorial division of the Omsk region in 1917–2007. Handbook]. Omsk, Omskblankizdat, 2008, 248 p. (In Russ.).

Arkin E. Ya. *Avsen'-kolyada. Kalendarno-obryadovyy fol'klor Omskoy oblasti* [Avsen-kolyada. Calendar and ritual folklore of the Omsk region]. CD. Omsk, 2007. (In Russ.).

Arkin E. Ya. *So venkom ya hozhu. Narodnye pesni Omskoy oblasti* [I walk with a wreath. Folk songs of the Omsk region]. Omsk, Omsk. kn. izd., 1993, 256 p. (In Russ.).

Bastron A. V., Vorob'ev R. V. *Istoriya sela Verkhnyaya Baklyanka Sedel'nikovskogo rayona Omskoy oblasti* [The history of the village of Verkhnyaya Baklyanka, Sedelnikovskiy district, Omsk region]. In: *Portfolio uchenika – festival' issledovatel'skikh i tvorcheskikh rabot uchashchikhsya* [Student's portfolio – festival of research and creative works of students]. Sedel'nikovo. 2010.

URL: <http://project.1september.ru/works/583436> (accessed: 23.10.2022). (In Russ.).

Bekovets I. K. *Repertuar Evdokii Alekseevny Morozovoy* [Repertoire of Evdokiya Alekseevna Morozova]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 21 nauch.-prakt. seminara region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. Omsk, OmSPU Publ., 2012, pp. 216–220. (In Russ.).

Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsiya etnicheskoy kul'tury [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. E. F. Fursova, A. V. Titovets, et al. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, 424 p. (In Russ.).

Berezhnova M. L. *Osobennosti material'noy kul'tury "rossiyskikh" Muromtsevskogo rayona Omskoy oblasti* [Features of the material culture of the "Russian" Muromtsevskiy district of the Omsk region]. In: *Material'naya kul'tura narodov Rossii* [Material culture of the peoples of Russia]. Novosibirsk, 1995, pp. 81–88. (In Russ.).

Berezhnova M. L. *Belorusy v Omskom Priirtysh'e: o vliyaniy rasseleniya na sokhranenie etnogeneticheskoy pamyati* [Belarusians in the Omsk Irtysh region: on the impact of settlement on the preservation of ethnogenetic memory]. In: *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Siberian village: history, current state, development prospects]. Omsk, 2004a, pt. 1, pp. 139–142. (In Russ.).

Berezhnova M. L. *Zametki ob etnogruppyovoy prinadlezhnosti russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v kontse 19 v.* [Notes on the ethnic group affiliation of Russian peasants in Western Siberia at the end of the 19th century]. In: *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy Pyatykh Sibirskikh chteniy* [Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North: Materials of the Fifth Siberian Readings]. St. Petersburg, MAE RAS, 2004b, pt. 1, pp. 226–230. (In Russ.).

Berezhnova M. L. *Opyt istoriko-etnograficheskogo kartografirovaniya mest rasseleniya belorusov v Omskoy oblasti* [The experience of the history of the ethnographical cartography of the places of settlement of Belarusians in the Omsk region]. In: *Istoriya i kul'tura russkikh Sibiri* [History and culture of Russian of Siberia]. Omsk, 2007, pp. 166–184. (In Russ.).

Cheredov V. *Selo Novoyagodnoe* [Village Novoyagodnoe]. *Vpered. (Znamenskoe)*. 1997, 13 June, no. 44, p. 3. (In Russ.).

Dayneko T. V. *Zimnie kalendarnye pesni belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy izucheniya* [Winter calendar songs of Belarusians in Siberia and the Far East: problems of study]. *Journal of Musical Science*. 2013, no. 2, pp. 55–60. (In Russ.).

Dayneko T. V. *Pesni o "vumnoy zhane" iz zimnego kalendarno-obryadovogo tsikla belorusov-pereeselentsev* [Songs about "a clever wife" from the winter calendar-ritual cycle of the Belarusians migrants]. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 4, pp. 109–120. (In Russ.).

Dayneko T. V., Leonova N. V. *Kalendarnyy tsikl v belorusskikh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya: istochniki izucheniya, sostav obryadov* [Calendar cycle in the Belarusian traditions of Siberian existence: sources of study, composition of rituals]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 5–17. (In Russ.).

Entsiklopediya Omskoy oblasti: v 2 t. [Encyclopedia of the Omsk region: In 2 vols.]. V. N. Rusakova (Ed.). Omsk, Omsk. kn. izd. 2010, vol. 1: A–M; vol. 2: M–Ya, 592 p. (In Russ.).

Erokhin V. *Derevnya moya, derevyannaya, dal'nyaya* [My village, wooden, distant]. *Sibirskiy truzhenik. (Sedel'nikovo)*. 1987, 4 April, no. 41, p. 2. (In Russ.).

Fedorenko E. I. *K 75-letiyu rayona. Zaselenie territorii* [To the 75th anniversary of the region. Settlement of the territory]. *Sibirskiy truzhenik. (Sedel'nikovo)*. 1999, 3 March, p. 2. (In Russ.).

Fol'klor i literatura Sibiri [Folklore and literature of Siberia]. Omsk, 1974–1981. (In Russ.).

Fol'klor Zapadnoy Sibiri [Folklore of Western Siberia]. Omsk, Omsk. kn. izd., 1974, vol. 1, 117 p. (In Russ.).

Gayko V. V., Tataurov S. F. *110-letnyaya istoriya derevni Aylinka Znamenskogo rayona Omskoy oblasti* [100-year history of the village of Ailinka in the Znamenskiy district of the Omsk region]. In: *Sibirskaya*

derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Siberian village: history, current state, development prospects]. Omsk, 2004, pt. 1, pp. 142–145. (In Russ.).

Goloshubin I. *Spravochnaya kniga Omskoy eparkhii* [Reference book of the Omsk diocese]. Omsk, 1914, 1250 p. (In Russ.).

Gorbunova M. Alekseevke – 100 let [Alekseevka is 100 years old]. *Znamya truda. (Muromcevo)*. 2004, 23 July, no. 57–59, p. 2. (In Russ.).

Kal'k F. Motol'skie korni Korolenki [Motol roots of the Korolenka]. *Sibirskiy truzhenik. (Sedel'nikovo)*. 2009, 26 June, no. 25, p. 2. (In Russ.).

Kniga pamyati [Memory book]. Omsk, 1995, vol. 4, 457 p.; vol. 5, 418 p.; vol. 8, 498 p. (In Russ.).

Kovyazina A. Derevnya Denisovka i ee mesto v istorii Sedel'nikovskogo rayona [The village of Denisovka and its place in the history of the Sedelnikovskiy district]. In: *2 oblastnaya kraevedcheskaya konferentsiya "Letopis' sibirskikh dereven'"* [2nd regional local history conference "Chronicle of Siberian villages"]. Omsk, 2000, pt. 1, pp. 5–9. (In Russ.).

Kozlova N. K. 23 goda spustya... (Sravnitel'nyy analiz materialov ekspeditsiy 1973 i 1996 gg. v Znamenskiy rayon Omskoy oblasti) [23 years later ... (Comparative analysis of the materials of the expeditions of 1973 and 1996 in Znamenskiy district of the Omsk region)]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 7 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 7th sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. T. G. Leonova (Ed.). Omsk, OmSPU Publ., 1998, pp. 178–182. (In Russ.).

Kolesnikov A. D. Priirtysh'e prirastalo pereseleniem krest'yan [The Irtysh region grew by the resettlement of peasants]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1993, no. 12, pp. 126–128. (In Russ.).

Komleva E. V. Istoriya i kul'tura belorusov Sibiri v osveshchenii sovremennoy rossiyskoy istoriografii [History and culture of the Belarusians of Siberia in the light of modern Russian historiography]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2014, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.).

Krikh (Novoselova) A. A. Potomki belorusskikh pereselentsev v derevnyakh nizhnego i srednego techeniya r. Tary [Descendants of Belarusian settlers in the villages of the lower and middle reaches of the Tara River]. In: *Etnokul'turnye vzaimodeystviya v Sibiri* [Ethnocultural interactions in Siberia]. Novosibirsk, 2003, pp. 265–268. (In Russ.).

Krikh A. A. Grani etnicheskoy identichnosti belorusov: pantsirnye boyare – litva – sibiryaki [Facets of the ethnic identity of Belarusians: armored boyars – Lithuania – Siberians]. In: *Narody i kul'tury Sibiri: izuchenie, muzeifikatsiya, prepodavanie* [Peoples and cultures of Siberia: study, museumification, teaching]. Omsk, OmSPU Publ., 2005, pp. 234–240. (In Russ.).

Krikh A. A. Identichnost' i identifikatsiya vykhodtsev iz Minskoy gubernii v derevnyakh Omskogo Priirtysh'ya (konets 19 – 20 veka) [Identity and identification of immigrants from the Minsk province in the villages of the Omsk Irtysh region (end of the 19th – 20th centuries)]. In: *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Siberian village: history, current state, development prospects]. Omsk, OmSAU Publ., 2008, pt. 1, pp. 33–37. (In Russ.).

Leonova N. V. Problemy izucheniya fol'klora belorusov Sibiri [Problems of study of the Belarusian folklore of Siberia]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2000, no. 3, pp. 84–87. (In Russ.).

Leonova N. V. Belorusskiy fol'klor v kontekste sibirskikh slavyanskikh traditsiy [Belarusian folklore in the context of Siberian Slavic traditions]. In: *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac]. Moscow, Indrik, 2003, pp. 427–436. (In Russ.).

Leonova N. V., Zvyagina S. A. Muzykal'naya tipologiya belorusskikh kalendarnykh i sezonno-priurochennykh pesen sibirskogo bytovaniya [Musical typology of Belarusian calendar and seasonal songs of the Siberian existence]. In: *Mel'nikovskie chteniya: Materialy Vtoroy region. nauch.-prakt. konf.* [Mel'nikov readings: Materials of the second regional sci. pract. conf.]. Novosibirsk, 2007, pp. 263–267. (In Russ.).

Leonova T. G. *Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora: Monografiya* [Problems of studying regional folklore: Monography]. Omsk, Amfora, 2014, pt. 2, 420 p., 48 il. (In Russ.).

Malakhova E. P. *Fol'klor sibirsko-belorusskoy sem'i v smene ee pokoleniy (konets 19 – nachalo 21 vv.)* [Folklore of the Siberian-Belarusian family in the change of its generations (late 19th – early 21st centuries)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Chelyabinsk, 2008. 20 p. (In Russ.).

Malahova E. P. “Maslenka” potomkov belorusskikh pereselencev Sedel’nikovskogo rajona Omskoj oblasti [Shrovetide of the descendants of the Belarusian settlers of the Sedelnikovsky district of the Omsk region]. In: *Narodnaya kul’tura Sibiri: Materialy 25 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol’kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. T. G. Leonova (Ed.). Omsk, OmSPU Publ., 2017, pp. 179–185. (In Russ.).

Matveeva O. V., Feoktistova I. K. Kalendar’nyy fol’klor belorusskikh pereselentsev (po materialam Muromtsevskogo rayona Omskoj oblasti) [The calendar folklore of the Belarusian settlers (based on materials of the Muromtsevsky district of the Omsk region)]. In: *Narodnaya kul’tura Sibiri: Materialy 22 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol’kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. T. G. Leonova (Ed.). Omsk, OmSPU Publ., 2014, pp. 229–235. (In Russ.).

Materialy dlya izucheniya pereselencheskikh khozyaystv Tarskogo okruga [Materials for the study of resettlement farms of the Tara district]. Novosibirsk, 1928, pt. 1, 121 p. (In Russ.).

Mel’nikova L. Stranitsy istorii sela. K 100-letiyu Porech’ya [Pages of the history of the village. To the 100th anniversary of Porechye]. *Znanya truda. (Muromcevo)*. 1995, 11 Febr., p. 3. (In Russ.).

Meshkov V. O proshlom pamyat’ sokhranim [Let’s keep the memory of the past]. *Irtyskaya Pravda. (Bol’sherech’e)*. 1997, 4 Febr., p. 3. (In Russ.).

Moskvina V. A. *Russkie zagovory v Zapadnoy Sibiri (19 – nachalo 21 v.)* [Russian conspiracies in Western Siberia (19th – early 21st centuries)]. Omsk, OmSPU Publ., 2005, 469 p. (In Russ.).

Muzej arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta: Etnograficheskaya ekspozitsiya [Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University: Ethnographic exposition]. N. A. Tomilov (Ed.). Omsk, 1994. 60 p. (In Russ.).

Myasnikova S. A. Narodnyy kalendar’ v kolkhoznoy derevne (na primere zimnikh prazdnikov): po materialam ekspeditsii 2013 g. v Sedel’nikovskiy rayona [Folk calendar in a collective farm village (on the example of winter holidays): based on the materials of the 2013 expedition to the Sedelnikovsky district]. In: *Narodnaya kul’tura Sibiri: Materialy 22 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol’kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. T. G. Leonova (Ed.). Omsk, OmSPU Publ., 2014, pp. 235–239. (In Russ.).

Myasnikova S. A. V poiskakh utrachenno: vesennee-letnyaya kalendarnaya obryadnost’ v sibirskikh selakh so smeshannym naseleniem (po fol’klorno-etnograficheskim materialam 2013 goda) [In search of the lost: spring-summer calendar rituals in Siberian villages with a mixed population (based on folklore and ethnographic materials of 2013)]. In: *Vstrecha kul’tur v prostranstve Sibiri: nauchnye issledovaniya, memuaristika, khudozhestvennaya kritika* [Meeting of cultures in the space of Siberia: sci. research, memoirs, art. criticism]. N. K. Kozlova, T. I. Podkorytova (Eds.). Omsk, Izdatel’-Poligrafist, 2014, pp. 230–235. (In Russ.).

Myasnikova S. A. Belorusskaya svyatochnaya igra “Zhenit’ba Tereshki” v Omskom Priirtysh’e: bytovanie i fiksatsiya [Belarusian Christmas play “Tereshky’s wedding” in the Omsk Irtysh region: existence and fixation]. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*. 2016, no. 4 (26), pp. 74–80. (In Russ.).

Myasnikova S. A. Belorusskie svyatki v Omskom Priirtysh’e (kharakteristika arkhivnykh i opublikovannykh materialov) [Belarusian Christmas time in the Omsk Irtysh region (characteristics of archival and published materials)]. In: *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2017, no. 1 (iss. 32), pp. 42–47. (In Russ.).

Myasnikova S. A. “Po sledam” proshlykh ekspeditsiy: rezul’taty polevoy raboty 2016 g. v Muromtsevskom rayone Omskoj oblasti [Trips “in the footsteps” of past expeditions as one of the methods of the study of regional folklore]. In: *Narodnaya kul’tura Sibiri: Materialy 25 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol’kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. T. G. Leonova (Ed.). Omsk, OmSPU Publ., 2017, pp. 83–91. (In Russ.).

Myasnikova S. A. “Volochebnichki volochilisa...” – volochebnye pesni belorusskikh pereselentsev Omskogo Priirtysh’ya” [“The Volochebnichki dragged...” – drag songs of the Belarusian settlers of the Omsk Irtysh region]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 13–22. (In Russ.).

Myasnikova S. A. Problemy kartografirovaniya belorusskoy svyatochnoy obryadnosti “Zhenit’ba Tereshki” (po materialam polevykh issledovaniy Omskogo Priirtysh’ya) [Problems of Mapping the Belarusian

Christmastide Ritual “The Marriage of Tereshka” (Based on Field Research of the Omsk Irtysh Region)]. In: *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. Moscow, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 91–102. (In Russ.).

Myasnikova S. A. Pryntsypy skladannya sistematychnaga pakazal'nika zместavykh elementay pesen' abradu-gul'ni “Zhanits'ba Tsyareshki” [Pryntsypy folded systematically of the local elements of the song of the abrad-gulni “Zhanitsba Tsyareshki”]. In: *Belaruski fal'klor (materyyaly i dasledavanni)* [Belarusian folklore (materials and investigations)]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2021, iss. 8, pp. 136–162. (In Belarus.).

Narodnaya kul'tura Muromtsevskogo rayona [Folk culture of the Muromtsevsky district]. N. A. Tomilov (Ed.-in-Ch.). Moscow, Fond im. I. D. Sytina, 2000, 334 p. (In Russ.).

Narodnye pesni Priirtysh'ya [Folk songs of the Irtysh region]. Omsk, Zap.-sib. kn. izd., 1969, 168 p. (In Russ.).

Nematerial'noe kul'turnoe nasledie [Intangible cultural heritage]. In: *Gosudarstvennyy tsenr narodnogo tvorchestva Omskoy oblasti* [State Center for Folk Art of the Omsk Region]. URL: <https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/> (accessed: 23.10.2022). (In Russ.).

Novoselova L. V. Vesenniy period narodnogo kalendarya v Zapadnoy Sibiri (paskhal'nyy period) [Spring period of the folk calendar in Western Siberia (Easter period)]. In: *Sibirskiy fol'klor* [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1977, iss. 4, pp. 25–45. (In Russ.).

Novoselova L. V. Itogi fol'klornoy praktiki 1979 g. (Obzor i publikatsiya materialov) [Results of folklore practice in 1979 (Review and publication of materials)]. In: *Fol'klor i literatura Sibiri* [Folklore and literature of Siberia]. Omsk, 1981, pp. 143–153. (In Russ.).

Novoselova L. V. Itogi fol'klornoy ekspeditsii v Tarskiy i Sedel'nikovskiy rayony Omskoy oblasti [The results of the folklore expedition to the Tara and Sedelnikovsky districts of the Omsk region]. In: *Fol'klor i literatura Sibiri* [Folklore and literature of Siberia]. Omsk, 1975, iss. 2, pp. 45–64. (In Russ.).

Paramonov D. R. Sistematizatsiya fol'klornogo audioarhiva Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Systematization of the Folklore Audio Archive of the Omsk State Pedagogical University]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 26 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. T. G. Leonova (Ed.). Omsk, Amfora, 2007, pp. 74–77. (In Russ.).

Patrusheva G. M. Muzei arkhologii i etnografii khranit 140 tysyach eksponatov [The Museum of Archeology and Ethnography keeps 140 thousand exhibits]. In: *Omskiy universitet – Vestnik kul'tury: Organ Omskogo otdeleniya Rossiyskogo fonda kul'tury* [Omsk university - Cultural bulletin: organ of Omsk branch of Russian culture fund]. Omsk, 1994, no. 5, p. 3. (In Russ.).

Patrusheva G. M., Tomilov N. A. K istorii Muzeya arkhologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta [To the history of the Museum of Archeology and Ethnography of the Omsk State University]. In: *Slovtsovskie chteniya – 96* [Slovtsov readings – 96]. Tyumen, 1997, pp. 34–35. (In Russ.).

Pershukevich V. Moya malaya Rodina [My small Motherland]. *Vpered. (Znamenskoe)*. 1996, 26 August, no. 62, p. 2. (In Russ.).

Russkiy narodnyy prazdnik: Nauch.-metod. posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya [Russian folk holiday: Sci. and method. guide for the workers of culture and education]. 2nd ed. rev. Omsk, 2006, 284 p. (In Russ.).

Sigutov P. T. K voprosu o datirovke sel Omskoy oblasti [To the question of the dating of the villages of the Omsk region]. In: *K 175-letiyu Omskoy oblasti (informatsionnyy byulleten')* [To the 175th anniversary of the Omsk region]. Omsk, 1998, pp. 21–23. (In Russ.).

Sigutov P. T., Azarova L. V. Iz istorii Sedel'nikovskogo rayona – osobennosti formirovaniya territorial'no-administrativnykh granits [From the history of the Sedelnikovsky district – features of the formation of territorial-administrative boundaries]. In: *Sibirskaya derevnya* [Siberian village]. Omsk, OmSAU Publ., 2006, pt. 1, pp. 107–110. (In Russ.).

Sidorskaya O. G. Tvorcheskoe nasledie V. K. Parakhon'ko iz s. Rusanovka Novovarshavskogo rayona Omskoy oblasti [Creative heritage of V. K. Parakhon'ko from the Rusanovka Novovarshavsky district of the Omsk region]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 25 nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. Omsk, T. G. Leonova (Ed.). Omsk, OmSPU Publ., 2017, pp. 167–175. (In Russ.).

Spisok naseleennykh mest Sibirskogo kraya. Okruga yugo-zapadnoy Sibiri [List of populated areas. Southwest Siberia]. Novosibirsk, 1928, vol. 1, 832 p. (In Russ.).

Sytenko T. Ispytayem i issleduem puti svoi (istoriya derevni Voznesenka Sedel'nikovskogo rayona) [Let's test and explore our ways (the history of the village of Voznesenka, Sedelnikovsky district)]. In: *2 oblastnaya kraevedcheskaya konferentsiya "Letopis' sibirskikh dereven"* [2nd regional local history conference "Chronicle of Siberian villages"]. Omsk, 2000, pt. 1, pp. 13–16. (In Russ.).

Tarskaya zemlya: gody i lyudi [Tara land: years and people]. Omsk, Amfora, 2010, 440 p. (In Russ.).

Tataurov S. F. Zaselenie i khozyaystvennoe osvoenie rek Shish i Tuy v 20 i 21 vekakh [Settlement and economic development of the Shish and Tui rivers in the 20th and 21st centuries]. In: *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Siberian village: history, current state, development prospects]. Omsk, OmSAU Publ., 2008, pt. 1, pp. 82–85. (In Russ.).

Tikhonov S. S. Ottok naseleniya iz taezhnykh rayonov Sibiri v tret'ey chetverti 20 veka [Outflow of the population from the taiga regions of Siberia in the third quarter of the 20th century]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: Problems of culture and society]. Omsk, 2006, vol. 9, pp. 265–294. (In Russ.).

Yashin V. V., Mashkarin M. I. *S dnem rozhdeniya, rodnoy kray: k istokam osnovaniya poseleniy Omskogo Priirtysh'ya* [Happy birthday, native land: to the origins of the founding of the settlements of the Omsk Irtysh region]. Omsk, 1999, 231 p. (In Russ.).

Vladimirov V. Ostanetsya v serdtse [Will remain in the heart]. *Sibirskiy truzhenik. (Sedel'nikovo)*. 1987, 15 May, no. 58, p. 2. (In Russ.).

Vorob'eva N. N. Rodina moya – Tayga [My homeland is Taiga]. *Vpered. (Znamenskoe)*. 2008, 6 June, no. 22, p. 5. (In Russ.).

Zolotova T. N. *Traditsionnyy prazdnichnyy kalendar' vostochnoslavlyanskogo naseleniya Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri: Nauch.-populyarnoe izdanie* [Traditional holiday calendar of the East Slavic population of the Trans-Urals and Western Siberia: Scientific and popular edition]. Moscow, Institut naslediya, 2017, 286 p. (In Russ.).

Zvyagina S. A. Kalendarno-obryadovye i sezonno-priurochennyye pesni belorusskikh pereselentsev Sibiri (ritmicheskaya tipologiya) [Calendar-ceremonial and seasonal songs of the Belarusian settlers of Siberia (rhythmic typology)]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 9 nauch.-prakt. seminara Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of 21st sci.-pract. seminar of the Siberian regional high school center of folklore studies]. Omsk, 2000, pp. 69–72. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.09.2022*

Сведения об авторе

Мясникова Софья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Российская Федерация)

E-mail: zenya_inbox@mail.ru

ORCID 0000-0002-6690-1608

Information about the Author

Sophia A. Myasnikova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies Faculty of History, Theology and International Relations, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation)

E-mail: zenya_inbox@mail.ru

ORCID 0000-0002-6690-1608

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК: 811.512.151 + 81'34

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-78-84

Интонационное оформление диктальных вопросов со словом *кем* 'кто' в алтайском языке

А. А. Добринина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена экспериментально-фонетическому анализу интонации алтайского языка в её связи с семантикой высказывания. Проводится исследование вариантов реализации вопросительной интонации на материале текстов подготовленной речи, полученных от шести информантов. В интонационном оформлении высказываний с вопросительным местоимением *кем* 'кто' наблюдается большая вариативность, которая зависит от положения этого местоимения в предложении. Интонационный контур рассмотренных вопросов характеризуется как нисходяще-восходящий. Если вопросительное местоимение *кем* стоит в самом конце высказывания, тон определяется как восходящий. Перепад частоты основного тона во всех примерах составляет от 5 до 7 пг.

Ключевые слова

интонация, экспериментальная фонетика, движение тона, алтайский язык, PRAAT

Для цитирования

Добринина А. А. Интонационное оформление диктальных вопросов со словом *кем* 'кто' в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 78–84. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-78-84

Intonation of the dictum questions with the interrogative word *kem* in the Altai language

A. A. Dobrinina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper presents the experimental phonetic analysis of the Altai language intonation in terms of a communicative focus of the utterance. The interrogative intonation implementation was studied in sounding texts recorded from six informants, all representatives of the Altai-Kizhi dialect. In Altai, as in other Turkic languages, interrogative utterances are mainly expressed in lexical-grammatical and intonational ways. The first involves using interrogative pronouns such as *kem* "who," *ne* "what," *kandyu* "what, which," *kancha* "how much," and others, and the interrogative particle *ba*. The phonetic analysis revealed a wide intonational variability of dictum interrogative utterances with the interrogative pronoun *kem*. The intonation was found to depend on the interrogative word position. With *kem* at the

© А. А. Добринина, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

beginning, the utterance has an even tone or is marked by an ascending-descending change in the frequency of the basic tone. With *kem* in the end, the ascending movement of the tone is observed, suggesting the utterance incompleteness and the expectation of the listener's response. With *kem* in the middle position, a descending tone is observed, the intonational contour being wavelike: ascending-descending-ascending-descending. Overall, the intonational contour of questions with the word *kem* can be characterized as descending-rising, but with *kem* at the very end, the tone is ascending, the frequency difference of the basic tone in all the examples ranging from 5 to 7 pt. The next step will be to specify the trends identified by expanding the research corpus and describing the general pattern of intonation of dictum questions in statements with different interrogative words.

Keywords

intonation, experimental phonetics, tone movement, Altai language, PRAAT

For citation

Dobrinina A. A. Intonatsionnoe oformlenie diktal'nykh voprosov so slovom *kem* v altayskom yazyke [Intonation of the dictum questions with the interrogative word *kem* in the Altai language]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 78–84. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-78-84

Введение

Интонация играет важную роль в реализации коммуникативных целей говорящего и оформлении синтаксической структуры высказывания и является, таким образом, одним из основных средств выражения вопросительности. Вопросительные высказывания направлены на получение от участников ситуации сведений, в которых нуждается говорящий. Как коммуникативная единица вопрос направлен на побуждение собеседника дать новую информацию или уточнить отдельные детали.

Основными способами выражения вопросительности в алтайском языке, как и в других тюркских языках, являются лексико-грамматический и интонационный.

Лексико-грамматический способ предполагает использование в предложении вопросительных местоимений типа алт. *кем* 'кто', *не* 'что', *кандый* 'какой, как', *канча* 'сколько', *качан* 'когда', *кайда* 'где, куда', *кажы* 'который', *канайда* 'как, каким образом', *кемде* 'у кого', *кемле* 'с кем', *неде* 'где', 'в чем', *неле* 'с чем', *нениг учун* 'почему' и т. д., а также вопросительной частицы *ба*.

Под интонацией мы понимаем совокупность просодических характеристик высказывания, таких как тон, интенсивность, длительность, темп и паузы, ритм и тембр, служащие на уровне высказывания для выражения различных синтаксических значений и категорий, а также экспрессивных коннотаций. При обработке и обобщении экспериментально-фонетических данных теоретической базой послужили работы Ш. Балли [1955], В. А. Артемова [1956], Н. С. Трубецкого [1960], Л. З. Зиндера [1979], Е. А. Брызгуновой [1980], а также статьи, где затрагивались супrasegmentные аспекты алтайского языка и его диалектов [Герцог 1985, 1989; Кокорин 1986; Чумакаева 1989; Баданова 2011; Шестера 2014 а, 2014 б, 2020; Рыжикова и др. 2020].

В предыдущем исследовании, посвящённом модальным вопросительным высказываниям, показано, что в алтайском языке интонационный контур меняется в зависимости от наличия в структуре высказывания маркера вопросительности и его позиции. Выявлено три типа интонационных конструкций: с восходящим движением тона на протяжении всего высказывания при отсутствии вопросительной частицы; с подъёмом тона в конце высказывания на вопросительной частице *ба*; с восходяще-нисходящим тоном с максимумом на вопросительной частице при наличии финального уточняющего слова [Рыжикова и др., 2020, с. 153].

Задачей настоящего исследования является выявление закономерностей интонационного оформления маркера вопросительности в алтайских диктальных вопросах на примере высказываний с вопросительным словом *кем* 'кто'.

В соответствии с классификацией Ш. Балли, все вопросы относятся либо к диктуму (объективному содержанию предложения), либо к модусу (его субъективному содержанию). Диктумные вопросы связаны с неизвестными говорящему фактами о конкретной ситуации, модальные – с её реальностью, требующей подтверждения. Параллельно вводится разделение вопросов по той части информации, которая ими охватывается: полные вопросы относятся ко всей ситуации, частичные – только к определённой её составляющей [Балли, 1955, с. 47–48].

Под диктальными вопросами, вслед за Ш. Балли, мы понимаем такие, которые вводятся вопросительным словом и содержат неизвестное. Адресат должен заполнить компонент, который обозначен вопросительным словом. Если говорящий задает диктальный вопрос, то он исходит из того, что в рамках данного дискурса какая-то ситуация имела место, а вопрос относится к обозначению этой ситуации, существование которой предполагается. При этом диктальные вопросы различаются объемом информации, которая находится в распоряжении спрашивающего. При частичном диктальном вопросе спрашивающему известен факт, названный предикатом, и вопрос, таким образом, относится к любому другому компоненту обозначения ситуации. Если говорящий не знает, как обозначается ситуация, существование которой он предполагает, или, другими словами, если у него нет пропозиционального знания, тогда мы имеем дело с полным диктальным вопросом [Mehlig, 2008, с. 244].

При частичном диктальном вопросе *Кем кижи алган?* 'Кто женился?' тот, кто задает вопрос, предполагает, что кто-то женился. С помощью этого вопроса спрашивающий хочет выяснить, кто именно женился. Такой вопрос может относиться не только к ситуации, существование которой спрашивающий в рамках дискурса предполагает, но и к ситуации, которая уже введена в дискурс как существующая, например: *Кече кем кижи алган?* 'Вчера кто женился?'. Тот, кто спрашивает, знает, что вчера была свадьба, но не знает, кто именно женился.

Другим примером диктального вопроса может служить *Кижи алган уул кем?* 'Кто тот парень, который женился?'. Спрашивающий предполагает, что кто-то среди парней недавно женился, вполне возможно, что ему уже известны отдельные компоненты обозначения ситуации, они уже введены в своем обозначении в дискурс.

Материалы и методы

Для исследования была выбрана группа вопросительных высказываний с устойчивым сочетанием *кижи ал* = 'жениться' и вопросительным словом *кем* 'кто': *Кем кижи алган?* 'Кто женился?', *Кем кижи албаган?* 'Кто не женат?', *Кече кем кижи алган?* 'Вчера кто женился?', *Кижи алган уул кем?* 'Кто тот парень, который женился?'.
Экспериментальный материал по предварительно составленной программе был записан от шести дикторов-женщин, которые свободно владеют южным диалектом алтайского языка (алтай-кижи) и проживают в Усть-Канском районе республики Алтай: 1) КМК, 50 лет, родилась и живет в селе Усть-Кан; 2) КЧА, 47 лет, родилась и живет в селе Усть-Кан; 3) ТИИ, 45 лет, родилась и живет в селе Яконур; 4) КАА, 44 года, родилась и живет в селе Яконур; 5) МАА, 42 года, родилась и живет в селе Яконур; 6) МГА, 38 лет, родилась и живет в селе Козуль. Для всех дикторов алтайский язык является родным.

Для проведения исследования диктор должен был в совершенстве владеть орфоэпически правильным произношением; не иметь органических и функциональных дефектов произношения; быть в возрасте от 20 до 50 лет; не иметь вставных зубов.

Запись производилась на диктофон Zoom H4n, в дальнейшем звуковые файлы в формате .wav были сегментированы с помощью программы Audacity и обрабатывались в компьютерной программе для анализа речи PRAAT.

В работе применена комплексная методика экспериментально-фонетического исследования, а также субъективные методы: аудиовизуальные наблюдения автора и показания дикторов.

Результаты и обсуждение

При анализе экспериментальных данных были выявлены закономерности в движении основного тона и изменении кривой интенсивности диктальных вопросительных высказываний алтайского языка.

В высказываниях с начальной позицией вопросительного слова (рис. 1) наблюдаются два варианта реализации интонации первого слога высказывания: а) восходящее движение тона; б) ровное движение тона с незначительным понижением к концу. Пик интенсивности на первом вопросительном слове составляет примерно 80 дБ. Таким образом, максимум мелодической кривой и фразовое ударение могут совпадать и реализовываться на вопросительном слове *кем*.

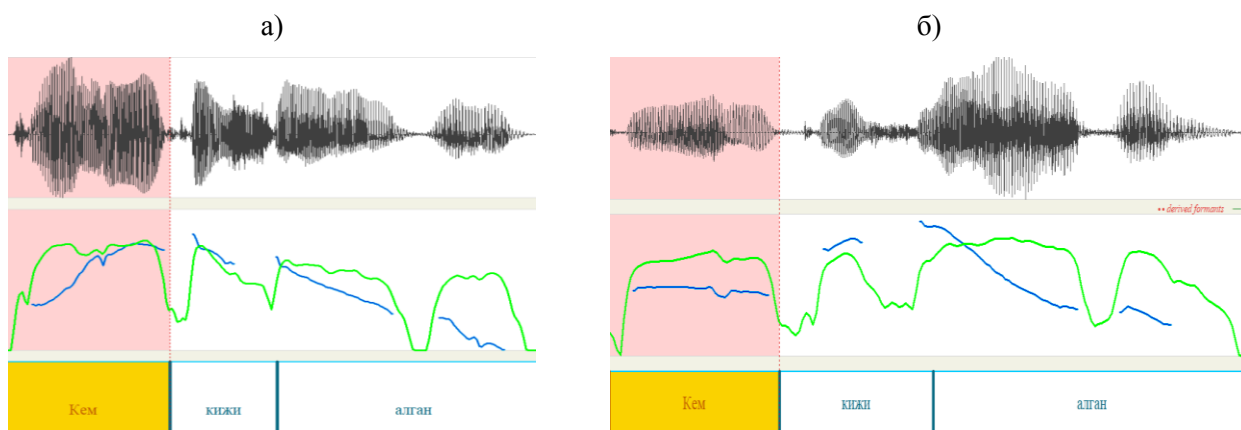

Рис. 1. Интонограмма вопросительного высказывания *Кем кижѝ алган?* 'Кто женился?'.
 Fig. 1. Intonogram of the one-component utterance *Kem kizhi algan?* 'Who got married?'.

В вопросе *Кем кижѝ албаган?* 'Кто не женат?' (рис. 2) движение тона нисходящее. Максимум интенсивности фиксируется на вопросительном слове с последующим постепенным понижением интенсивности к концу высказывания. Предположение о том, что в отрицательном предложении интонационное оформление будет отличаться, оказалось неверным. На представленных интонограммах видно, что кривая частоты основного тона в высказываниях *Кем кижѝ алган?* (рис. 1) и *Кем кижѝ албан?* (рис. 2) совпадают.

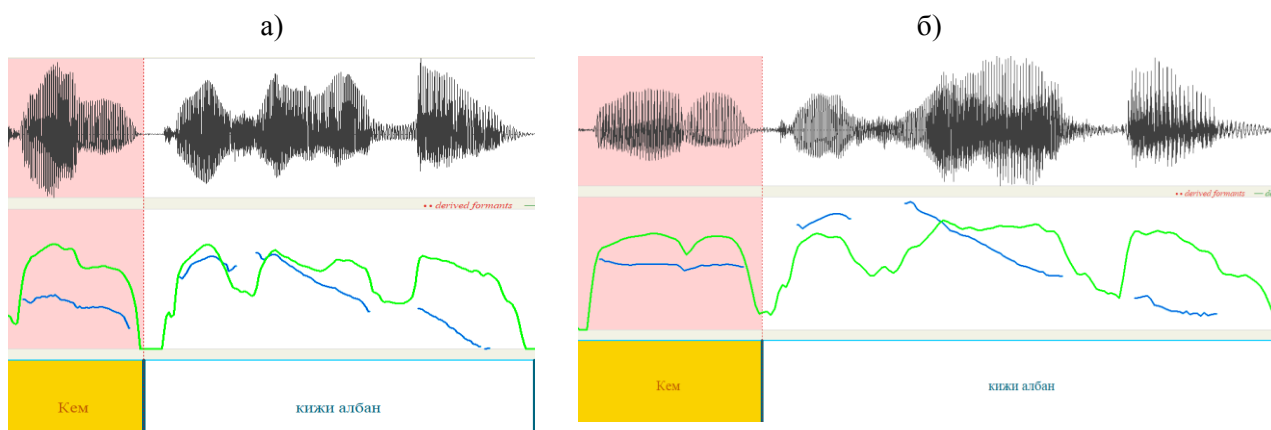

Рис. 2. Интонограмма вопросительного высказывания *Кем кижѝ албаган?* 'Кто не женат?'.
 Fig. 2. Intonogram of the interrogative utterance *Kem kizhi alban?* 'Who is not married?'.

В высказывании *Кече кем кижѝ алган?* 'Вчера кто женился?', в котором вопросительное слово расположено в центре высказывания, также наблюдается волнообразное восходяще-нисходящее-восходяще-нисходящее движение тона (рис. 3). Само вопросительное местоимение *кем* произносится с деklinацией. Словосочетание *кижѝ алган* имеет восходяще-нисходящий контур частоты основного тона. Максимум интенсивности отмечается на вопросительном местоимении *кем* с последующим понижением к концу высказывания.

Высказывание с вопросительным словом, которое стоит в конце вопроса, характеризуется волнообразным контуром основного тона (рис. 4). Вопросительное местоимение *кем* отмечено более низким тоном, чем предшествующая часть высказывания. Однако одновременно оно является финалью высказывания, поэтому на нём наблюдается восходящее движение тона, сходное с тем, которое в модальных высказываниях рассматривается как интонационный маркер вопросительности высказывания. Во всех случаях *кем* является одним из пиков интенсивности.

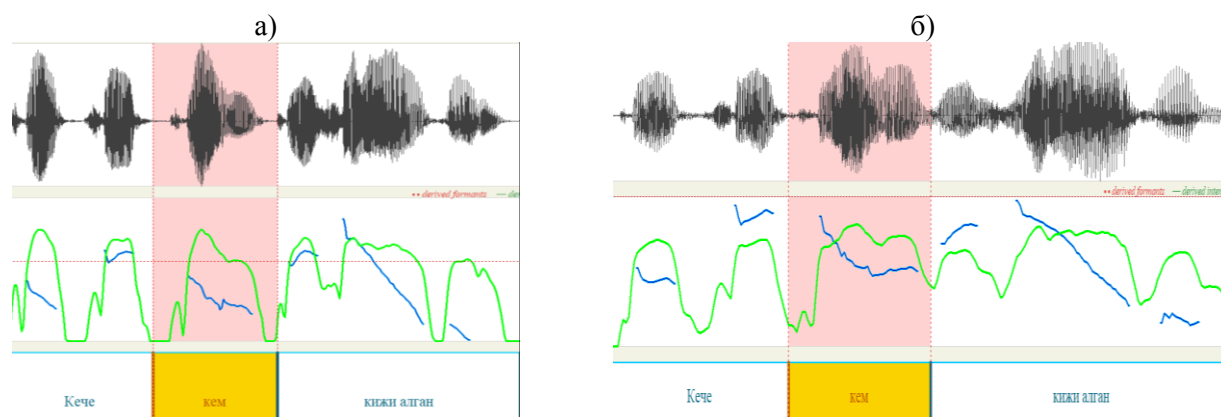

Рис. 3. Интонограмма вопросительного высказывания *Кече кем кижн алган?* 'Вчера кто женился?'.
 Fig. 3. Intonogram of the interrogative utterance *Keche kem kizhi algan?* 'Who got married yesterday?'.

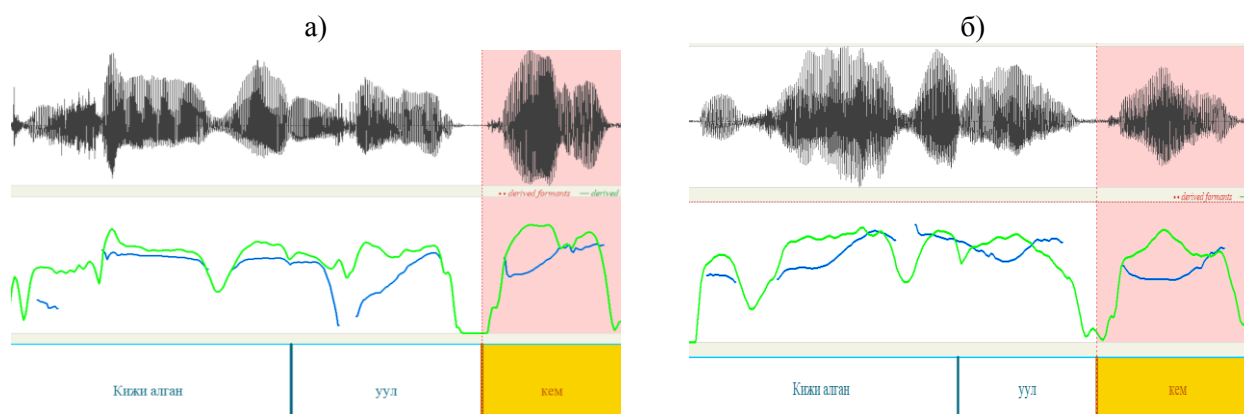

Рис. 4. Интонограмма вопросительного высказывания *Кижн алган уул кем?* 'Кто тот парень, который женился?'.
 Fig. 4. Intonogram of an interrogative utterance *Kizhi algan uul kem?* 'Who is the guy who got married?'.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в алтайском языке интонационное оформление диктальных вопросов с вопросительным словом *кем* зависит от его положения в высказывании. Если местоимение *кем* стоит в начале, то оно может иметь ровный тон или маркироваться восходяще-нисходящим изменением частоты основного тона. В финальной позиции на слове *кем* констатируется восходящее движение тона, что предполагает незавершенность высказывания и ожидание ответа слушателя. В середине высказывания на вопросительном местоимении реализуется нисходящий тон, а интонационный контур волнообразный – восходяще-нисходящий-восходяще-нисходящий. В целом интонационный контур вопросов со словом *кем* можно охарактеризовать как нисходяще-восходящий, кроме тех случаев, когда *кем* стоит в самом конце: тогда тон восходящий. Перепад частоты основного тона во всех примерах составляет от 5 до 7 пт.

Перспективу дальнейшего исследования представляет детализация выявленных тенденций за счёт расширения корпуса и описание общей модели интонационного оформления диктальных вопросов в результате сопоставления интонационных контуров высказываний с разными вопросительными словами.

Список литературы

- Артемов В. А. Экспериментальная фонетика. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 228 с.
- Баданова Т. А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 316 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
- Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Ч. I. М.: Наука, 1980. С. 102–121.
- Герцог О. Ф. Ритмомелодика вопросительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 131–142.
- Герцог О. Ф. Ритмомелодика некоторых коммуникативных видов вопросов в теленгитском диалекте алтайского языка // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 98–108.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
- Кокорин В. Н. Акцентуация и сингармонизм в чалканском диалекте алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 112–115.
- Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Плотников И. М., Шестера Е. А., Шамрин А. С. Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 149–165.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. 372 с.
- Чумакаева М. Ч. К вопросу об алтайском ударении // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 81–85.
- Шестера Е. А. Интонация вопросительных высказываний телеутского языка (в сопоставительном аспекте) // Сибирский филологический журнал. 2014 а. № 1. С. 231–242.
- Шестера Е. А. Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний // Вопросы языкознания. 2014 б. № 2. С. 61–75.
- Шестера Е. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Плотников И. М., Шамрин А. С. Интонация повествовательных высказываний алтайского языка (на материале фольклора) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. № 4 (30). С. 83–95.
- Mehlig R. ‘Модус’ и ‘диктум’ у Ш. Балли // Язык. Культура. Человек: сборник научных статей к юбилею профессора М. В. Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 240–255.

References

- Artemov V. A. *Ekspierimental'naya fonetika* [Experimental phonetics]. Moscow, Izd. lit. na inostr. yaz., 1956, 228 p. (In Russ.).
- Badanova T. A. *Slovesnoe udarenie v altayskom yazyke v sopostavitel'nom aspekte* [Word accent in the Altai language in the comparative aspect]. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of NSU, 2011, 316 p. (In Russ.).
- Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, Izd. inostr. lit., 1955, 416 p. (In Russ.).
- Bryzgunova E. A. Intonatsiya [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 102–121. (In Russ.).
- Chumakaeva M. Ch. K voprosu ob altayskom udarenii [On the question of the Altai accent]. In: *Zvukovye sistemy sibirskikh yazykov* [Sound systems of Siberian languages]. Novosibirsk, 1989, pp. 81–85. (In Russ.).
- Gertsog O. F. Ritmomelodika nekotorykh kommunikativnykh vidov voprosov v telengitskom dialekte altayskogo yazyka [Rhythm-melodic of some communicative types of questions in the Telengit dialect of the Altai language]. In: *Zvukovye sistemy sibirskikh yazykov* [Sound systems of the Siberian languages]. Novosibirsk 1989, pp. 98–108. (In Russ.).
- Gertsog O. F. Ritmomelodika voprositel'nykh predlozheniy telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [The rhythm-melodic of interrogative sentences in the Telengit dialect of the Altai language]. In: *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of the Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 131–142. (In Russ.).

Kokorin V. N. Aktsentuatsiya i singarmonizm v chalkanskom dialekte altayskogo yazyka [Accentuation and synharmonism in the Chalkan dialect of the Altai language]. In: *Foneticheskie struktury v sibirskih yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1986, pp. 112–115. (In Russ.).

Mehlig R. “Modus” i “diktum” u Sh. Balli [“Modus” and “dictum” by Sh. Bally]. In: *Yazyk. Kul'tura. Chelovek: sbornik nauchnykh statey k yubileyu professora M. V. Vsevolodovoy* [Language. Culture. Man: collection of scientific articles to the anniversary of the professor M. V. Vsevolodova]. Remneva M. L. et al. (Eds.). Moscow, MAKS Press, 2008, pp. 240–255. (In Russ.).

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A., Shamrin A. S. Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke (na materiale fol'klora altay-kizhi) [Intonation of modal interrogative statements in the Altai language (on the material of Altai-Kizhi folklore)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 2, pp. 149–165. (In Russ.).

Shestera E. A. Intonatsiya voprositel'nykh vyskazyvaniy teleutskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Teleut language: the intonation of narrative and interrogative statements]. *Siberian Journal of Philology*. 2014a, no. 1, pp. 231–242. (In Russ.).

Shestera E. A. Teleutskiy yazyk: intonatsiya povestvovatel'nykh i voprositel'nykh vyskazyvaniy [The Teleut language: Intonation of statements and questions]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2014b, no. 2, pp. 61–75. (In Russ.).

Shestera E. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shamrin A. S. Intonatsiya povestvovatel'nykh vyskazyvaniy altayskogo yazyka (na materiale fol'klora) [Intonation of narrative utterances of the Altai language (based on the material of folklore)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, iss. 4 (30), pp. 83–95. (In Russ.).

Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, 1960, 372 p. (In Russ.).

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 312 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.11.2022*

Сведения об авторе

Добринина Альбина Альбертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru

ORCID: 0000-0001-5841-4714

Scopus ID: 56610274200

Information about the Author

Albina A. Dobrinina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru

ORCID: 0000-0001-5841-4714

Scopus ID: 56610274200

УДК: 811.511.142:81'367.2
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-85-99

**Интонация побудительных высказываний телеутского языка:
XX век и начало XXI века**

Е. А. Шестера

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Акустический анализ интонации повелительных предложений телеутского языка в сопоставлении с данными, полученными Ф. А. Кимом при изучении сходного лингвистического материала, позволил выявить некоторые закономерности в развитии телеутской интонационной системы. Данные закономерности находятся в русле науки о языке и объясняются лингвистической ситуацией исчезающего телеутского языка. Так, заметны новые тенденции в интонации побудительных высказываний в произнесении дикторов более младшего поколения, которые являются билингвами. В свою очередь черты, описанные в работе Ф. А. Кима, более характерны для речи информантов старшего поколения, которые родным языком называют телеутский.

Ключевые слова

интонация, акустика речи, мелодика, интенсивность, побудительные высказывания, повелительные предложения, телеутский язык, билингвы, рема

Благодарность

Выражаю благодарность дикторам – носителям телеутского языка, жителям с. Беково Беловского района Кемеровской области, за помощь при сборе материала для исследования.

Для цитирования

Шестера Е. А. Интонация побудительных высказываний телеутского языка: XX век и начало XXI века // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 85–99. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-85-99

**Intonation of imperative statements of the Teleut language:
20th century and early 21st century**

E. A. Shestera

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Acoustic analysis of the intonation of imperative statements of the Teleut language revealed some patterns in the development of the Teleut intonation system. The new data were compared with those obtained by F. A. Kim when studying similar linguistic material. These patterns are in line with the science of language and are explained by the linguistic situation of the endangered Teleut language. Thus, the new tendencies can be seen in the pronunciation of bilingual speakers of a younger generation. In turn, the features described by F. A. Kim are more characteristic of the speech of the older generation speakers, who consider the Teleut language to be their native language. Each ut-

© Е. А. Шестера, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

terance was characterized as having a rheme with a zero topic. The rheme in short imperative statements representing a request, demand, advice, or order was found to have a globally increasing pitch or may be characterized as a fall-rise or rise-fall pitch movement.

Keywords

intonation, speech acoustics, melodic, intensity, imperative statement, Teleut language, bilinguals, rhema

Acknowledgements

I express my gratitude to the native speakers of the Teleut language living in the v. Bekovo, Belovskiy district, Kemerovo region, for the help in finding and recording the linguistic material for our research.

For citation

Shestera E. A. Intonatsia pobuditelnyh vyskazyvanij teleutskogo jazyka: XX vek i nachalo XXI veka [Intonation of imperative statements of the Teleut language: 20th century and early 21st century]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 85–99. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-85-99

Введение

Телеутский язык – язык немногочисленного тюркоязычного этноса телеутов (самоназвание *тадар кижжи, телеңит ~ телеңет ~ телеңут ~ телеут кижжи*).

Самая многочисленная группа телеутов в настоящее время проживает в Беловском районе Кемеровской области, по рекам Большой и Малый Бачат (п. Беково (Челухоево), Заречное, Верховская, Шанда, Черта, Каменка, Улус). В научной литературе она известна под названием «бачатские телеуты» (самоназвание: пайат кижжи). Другая небольшая по численности группа телеутов проживает совместно с шорцами в п. Телеуты Заводского района г. Новокузнецка Кемеровской области. Около 200 человек живут компактно на территории Алтайского края. В настоящее время в Республике Алтай сколько-нибудь значительные группы телеутов отсутствуют. Название «телеутский язык» традиционно относится к языку, на котором говорят телеуты, проживающие на территории Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат. По данным переписи 2010 г.¹, говорит на телеутском языке 1 892 чел. из общего числа телеутов в 2650 чел.

В настоящее время телеутский язык стремительно теряет свою популярность среди представителей молодого поколения, все реже он используется как средство общения. Всё чаще телеутский язык перестает быть средством общения внутри носителей телеутского языка. Нередки ситуации в семьях, когда старшее поколение обращается к своим детям на телеутском, а дети отвечают на русском, не понимая при этом многих слов. Среднее поколение, по нашим наблюдениям, являются билингвами, лишь старшее своим первым языком может назвать телеутский. В таких условиях актуальным представляется фиксация телеутского произношения в сопоставлении с материалами, полученными при исследовании интонации в середине XX в. Ф. А. Кимом [Ким, 1984, с. 157–163]. В нашей работе сопоставляются данные нашего анализа интонации кратких побудительных высказываний с данными Ф. А. Кима [Ким, 1984, с. 157–163].

Под интонацией в узком смысле понимается мелодика, а именно: направление, форма, регистр (или тональный уровень) контура частоты основного тона высказывания и отдельных его участков [Бондарко, 1998]. Ряд западных исследователей [O'Connor, 1973; Ladd, 1985; Toivanen, 1999; Pierrehumbert, 1979 и др.] под интонацией подразумевают только мелодику. Такое разночтение в определениях интонации связано с тем, что проявления разных интонационных параметров совпадают, а учитывая то, что частота основного тона оформляет коммуникативный тип высказывания, ей уделяется приоритетное внимание.

В данной работе рассматривается реализация частоты основного тона (далее – ЧОТ) и интенсивности на протяжении высказывания. Цель работы – описать интонацию побудительных высказываний телеутского языка. Для достижения цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать примеры произнесений дикторов, выявить, мелодический контур высказывания, состоящего из одной словоформы. Согласно исследованию Ф. А. Кима [Ким, 1984, с. 157–163] об интонации побудительных предложений телеутского языка, ожидается восходящее движение тона.

¹ https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 26.11.2022).

2. Выявить соотношение параметров интенсивности и ЧОТ в высказывании. Определить, оформляет ли интенсивность наравне с ЧОТ коммуникативный тип высказывания в телеутском.

3. Сопоставить полученные данные с социальной, гендерной и возрастной характеристиками дикторов и попытаться найти закономерности

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили 56 изолированных побудительных высказываний, записанных от двенадцати носителей телеутского языка. Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерной программы Audacity, анализировались в программах и SpeechAnalyzer 3.0.1 и Praat.

Мы рассматривали не все виды побудительных высказываний, а лишь повелительные, состоящие из одного слова, указывающего на действие, которое необходимо совершить. С точки зрения актуального членения предложения, каждое из таких высказываний представляет собой ремю, так как «рема в побудительном предложении выражает содержание требуемого или желаемого говорящим действия» [Селиверстова, 1977].

Для описания интонации повелительного высказывания (состоящего из ремы при нулевой теме) мы изучали следующие интонационные параметры: ЧОТ (а именно направление ОТ), измеряемую в герцах (Гц); интенсивность голоса, измеряемую в децибелах (дБ); соотношение ЧОТ и интенсивности; соотношение глобальной линии ЧОТ высказывания с реализацией ЧОТ на отдельных слогах.

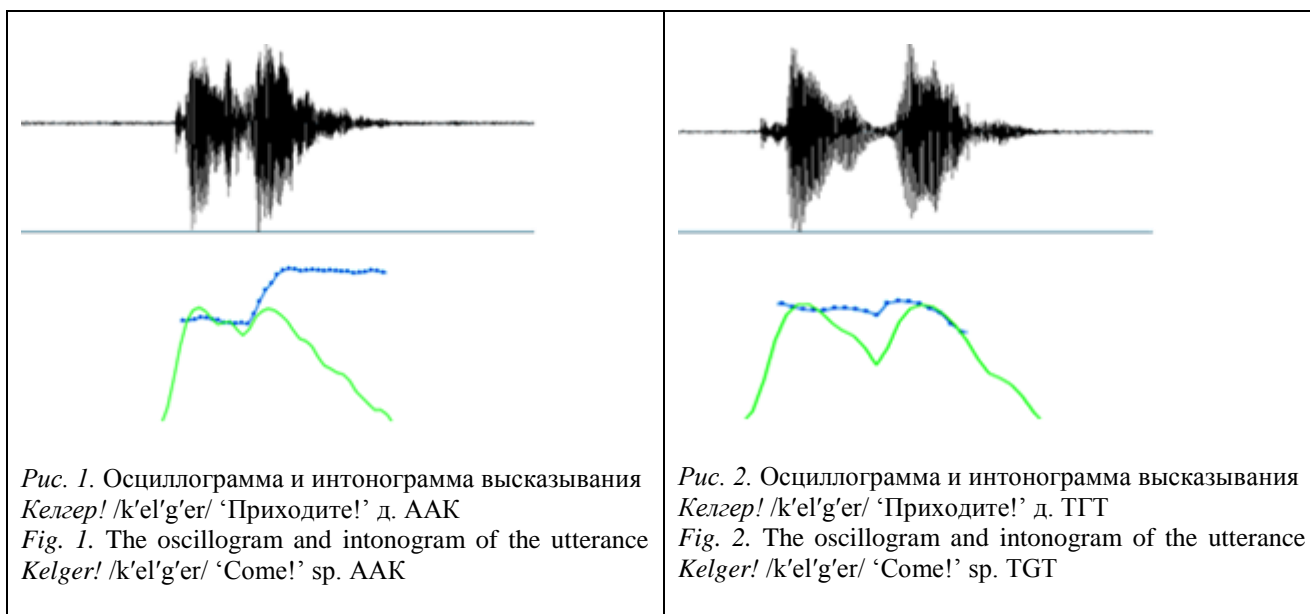
Результаты и обсуждение

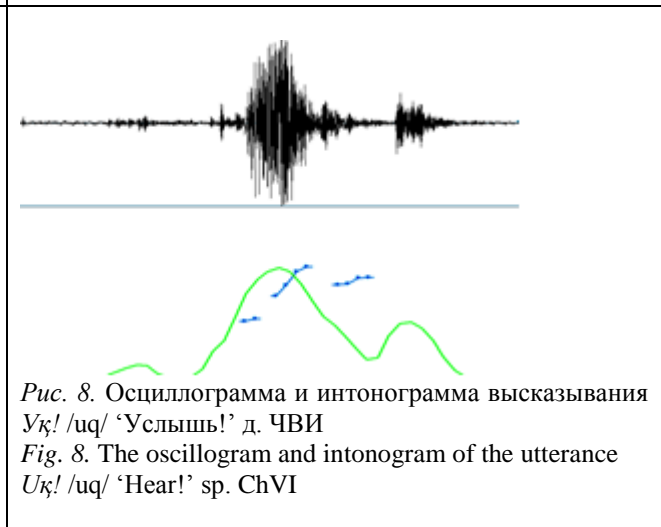
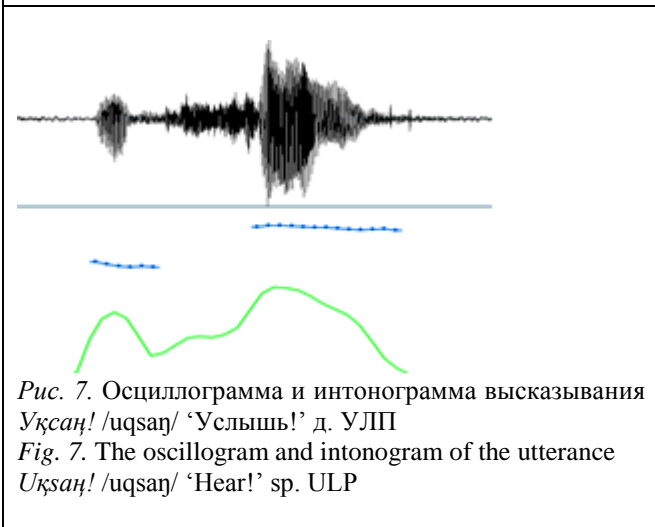
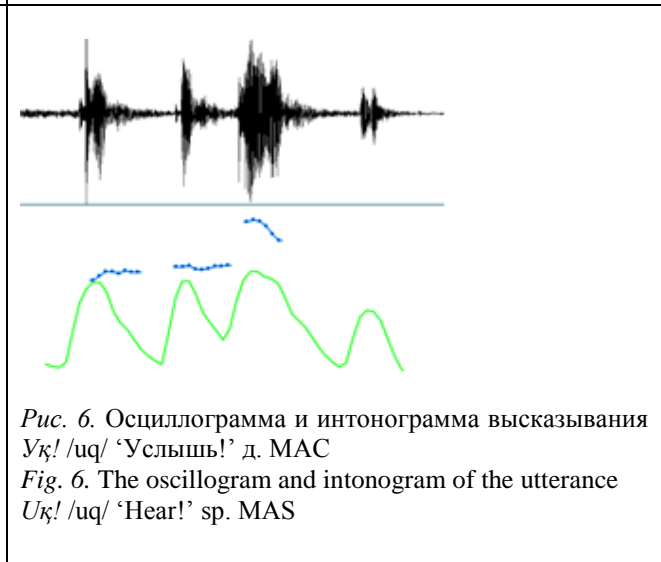
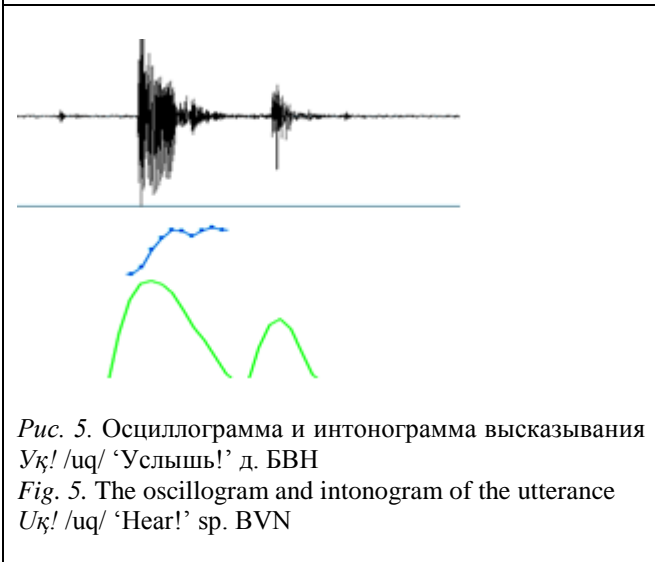
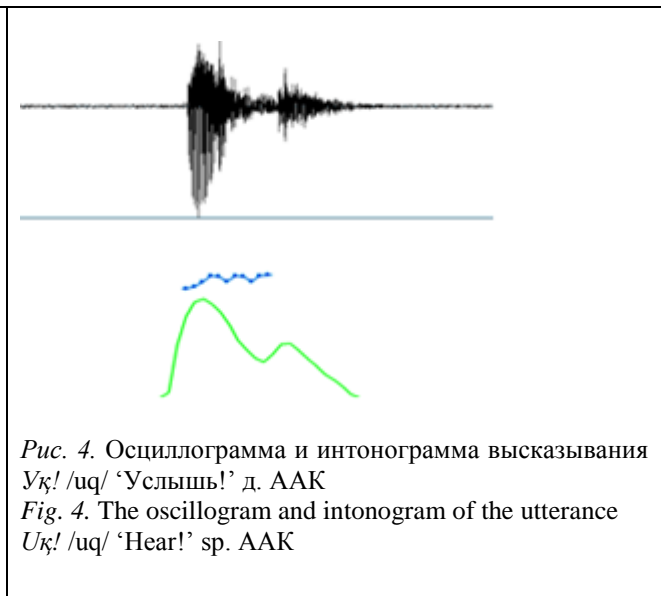
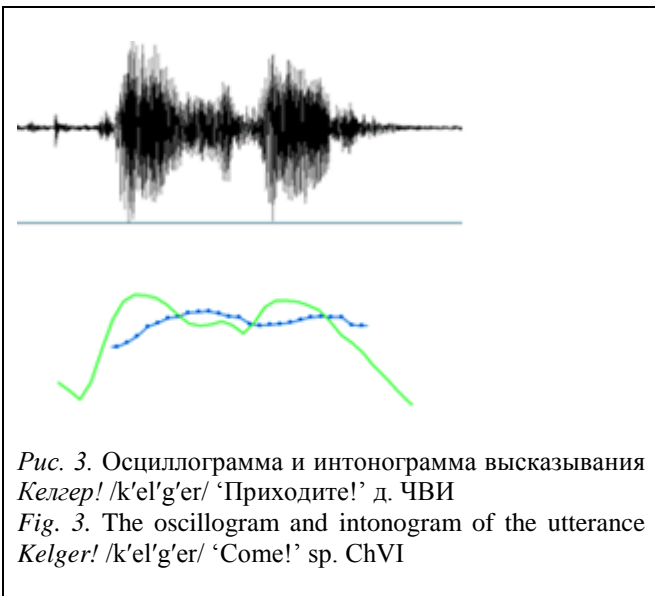
Анализ лингвистического материала, полученного в 1984 г. Ф. А. Кимом [Ким, 1984, с. 157–163] и наших данных, записанных в 2011 г., позволил выявить некоторые расхождения между ними в интонационном оформлении побудительных высказываний.

Все 56 произнесений двенадцати дикторов можно разделить на три типа, или паттерна. Назовём их условно 1П, 2П и 3П. Это не интонационные конструкции, или контуры, даже обобщенные, а именно типы, так как сами контуры могут достаточно сильно различаться.

1П. К интонационным контурам, которые характеризуются инклинацией ОТ, относятся следующие типы произнесения:

- 1) постепенное повышение ОТ (23 произнесения от 9 дикторов разных предложений);

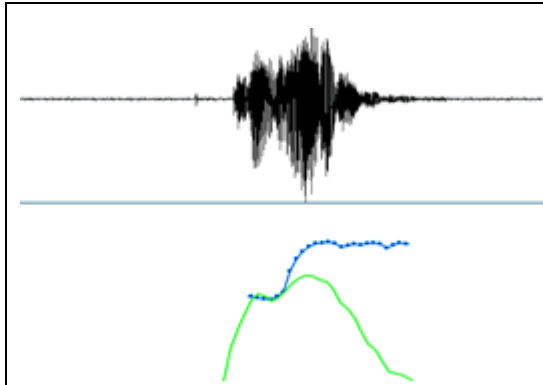

Рис. 9. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Жылын! /hъlъn/ 'Грейся!' д. ААК*
 Fig. 9. The oscillogram and intonogram of the utterance *Jylyn! /hъlъn/ 'Warm up!' sp. AAK*

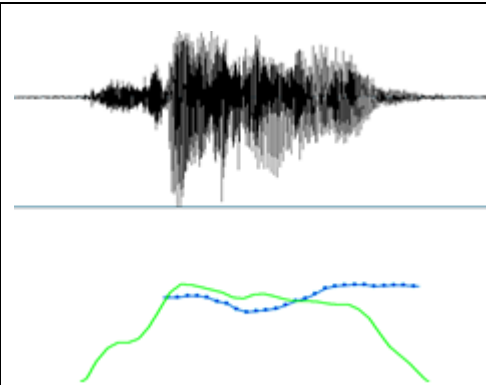

Рис. 10. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Жылын! /hъlъn/ 'Грейся!' д. ТАВ*
 Fig. 10. The oscillogram and intonogram of the utterance *Jylyn! /hъlъn/ 'Warm up!' sp. TAV*

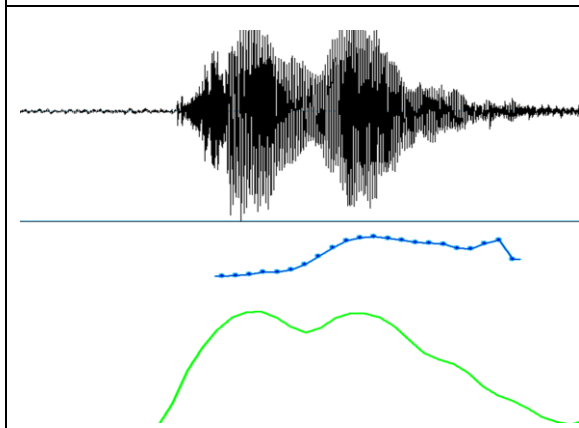

Рис. 11. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Жылын! /hъlъn/ 'Грейся!' д. УЛП*
 Fig. 11. The oscillogram and intonogram of the utterance *Jylyn! /hъlъn/ 'Warm up!' sp. ULP*

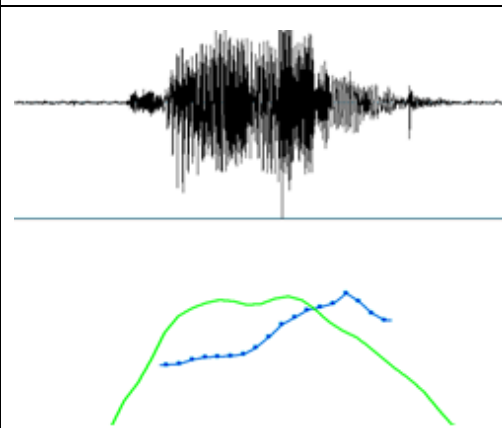

Рис. 12. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Жылын! /hъlъn/ 'Грейся!' д. ЧВИ*
 Fig. 12. The oscillogram and intonogram of the utterance *Jylyn! /hъlъn/ 'Warm up!' sp. ChVI*

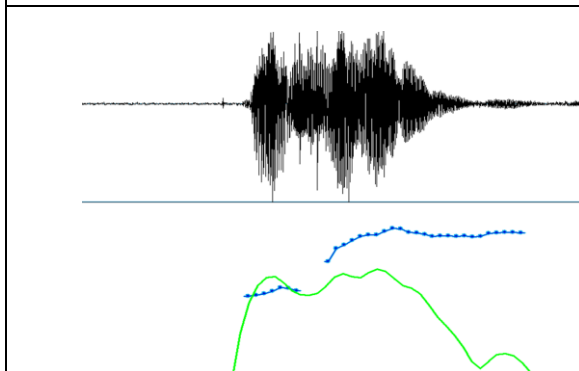

Рис. 13. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Эзен! /ezen/ 'Думай!' д. ААК*
 Fig. 13. The oscillogram and intonogram of the utterance *Jezen! /ezen/ 'Think!' sp. AAK*

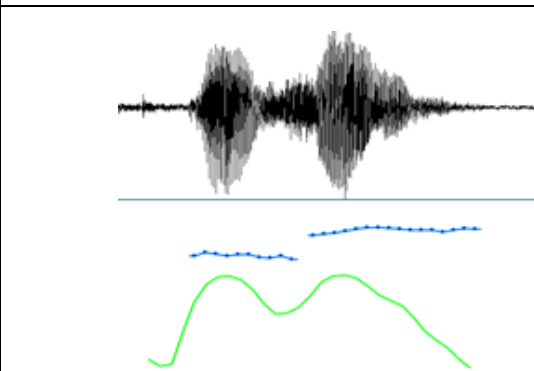
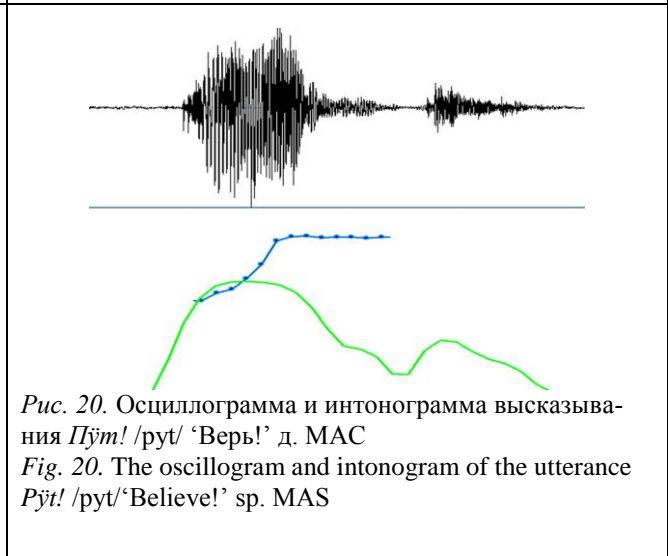
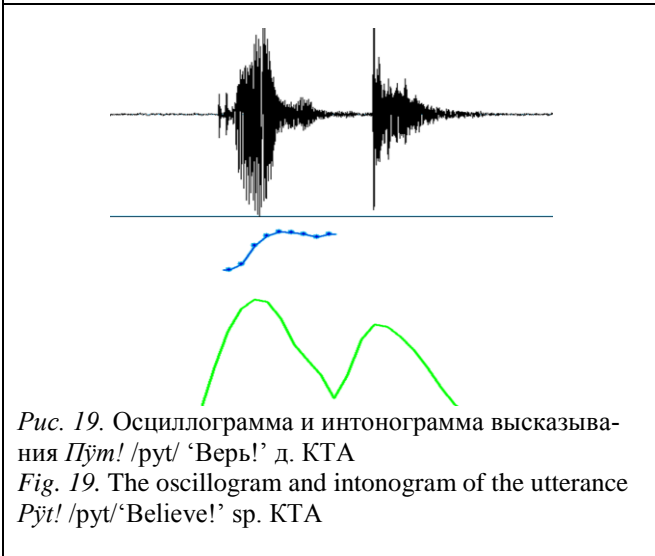
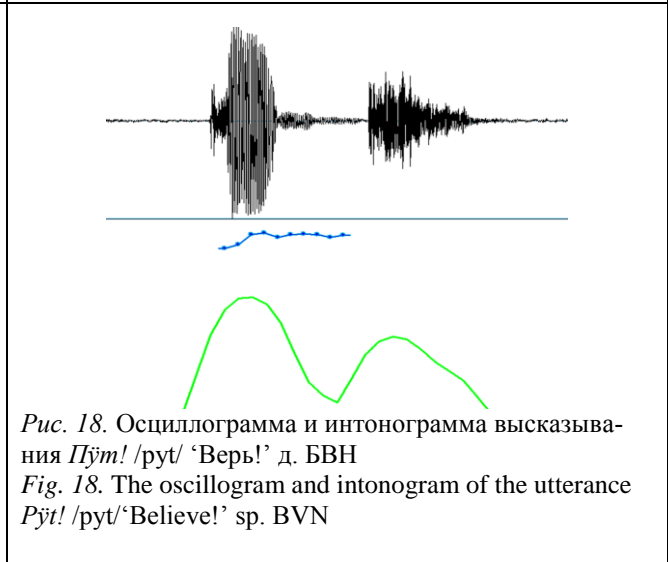
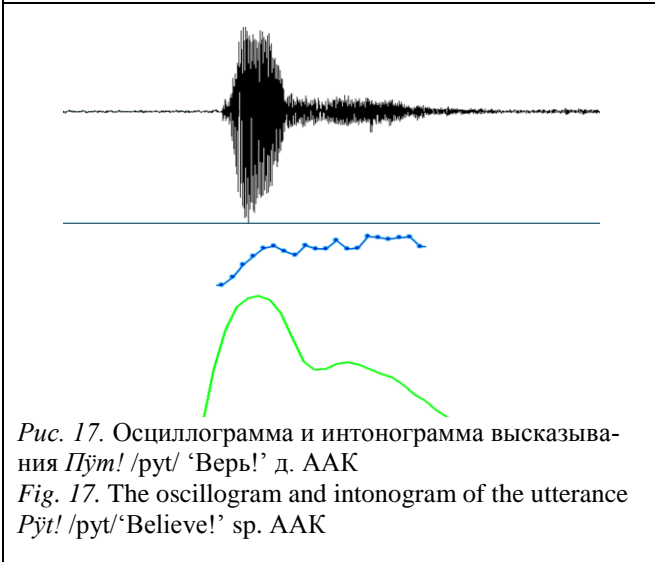
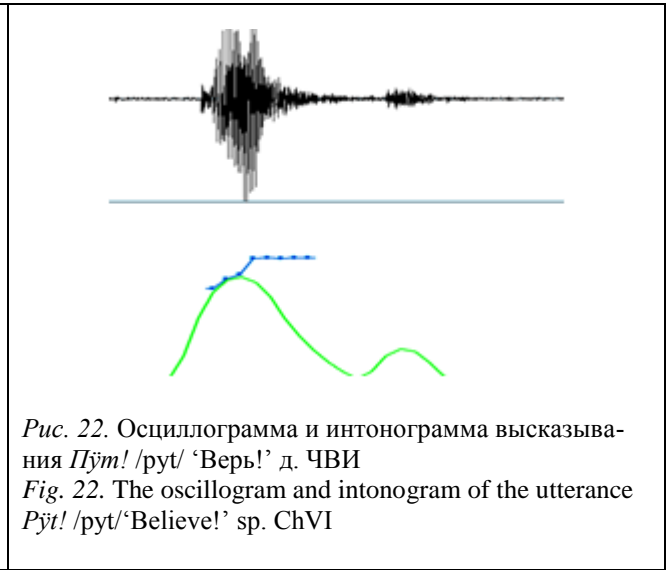
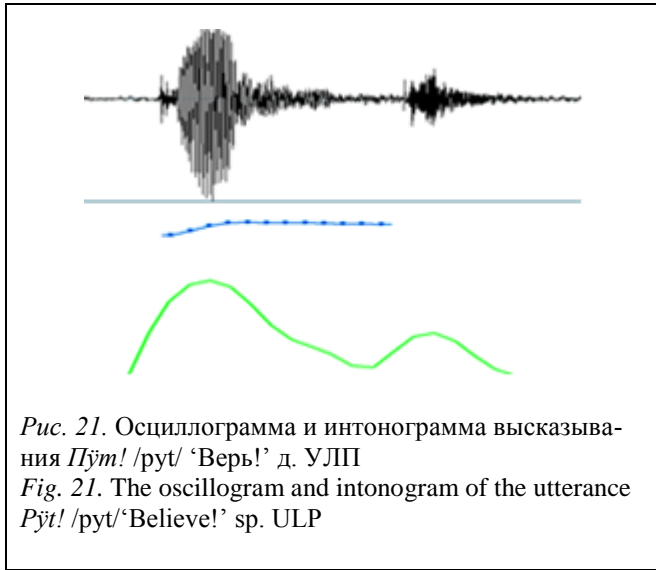
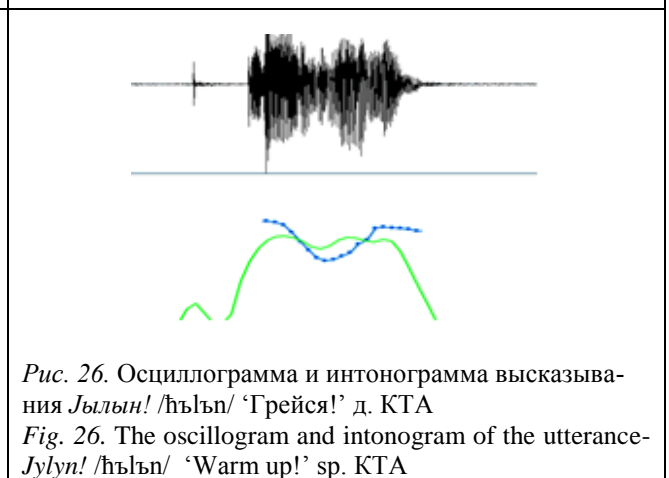
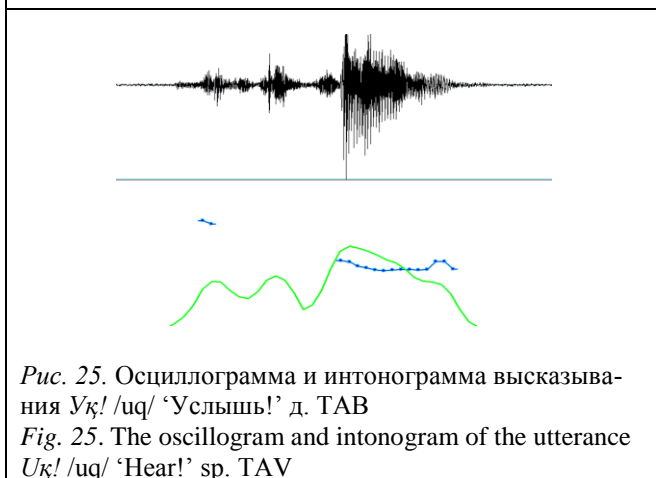
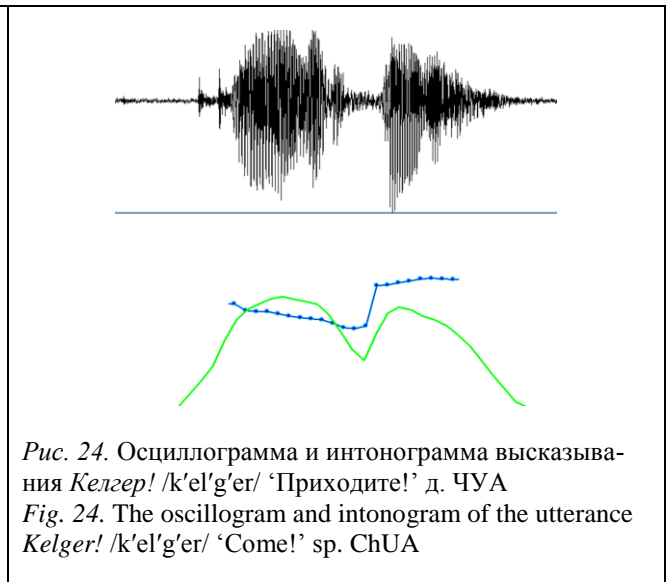
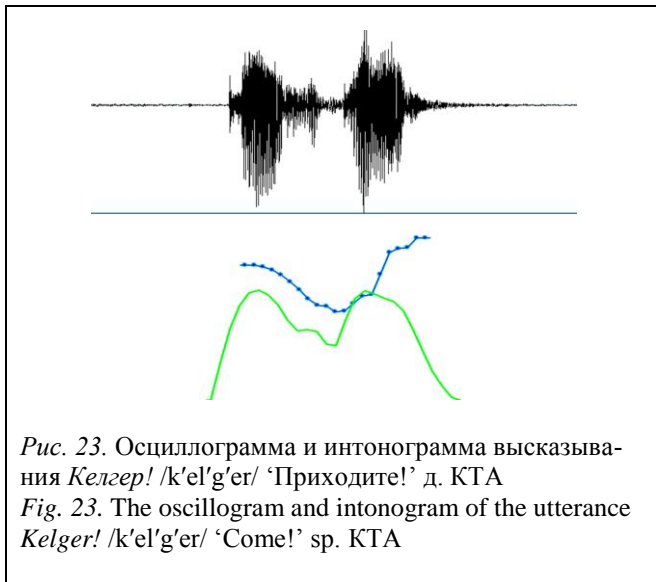

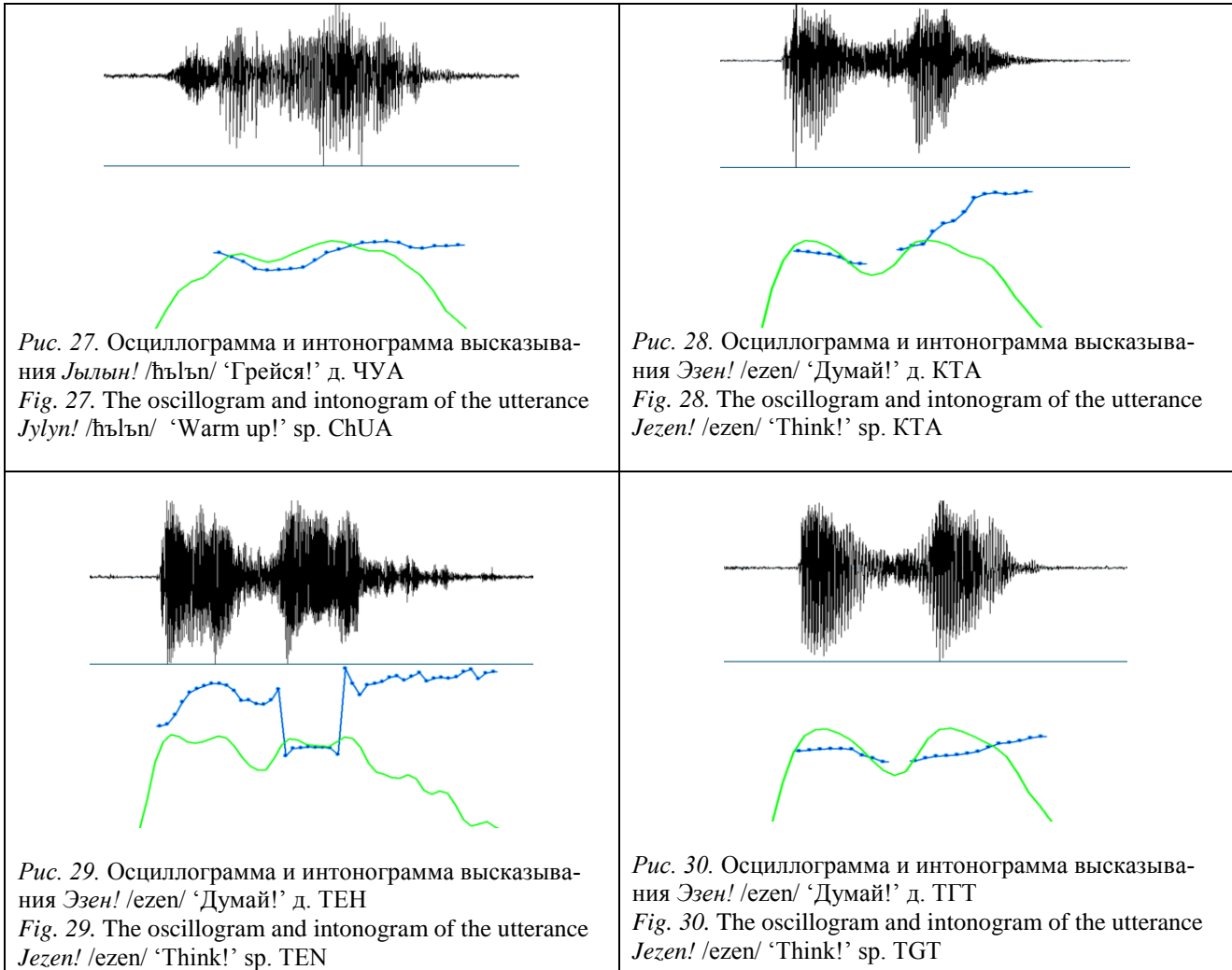
Рис. 14. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Эзен! /ezen/ 'Думай!' д. УЛП*
 Fig. 14. The oscillogram and intonogram of the utterance *Jezen! /ezen/ 'Think!' sp. ULP*

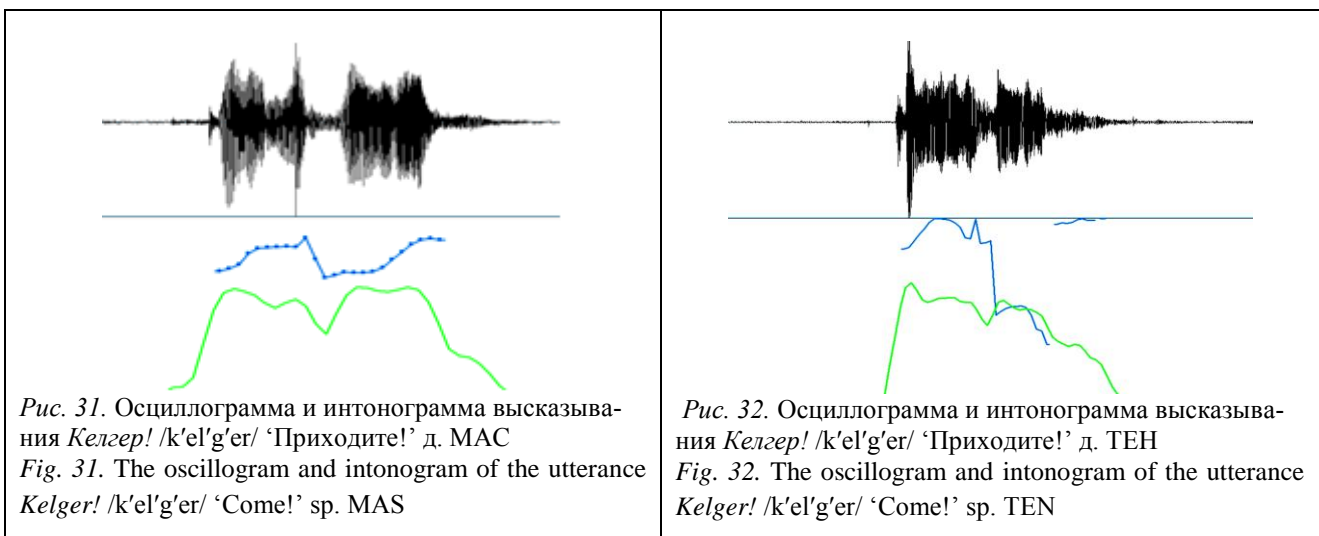

2) нисходяще-восходящий контур ОТ высказывания (девять произнесений от шести дикторов);

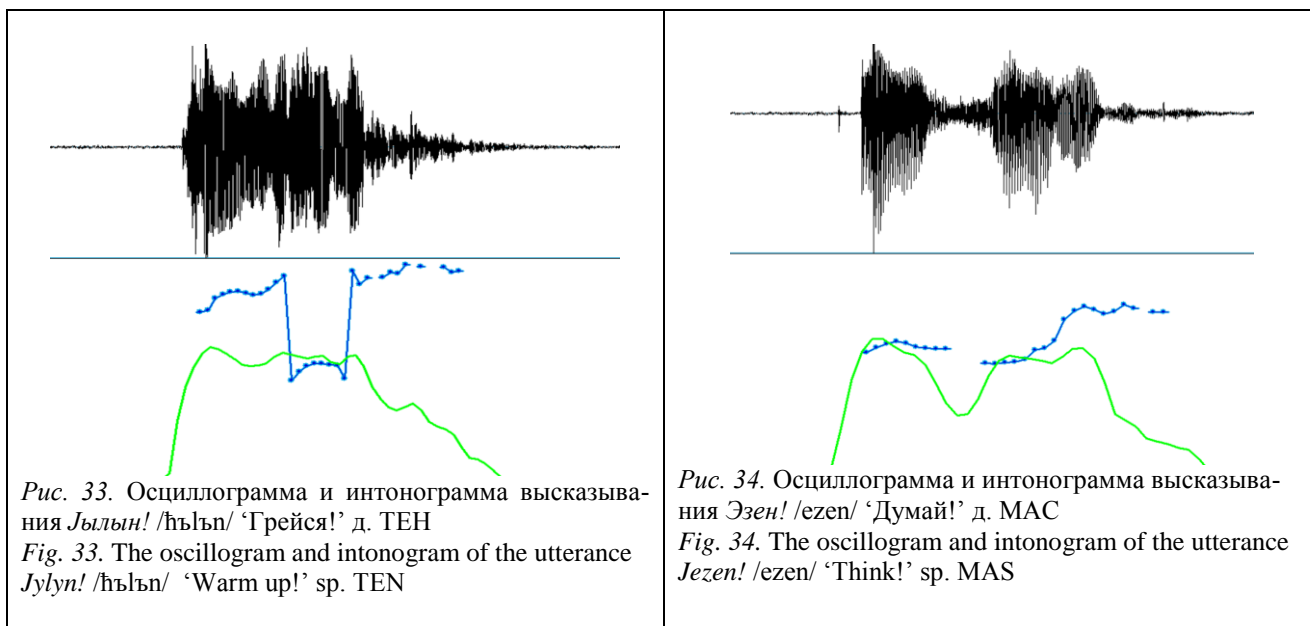

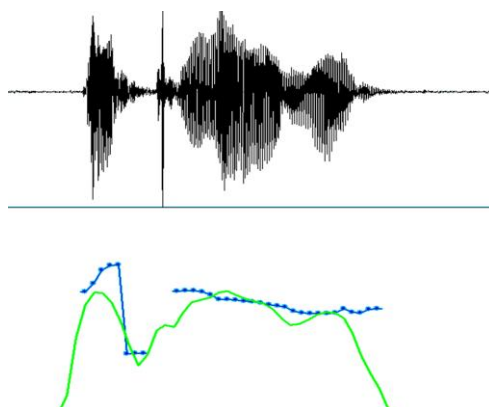
3) повышение ОТ, но несколько неравномерное: на первом слове восходящее движение, на втором тоже восходящее, но с более низкого значения. Строго говоря, последующий слог оформлялся индивидуально, но общая линия ОТ всё же прослеживалась (четыре произнесения от двух дикторов).

В единственном примере *Уқ мең* /uq meŋ/ 'Услышь меня!', включающем глагольную словоформу в повелительном наклонении и зависимое от него личное местоимение в косвенном падеже, у диктора КТА наблюдается повышение ОТ только на глаголе, а затем понижение ОТ.

Рис. 35. Осциллограмма и интонограмма высказывания *Уқ мең* /uq meŋ/ «Услышь меня!» д. ТЕН
Fig. 35. The oscillogram and intonogram of the utterance *Уқ мең* /uq meŋ/ 'Hear me!' sp. TEN

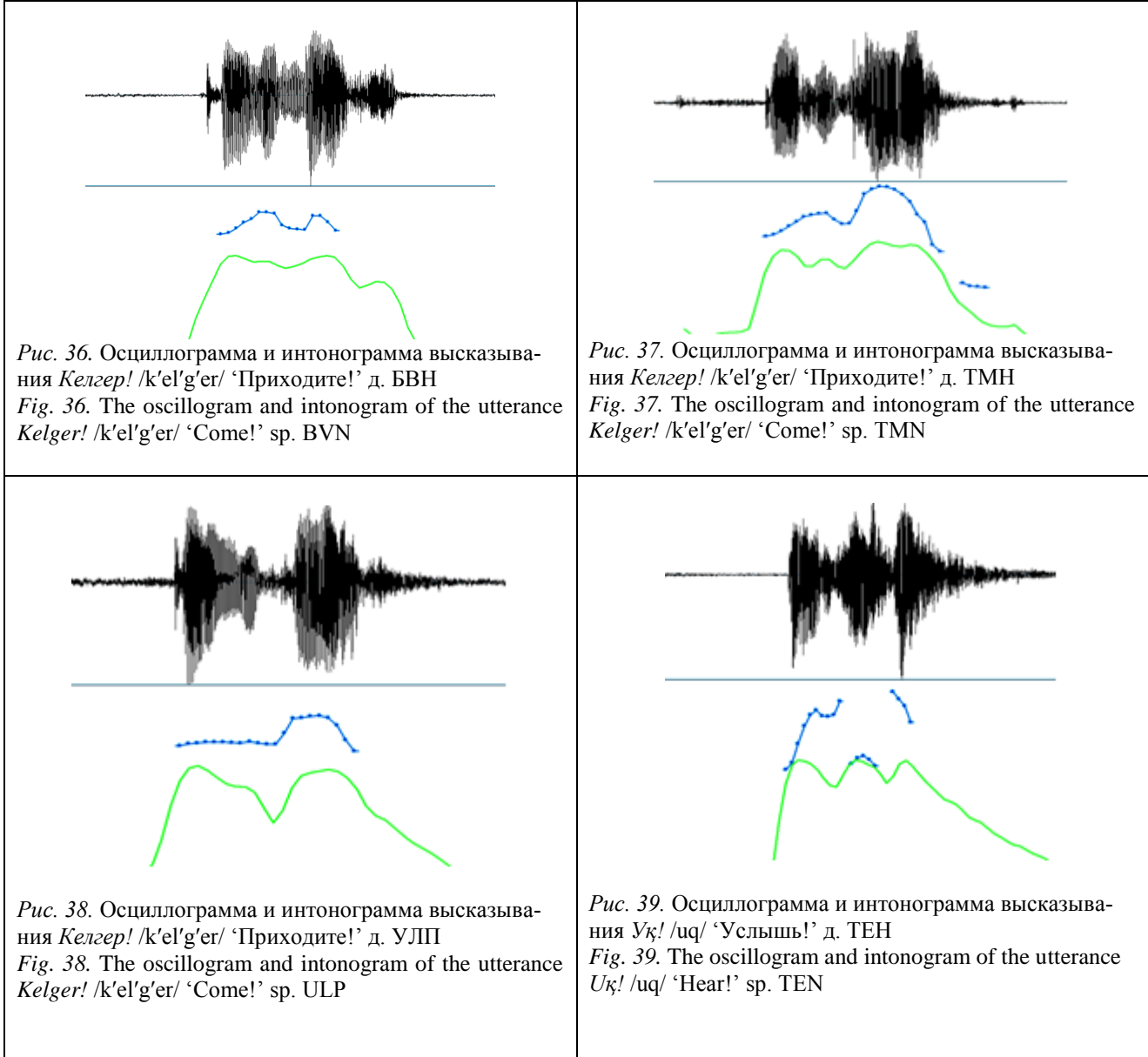
В побудительных высказываниях, описанных Ф. А. Кимом, реализуется постепенное повышение основного тона к последнему слогу; наблюдается увеличение длительности последнего слога высказывания; пик интенсивности приходится на первый слог [Ким, 1984, с. 157–163]. Но при этом в побудительных предложениях с отрицательной семантикой интонация на последнем слоге, морфологически представляющем собой отрицательную частицу, характеризуется ровным тоном или небольшим понижением частоты основного тона. При этом длительность последнего слога высказывания также увеличивается. Пик интенсивности реализуется не на первом, а на том слоге высказывания, который с точки зрения морфологии является последним слогом глагольной основы [Ким, 1984, с. 157–163].

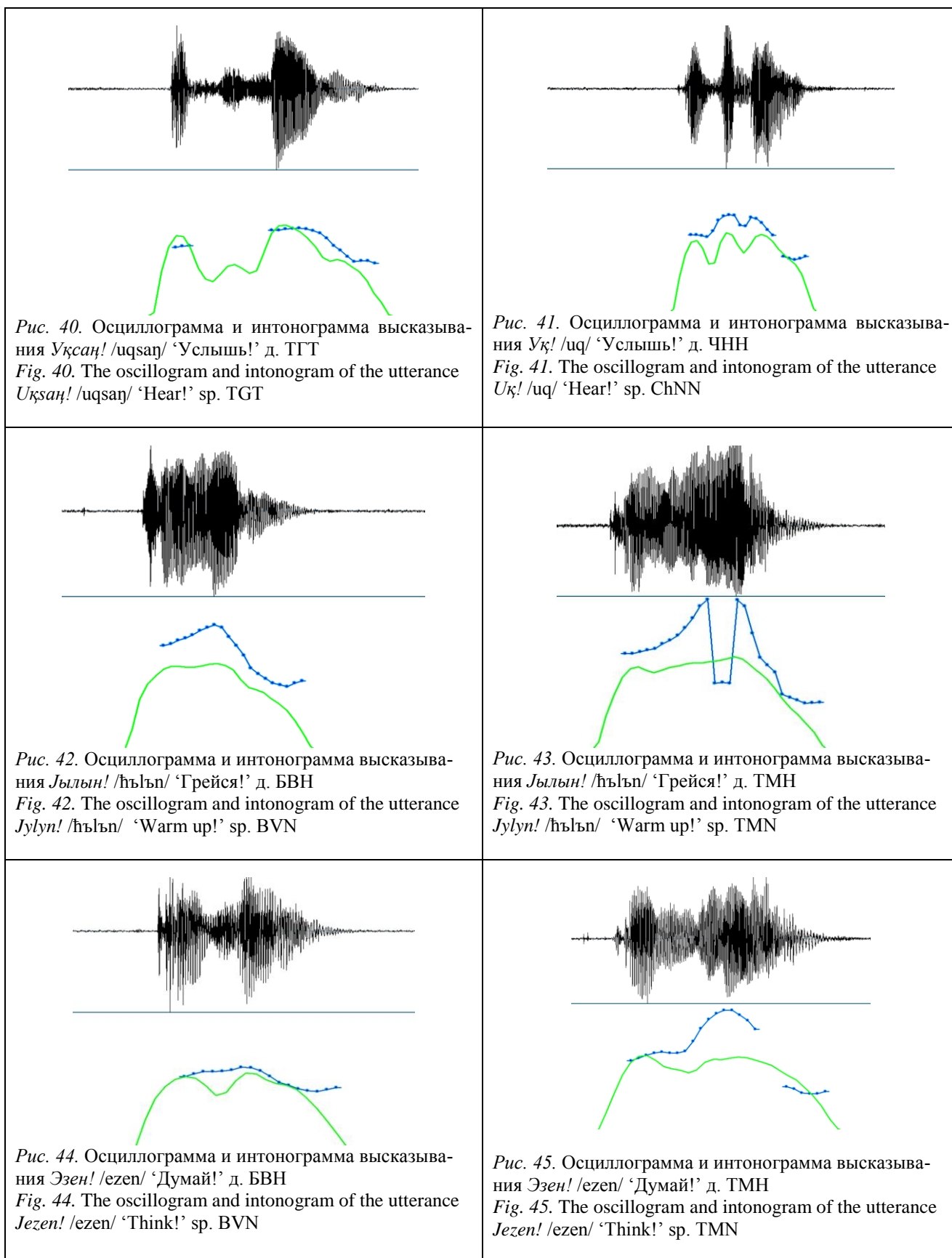
Таким образом, большинство произнесений согласуется с выводами Ф. А. Кима [Ким, 1984, с. 157–163], и в начале XXI в. интонационное оформление побудительных высказываний практически не изменилось от произнесений, исследованных в середине XX в. Однако большинство наших дикторов – представители более старшего поколения. Особое внимание мы обращали поэтому на интона-

ционное оформление побудительных предложений в произнесении трёх дикторов (ЧНН 1968 г.р., ТМН 1970 г.р. и УЛП 1974 г.р.). Из пятнадцати произнесений данных дикторов к 1П относится лишь шесть. Остальные девять характеризовались как принадлежащие к 2П.

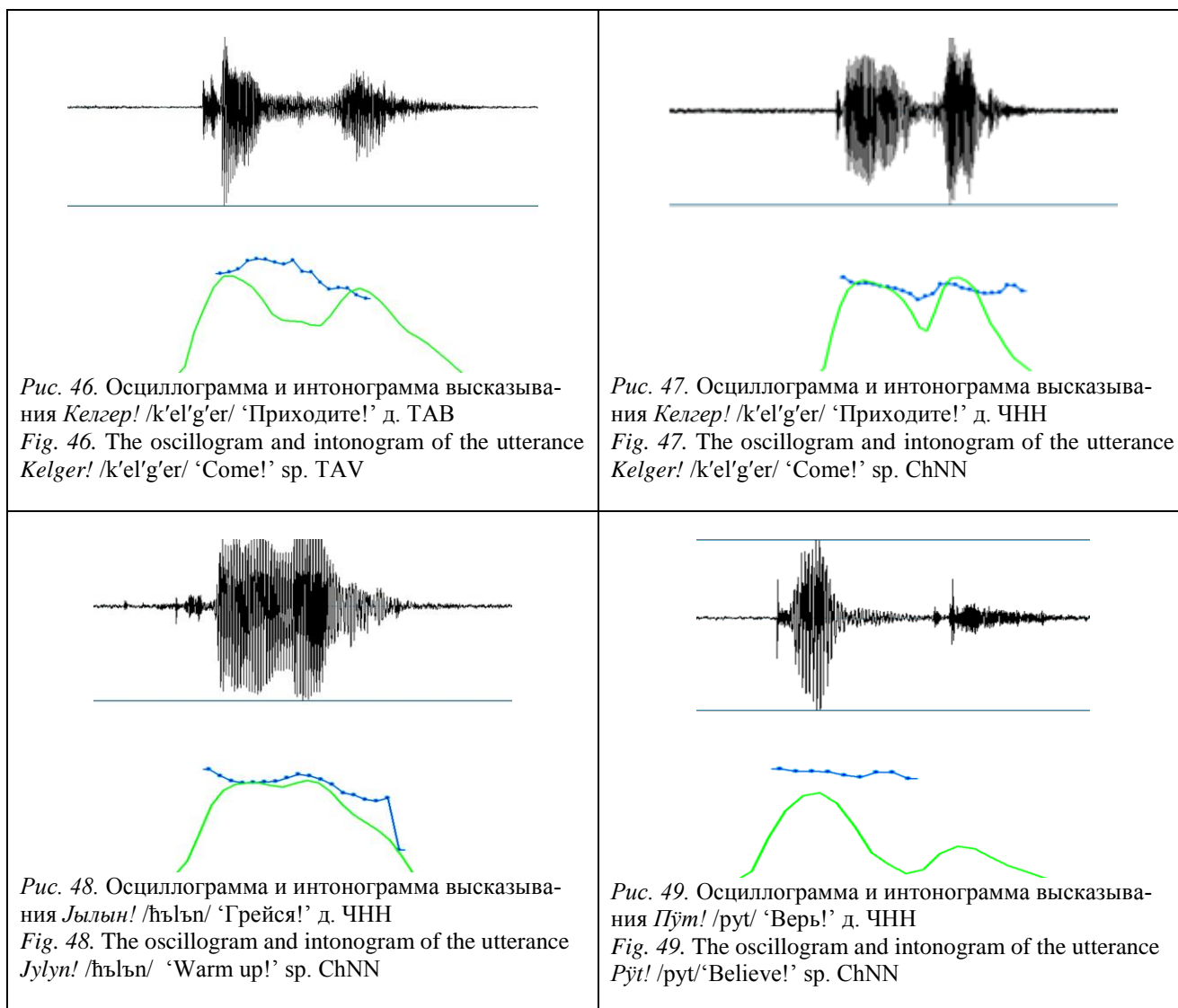
2П. Интонационные контуры, которые характеризуются деklinацией ОТ:

1) восходяще-нисходящий контур ОТ (одиннадцать произнесений от шести дикторов);

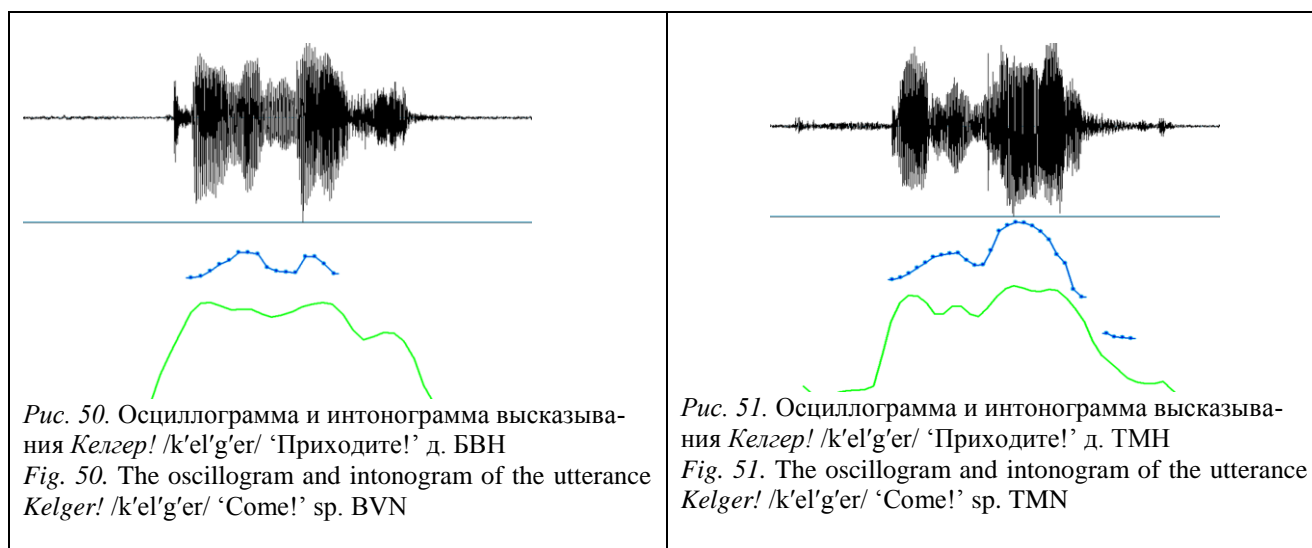

2) понижение ЧОТ на протяжении высказывания (пять произнесений от трёх дикторов), в одном из данных примеров (рис. 47) встретилось повышение интенсивности, несмотря на понижение параметра ЧОТ.

2П характерно для дикторов среднего возраста (1968–1974 гг.р.) – это самые молодые участники эксперимента.

3П – интонационные контуры с нечеткой линией ОТ, в которых каждый слог оформляется отдельно от общей направленности контура, при этом саму эту направленность (повышение или понижение ОТ) зафиксировать сложно. Таких произнесений встретилось крайне мало, но всё же они отдельно фиксировались)

Встречались также единичные произнесения, интонационные контуры которых не относятся к паттернам, рассмотренным выше.

Что касается интенсивности, то отмечались три разные тенденции её реализации, независимо от паттерна ЧОТ. Примеры, рассматриваемые ниже, не включают произнесения высказываний, состоящих из моносиллабов. Были обнаружены следующие типы:

1) максимальные значения интенсивности каждого глагольного слога одинаковы, в конце высказывания наблюдается постепенное понижение (при более резком начале) – большинство из 56 произнесений. Этот результат нашей работы отличается от данных, полученных при исследовании интонации Ф. А. Кимом, в котором констатируется максимальное значение интенсивности на первом слоге в утвердительных односоставных побудительных высказываниях [Ким, 1984, с. 157–163];

2) пик интенсивности первого слога выше значения второго (рис. 7, 40);

3) интенсивность второго слога повышалась вместе с параметром ЧОТ, т. е. наблюдалась согласованность данных параметров (рис. 27, 43, 47, 51).

Заключение

Наши данные не полностью подтверждают выводы, полученные при описании интонации телеутского языка в XX в. Несмотря на то, что большинство произнесений также характеризуется повышением ОТ к концу высказывания, но приблизительно в половине случаев констатируется иное интонационное оформление.

Появление новой тенденции интонационного оформления побудительных высказываний проявляется в том, что контур ОТ – глобально понижающийся, интенсивность к концу высказывания повышается. Данная особенность часто встречается в речи дикторов среднего поколения, а также дикторов, имеющих высшее гуманитарное образование.

Интенсивность также может реализовываться по-разному. Однако в большинстве случаев интенсивность проявлялась не как интонационный параметр, а только как просодический: значения каждого из слогов часто совпадали.

Поскольку каждое высказывание характеризовалось как имеющее рему при нулевой теме, то можно сделать вывод о том, что рема в побудительных высказываниях, а точнее в кратких повелительных предложениях, представляющих собой просьбу, требование, совет или приказ, интонационно выражается повышением ОТ высказывания от начала к концу, а также нисходяще-восходящим или восходяще-нисходящим движением ОТ.

Список литературы

- Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб, 1998.
- Ким Ф. А. Интонация в языке бачатских телеутов (на материале простых односоставных побудительных предложений) // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 157–163.
- Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности её описания // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1977.
- Ladd R. Evidence for the independent function of intonation contour type, voice quality, and F0 range in signaling speaker affect // J. Acoust. Soc. Am. 78(2), August 1985.
- O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. London, 1973.
- Pierrehumbert J. The perception of fundamental frequency declination // J. Acoust. Soc. Am. 66 (2), August 1979.
- Toivanen J. H. Perspectives on intonation: English, Finish and English spoken by finns. Oulu, 1999.

Список дикторов

- ААК – Алабашева Александра Каримовна, 1953 г.р.
- БВН – Баксарина Валентина Николаевна, 1965 г.р.
- КТА – Караваева Татьяна Алексеевна, 1962 г.р.
- МАС – Манина Анна Спиридоновна, 1936 г.р.
- ТМН – Тарасова Марина Николаевна, 1970 г.р.
- ТАВ – Тодышева Александра Васильевна, 1938 г.р.
- ТЕН – Тушманакова Евдокия Николаевна, 1946 г.р.
- ТГТ – Тыдыкова Галина Трофимовна, 1954 г.р.
- УЛП – Ускоева Людмила Петровна, 1974 г.р.
- ЧНН – Чебелькова Наталья Николаевна, 1968 г.р.
- ЧВИ – Челухоев Владимир Ильич, 1947 г.р.
- ЧУА – Челухоева Ульяна Андреевна, 1922 г.р.

References

- Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of the modern Russian language]. St. Petersburg, 1998. (In Russ.).
- Kim F. A. Intonatsiya v yazyke bachatskikh teleutov (na materiale prostykh odnosostavnykh pobuditel'nykh predlozheniy) [Intonation of the language of the Bachat Teleuts (on the material of simple imperative statements)]. In: *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of the languages of Siberia]. Novosibirsk, 1984, pp. 157–163. (In Russ.).
- Ladd R. Evidence for the independent function of intonation contour type, voice quality, and F0 range in signaling speaker affect. *J. Acoust. Soc. Am.* 1985, no.78 (2), August.
- O'Connor J. D., Arnold G. F. *Intonation of Colloquial English*. London, 1973.
- Pierrehumbert J. The perception of fundamental frequency declination. *J. Acoust. Soc. Am.* 1979, no. 66 (2), August.
- Seliverstova O.N. Ob ob"ekte lingvisticheskoy semantiki i adekvatnosti ee opisaniya [About the object of linguistic semantics and the adequacy of its description]. In: Yartseva V. N. (Ed. in Ch.) *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow, Nauka, 1977. (In Russ.).
- Toivanen J. H. *Perspectives on intonation: English, Finish, and English spoken by Finns*. Oulu, 1999.
- Urtegeshev N.S. Teleutskiy yazyk [The Teleut language]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Izd. "Istoricheskoe Nasledie Sibiri," 2009, vol. III, p. 248. (In Russ.).

Speaker's list

AAK – Alabasheva Aleksandra Karimovna, born in 1953.
BVN – Baksarina Valentina Nikolaevna, born in 1965.
KTA – Karavaeva Tat'jana Alekseevna, born in 1962.
MAS – Manina Anna Spiridonovna, born in 1936.
TMN – Tarasova Marina Nikolaevna, born in 1970.
TAV – Todysheva Aleksandra Vasil'evna, born in 1938.
TEN – Tushmanakova Evdokija Nikolaevna, born in 1946.
TGT – Tydykova Galina Trofimovna, born in 1954.
ULP – Uskoeva Ljudmila Petrovna, born in 1974.
ChNN – Chebel'kova Natal'ja Nikolaevna, born in 1968.
ChVI – Cheluhoev Vladimir Il'ich, born in 1947.
ChUA – Cheluhoeva Ul'jana Andreevna, born in 1922.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
1.12.2022*

Сведения об авторе

Шестера Елена Александровна – преподаватель Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: elena-schestera@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8440-136X

Information about the Author

Elena A. Shestera – Lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: elena-schestera@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8440-136X

УДК 811.512.156
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-100-113

Южно-кёнсанский консонантизм в контексте диалектов корейского языка и языков алтайской макросемьи

А. С. Шамрин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

В настоящей статье мы сопоставили данные наших исследований консонантной системы южно-кёнсанского диалекта корейского языка с имеющейся в научной литературе информацией по другим диалектам корейского языка, а также с языками гипотетической алтайской макросемьи (тюркские языки Сибири), к которой некоторые исследователи причисляют и корейский. По нескольким параметрам отмечается сходство согласных южно-кёнсанского диалекта с консонантизмом северных диалектов корейского языка, а также наблюдается сходство южно-кёнсанского консонантизма с системами согласных некоторых тюркских языков Сибири ввиду наличия оппозиции шумных согласных по квантитативному признаку и в связи с размытостью границ между сонорностью и шумностью.

Ключевые слова

фонетика, акустическая фонетика, корейский язык, южно-кёнсанский диалект, тюркские языки Сибири, алтайская языковая макросемья, консонантизм

Для цитирования

Шамрин А. С. Южно-кёнсанский консонантизм в контексте диалектов корейского языка и языков алтайской макросемьи // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 100–113. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-100-113

South Kyungsang consonant system in the context of the Korean language dialects and the Altaic language family

A. S. Shamrin

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper compares the data of our acoustic study on the South Kyungsang Korean consonant system with information about consonants of other Korean language dialects (North Korean, Seoul Korean, and Jeju Korean) and languages of hypothetic Altaic language family (Turkic languages of Siberia: Altaic, Teleut, Telengit, Kumandin, Tubin, Chelkan, Shor, Baraba-Tatar, Yakut, Dolgan) found in the scientific literature. The purpose of this study was to reveal the specifics of the South Kyungsang Korean consonant system within the system of Korean dialects and in comparison with the languages of the Altaic language family using comparative and typological analysis. The material of our study includes 1050 Korean words recorded on a voice recorder from 10 speakers of South Kyungsang Korean. Following the methodology used at the Laboratory of experimental phonetic studies of the In-

© А. С. Шамрин, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

stitute of Philology, SB RAS, each word was pronounced by each of the informants four times. We analyzed only the second and the third repetitions in the computer program Speech Analyzer, taking into account the data of oscillograms, spectrograms, f0, and intensity. We have noticed the similarity of the South Kyungsang consonant system with the consonant system of North Korean dialects, suggesting that the South Kyungsang and North Korean dialects have preserved some elements of the ancient Korean language. In addition, we have found the similarity with some consonant systems of Turkic languages due to the opposition of noisy consonants on a quantitative basis and to the blurred boundaries between sonority and noisiness.

Keywords

Phonetics, acoustic phonetics, Korean language, South Kyungsang dialect, Turkic languages of Siberia, Altaic languages, consonants

For citation

Shamrin A. S. Yuzhno-kyonsanskii konsonantizm v kontekste dialektov koreiskogo yazika i yazikov altaiskoi makrosemyi [South Kyungsang consonant system in the context of the Korean language dialects and the Altaic language family]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 100–113. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-100-113

Введение

Проблема описания и изучения лингвистических особенностей диалектов на синхронном срезе является актуальной в связи с процессом развития и унификации диалектов. К тому же вопрос о родстве корейского языка с другими представителями алтайской языковой семьи на данный момент остается открытым. Фонетические исследования дают богатейший материал для выявления существования общего праязыка, установления промежуточных стадий развития языков и степени их родства. Стандартизация литературной нормы и некоторая ее искусственность нивелируют то фонетическое богатство, которое сохраняется и передается из поколения в поколение в бесписьменных диалектах и говорах, живущих и развивающихся по своим внутренним законам. На этом основании был выбран южно-кёнсанский диалект корейского языка, а для сопоставления – тюркские языки Южной Сибири, письменная форма речи которых имеет недавние традиции.

Цель данного исследования – выявить специфику консонантизма южно-кёнсанского диалекта в системе диалектов корейского языка и в сравнении с языками алтайской макросемьи, используя сопоставительно-типологический анализ.

Материалом исследования послужили корейские слова, выписанные из «Корейско-русского словаря» под редакцией Иль Дона [한러사전, 2005] и записанные на диктофон в произношении десяти дикторов – носителей исследуемого диалекта в возрасте от 20 до 50 лет, хорошо владеющих родным языком. Все информанты являются уроженцами г. Пусана.

Для каждой словоформы был создан отдельный файл с помощью компьютерной программы Gold Wave в формате wav, после чего файлы сегментировались вручную в программе Speech Analyzer с учётом данных осциллограмм, спектрограмм, кривых основного тона и интенсивности.

Программа дигитальной обработки акустических параметров реализаций корейских согласных фонем включает 1 050 слов – по 50 единиц на каждую предполагаемую гомогенную фонему. Все лексические единицы произносились четырежды каждым из десяти дикторов. Таким образом было создано 42 000 звуковых файлов, каждый из которых содержит одно слово. По методике, применяемой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН, для анализа отбираются только 2-й и 3-й повторы произнесенной лексической единицы. В итоге проанализирована и статистически обработана 21 000 лексем. При сегментировании словоформ использовалась также методика, применяемая в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН. Материалы по другим диалектам корейского языка, а также по другим языкам взяты из научной литературы.

Инвентарь согласных фонем южно-кёнсанского диалекта включает 19 единиц: 11 шумных – /p/, /p:/, /t/, /t:/, /s/, /s:/, /tʃ/, /tʃ:/, /k/, /k:/, /h/; 7 малошумных – /w/, /m/, /n/, /l/, /l:/, /j/, /ŋ/, а также одну нейтральную фонему /ʔ/.

Подсистема шумных смычных и смычно-щелевых согласных структурируется градуальной оппозицией по длительности, шумных щелевых переднеязычных – привативной оппозицией по наличию /

отсутствию аспирации. Звонкость / глухость, степень напряжённости, интенсивность, фарингализованность / нефарингализованность, эпиглоттализированность / неэпиглоттализированность, вестибуляризованность / невестибуляризованность – конститутивные, но не дифференциальные признаки позиционно-комбинаторных оттенков фонем. Малошумные фонемы классифицируются эквиполентной оппозицией по способу и месту образования. Звонкость / глухость шумных согласных коррелирует с их длительностью. Система оппозиции южно-кёнсанских согласных по шумности / малошумности сформировалась не окончательно: фонемы /m/, /n/, /l/ реализуются как в шумных ([b], [d], [ʔt]), так и в малошумных ([m], [n], [l']) оттенках. Это связано с перестройкой консонантной системы южно-кёнсанского диалекта.

В рамках настоящего исследования проведено сопоставление южно-кёнсанского консонантизма с литературным корейским языком, северокорейскими диалектами и диалектом острова Чеджу, а также с тюркскими языками Южной Сибири (алтайским, телеутским, теленгитским, кумандинским, тубинским, чалканским, хакасским и шорским) и северосибирским долганским – эти языки описаны по одной методике, принятой в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН.

1. Билабиальные шумные смычные согласные типа «р»

В результате исследования комплексом методов нами выявлены две билабиальные шумные смычные фонемы типа «р», противопоставленные по длительности: /p^h/ и /p:/. В литературном корейском языке принято выделять три фонемы типа «р»: сильную /p^h/, слабую /p/ и придыхательную /p^h/. В корееведческой литературе отличия билабиальных шумных смычных литературного корейского языка от билабиальных шумных смычных других диалектов не отмечается.

В интервокальной позиции краткая фонема /p^h/ южно-кёнсанского диалекта часто реализуется в щелевых звонких оттенках, в отличие от билабиальных шумных смычных литературного корейского языка и других диалектов, в которых фиксируются только смычные оттенки [Холодович 1954: 6–8; 표준어 규정 2017]. В литературном корейском и в диалектах данный звукотип реализуется в финальной позиции в импловивных оттенках, в южно-кёнсанском диалекте это ноль звука или глоттальный согласный.

Что касается тюркских языков Сибири, то градуальная оппозиция по краткости / долготе (/p/ – /p:/), как и в южно-кёнсанском диалекте корейского языка, зафиксирована в алтайском [Чумакаева, 1978, с. 64–77], телеутском [Меркурьев, 1977, с. 34–37], теленгитском [Машталир, 1985, с. 69–79], кумандинском [Селютина, 1983, с. 64], тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196] языках, ниже-тёйском говоре сагайского диалекта хакасского языка [Субракова, 2006, с. 156–157], а также в долганском языке [Бельтюкова, 2004, с. 32–34]. В интервокальной позиции краткая фонема /p/ реализуется в (полу)звонких оттенках. Кроме того, оттенки данной фонемы в алтайском, кумандинском, тубинском и долганском языках, а также ниже-тёйском говоре зафиксированы в щелевых звонких оттенках [Чумакаева, 1978, с. 64–77; Селютина, 1983, с. 64; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Субракова, 2006, с. 156–157; Бельтюкова, 2004, с. 32–34], что позволяет провести параллели с южно-кёнсанской краткой /p/.

Мы отмечаем также некоторое сходство с чалканским языком, в котором долгая шумная губно-губная фонема /p/ глухая, а краткая /β/ – звонкая, несмотря на то, что основным КДП чалканской системы согласных является звонкость [Кирсанова, 2003, с. 69–70]. Кроме того, мы заметили сходство южно-кёнсанской консонантной системы с системой согласных языка барабинских татар. Несмотря на то, что основным КДП, структурирующим барабинско-татарскую консонантную систему, является фарингализованность, фарингализованная губно-губная фонема /p:/ облигаторно глухая и долгая, а нефарингализованная /p/ может проявляться в звонких оттенках [Рыжикова, 2005, с. 124–126].

В шорском языке консонантная система сложнее, чем в языках, упомянутых выше, так как в ней наблюдается трёхчленная оппозиция согласных (эъективные, инъективные и нейтральные). Однако и здесь тоже можно заметить сходство с южно-кёнсанским диалектом: краткие фонемы шорского

языка (статичная полудолгая /p/ и инъективно-эйективная краткая /pʰ/), так же как и южно-кёнсанская краткая /p/, имеют звонкие смычные и щелевые варианты, в отличие от шорской долгой эйективно-инъективной фонемы /p̥:/, имеющей только глухие смычные варианты, как и долгая фонема /p:/ южно-кёнсанского диалекта корейского языка [Уртегешев, 2002, с. 79].

2. Переднеязычные шумные смычные согласные типа «t»

Второй артикуляционный ряд представлен в южно-кёнсанском диалекте двумя шумными переднеязычными смычными фонемами, противопоставленными по длительности – /t/ и /tː/. В литературном корейском языке выделено три фонемы: сильная /t/, слабая /t/ и придыхательная /tʰ/. В научной литературе по диалектологии корейского языка не фиксируется фонетических и фонологических отличий от литературного в артикуляционно-акустическом плане. В финальной позиции переднеязычные шумные смычные литературного корейского языка и других диалектов произносятся имплозивно [Холодович, 1954, с. 6–8; 표준어 규정, 2017], в отличие от южно-кёнсанских, в которых, по нашим данным, это обычно ноль звука, реже глоттальный согласный.

Фонологическая бинарная оппозиция по длительности в классе переднеязычных смычных согласных характерна и для тюркских языков: алтайского [Чумакаева, 1978, с. 78–96], телеутского [Меркурьев, 1976 в, с. 72–80], теленгитского (долгая фонема имеет также фарингализованную окраску) [Машталир, 1985, с. 69–79], кумандинского [Селютина, 1983, с. 76], тубинского [Сарбашева, 2004, с. 193–196] языков, ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка [Субракова, 2006, с. 156–157], а также долганского языка [Бельтюкова, 2004, с. 41]. В данных языках и в южно-кёнсанском диалекте в интервокальной позиции краткая фонема реализуется в (полу)звонких оттенках.

Несмотря на другой тип оппозиции, некоторое сходство наблюдается у южно-кёнсанской консонантной системы с чалканским языком, в котором долгая шумная переднеязычная фонема /t/ глухая, а краткая /d/ – звонкая [Кирсанова, 2003, с. 69–70]. Кроме того, мы отмечаем некоторое сходство южно-кёнсанской консонантной системы с системой согласных языка барабинских татар. Несмотря на то, что основным КДП, структурирующим барабинско-татарскую консонантную систему, является фарингализованность, фарингализованная переднеязычная фонема /tː/ облигаторно глухая и долгая, а нефарингализованная /t/ может проявляться в звонких оттенках [Рыжикова, 2005, с. 126].

В шорском языке представлена трёхчленная оппозиция звукотипа «t» (эйективные, инъективные и нейтральные), однако здесь также отмечается сходство с южно-кёнсанским диалектом: шорские краткие фонемы (статичная полудолгая фонема /t/ и инъективно-эйективная краткая /tʰ/), так же как и южно-кёнсанская краткая /t/, имеют звонкие смычные варианты, в отличие от шорской долгой эйективно-инъективной /t̥:/, имеющей только глухие смычные репрезентации, как и долгая /tː:/ южно-кёнсанского диалекта корейского языка [Уртегешев, 2002, с. 121–122].

3. Переднеязычные шумные щелевые согласные типа «s»

У шумных щелевых согласных типа «s» южно-кёнсанского диалекта оппозиции по долготе, как у шумных смычных типов «p», «t», «tʰ», «k», не обнаружено. В отличие от шумных смычных, согласные типа «s» имеют оппозицию по наличию придыхания (медиаьнотолчковая) или его отсутствию (финальнотолчковая): /sʰ/ и /s/. Сон Хомин в статье «Korean language in culture and society» утверждает, что в кёнсанском диалекте выпала сильная фонема /s/ и осталась только слабая [Sohn, 2007].

В литературном корейском языке также принято выделять две фонемы типа «s», но противопоставлены они по степени напряженности: сильная /s/ и слабая /s/. Исследователи корейского языка не отмечают звонких аллофонов у данных фонем [Холодович 1954; Мазур 1960], за исключением работ по диалекту острова Чеджу [고재환, 2011, с. 23; Yang et al, 2019, с. 17, 24–25].

А. А. Холодович, описывая северокорейские диалекты, называет из «шокающими» ([ʃ]), в отличие от «сокающего» ([s]) литературного корейского языка [Холодович, 1954, с. 9–10].

Выявленная оппозиция согласных типа «s» для южно-кёнсанского диалекта не имеет аналогов в тюркских языках Сибири, в которых, как правило, есть отдельная свистящая фонема типа «s» и отдельная шипящая фонема типа «ʃ» [Чумакаева, 1978, с. 97–104; Меркурьев, 1977 б, с. 38–42; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983, с. 89; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Субракова, 2006, с. 156–157; Уртегешев, 2002, с. 155–183]. В южно-кёнсанском диалекте мы выявили факультативное чередование свистящих звуков с шипящими, например, 수박 [sʰβʌʔ] ~ [ʃʰβʌʔ] ‘арбуз’, 손자 [sʰɔndʃʌ] ~ [ʃʰɔndʃʌ] ‘внук’, 서류 [sʰɔrʰy̜] ~ [ʃʰɔrʰy̜] ‘документ’. Самостоятельной шипящей фонемы /ʃ/ в южно-кёнсанском варианте корейского языка не обнаружено.

4. Переднеязычные шумные аффрикаты типа «tʃ»

Нами выявлены две переднеязычные шумные смычно-щелевые фонемы типа «tʃ», противопоставленные по длительности: /tʃʰ/ и /tʃː/. В литературном корейском языке принято выделять три фонемы типа «tʃ»: сильную /tʃʰ/, слабую /tʃ/ и придыхательную /tʃʰ/. Для носителей литературного языка в интервокальной и постсонантно-превокальной позициях характерны звонкие оттенки слабой фонемы /tʃ/. В инициальной позиции любые звуки типа «tʃ» являются глухими. В финальной и преконсонантной позициях звуки типа «tʃ» не констатируются [Холодович, 1954, с. 6–8; 표준어 규정, 2017].

А. А. Холодович, описывая северокорейские диалекты, называет их «цокающими», противопоставляя их литературному «цокающему» [Холодович, 1954, с. 9]. Не соответствия, но чередования мы наблюдаем в южно-кёнсанском диалекте, например, 자전거 [tsʰäʰd͡ʒäʰŋ:ʔk͡ʌʰ] ~ [tʃʰäʰd͡ʒäʰŋ:ʔk͡ʌʰ] ‘велосипед’, 짜다 [tsʰäʰd͡ʒäʰ] ~ [tʃʰäʰd͡ʒäʰ] ‘солёный’, 부자 [pʰy̜tsʰäʰd͡ʒäʰ] ~ [pʰy̜tʃʰäʰd͡ʒäʰ] ‘богатый человек’, 법정 [pʰd͡ʒäʰp͡ʒäʰŋ:ʔ] ~ [pʰd͡ʒäʰp͡ʒäʰŋ:ʔ] ‘суд’.

В тюркских языках Сибири противопоставления гоморганных аффрикат по длительности, как в южно-кёнсанском диалекте, не выявлено. В шорском языке констатируется тройное противопоставление, что похоже на систему корейского литературного языка [Уртегешев, 2002, с. 210]. Шорские аффрикаты различаются по движению гортани (инъективные, статичные, эйективные) и по месту образования. В алтайском [Чумакаева, 1978, с. 112–128], телеутском [Меркурьев, 1980, с. 203], теленгитском [Машталир, 1985, с. 69–79] языках зафиксированы две переднеязычно-среднеязычные фонемы /h/ и /hʰː/. В южно-кёнсанском диалекте также возможны факультативные переднеязычно-среднеязычные аллофоны фонем /tʃʰ/ и /tʃː/. В кумандинском и тубинском зафиксирована только долгая среднеязычная аффриката /h͡çː/ [Селютина, 1983, с. 99; Сарбашева, 2004, с. 193–196]. Фонема /tʃ/ барабинско-татарского языка тоже может проявляться в переднеязычно-среднеязычных аллофонах [Рыжикова, 2005, с. 126]. В долганском языке зафиксированы смычные переднеязычно-среднеязычные фонемы /h/ и /hː/, имеющие оппозицию по длительности. Как и в южно-кёнсанском диалекте корейского языка, краткая фонема может иметь звонкие аллофоны [Бельтюкова, 2004, с. 54].

5. Гуттуральные шумные смычные согласные типа «k»

В результате детального анализа различными методами исследования нами выявлены две гуттуральные шумные смычные фонемы типа «k», противопоставленные по длительности: /kʰ/ и /kː/. В литературном корейском языке принято выделять три фонемы типа «k»: сильную /kʰ/, слабую /k/ и придыхательную /kʰ/. В интервокальной и постсонантно-превокальной позициях слабая фонема /k/ проявляет себя в звонких оттенках. В инициальной позиции любые звуки типа /k/ являются глухими. В финальной позиции может встречаться только имплозивный оттенок фонемы /k/ [Холодович, 1954, с. 6–8; 표준어 규정, 2017].

По данным Сон Хомина, в кёнсанском диалекте произошёл переход заднеязычного смычного шумного [k] в переднеязычную аффрикату, в отличие от литературного языка, например, 기름 [kʰirum] – [tʃʰirum] ‘масло’, 꿀 [kʰul] – [tʃʰul] ‘мандарин’ [Sohn, 2007]. Информанты, с которыми мы работали, утверждают, что переднеязычную аффрикату в этих словах произносят только предста-

вители старшего поколения (люди старше 70 лет). Современные носители южно-кёнсанского диалекта произносят эти слова с гуттуральным шумным смычным типа «к», что, вероятно, является следствием влияния литературного языка.

В научной литературе по корейскому языку отмечается полное соответствие гуттуральных шумных смычных согласных в диалектах гоморганным консонантам литературного корейского языка.

Как и в южно-кёнсанском диалекте, оппозиция шумных гуттуральных согласных по длительности (краткие / долгие) наблюдается в алтайском [Чумакаева, 1978, с. 128–139], телеутском [Меркурьев, 1976 а, с. 48–53], теленгитском [Машталир, 1985, с. 69–79], кумандинском [Селютина, 1983, с. 110], тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196], долганском [Бельтюкова, 2004, с. 60–66] языках. В интервокальной позиции краткая фонема /к/ может проявлять себя в (полу)звонких оттенках. Кроме того, краткая фонема /к/ алтайского, телеутского, теленгитского, кумандинского, тубинского и долганского языков может реализовываться в щелевых глухих и звонких оттенках. Краткая фонема /к/, как и долгая /к:/, имеют, кроме заднеязычных оттенков, язычковые смычные и щелевые аллофоны [Чумакаева, 1978, с. 128–139; Меркурьев, 1976 б, с. 48–53; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983, с. 110; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Бельтюкова, 2004, с. 60–66]. Данное качество гуттуральных шумных звуков типа «к» сближает языки Сибири с южно-кёнсанскими диалектом.

В шорском языке выявлена трёхчленная оппозиция согласных (эйективные, инъективные и нейтральные), которая похожа на тройную оппозицию корейского литературного языка. Сходство с южно-кёнсанским диалектом наблюдается в том, что шорские краткие фонемы (статичная полудолгая фонема /к/ и инъективно-эйективная краткая /к^с/), так же как и южно-кёнсанская краткая фонема /к^с/, имеют звонкие смычные и щелевые варианты, в отличие от шорской долгой эйективно-инъективной фонемы /к̄:/, имеющей только глухие смычные варианты, аналогично долгой фонеме /к^с/ южно-кёнсанского диалекта корейского языка [Уртегешев, 2002, с. 262–263].

6. Гуттуральные шумные щелевые согласные типа «h»

Гуттуральные согласные южно-кёнсанского диалекта представлены также фарингальной шумной щелевой фонемой /h/, которая соответствует гоморганной фонеме в литературном корейском языке. Исследователи определяют ее по-разному: А. А. Холодович характеризует фонему /h/ как фарингальную [Холодович, 1954, с. 6–8], Ю. Н. Мазур – как гортанную [Мазур, 1960, с. 24]. В литературной форме и исследуемом диалекте есть ограничения по позиционному использованию: в финальной и преконсонантной позициях оттенки фонемы /h/ не зафиксированы [Холодович, 1954, с. 6–8; 표준어 규정, 2017]. Есть различные точки зрения относительно звонкого фарингального щелевого звука [h] диалекта острова Чеджу. Ученые расходятся во мнении: считать ли его самостоятельной фонемой или аллофоном фонемы /h/ [Yang и др., 2019, с. 16–18]. В южно-кёнсанском диалекте мы считаем звонкий [h̄] и глухой [h] фонемы оттенками одной фонемы /h/.

В рассматриваемом диалекте нами зафиксированы аллофонные чередования фарингальных оттенков фонемы /h/ с билабиальным [ф] и губно-зубными [f] перед гласными типа «u» или «ш», соответственно, перед гласными типа «i» чередуются с умереннопалатализованным шипящим [ʃ^с]. В других диалектах такие чередования не зафиксированы.

Среди тюркских языков Сибири фарингальная фонема /h/ встречается в долганском [Бельтюкова, 2004, с. 74] и якутском [Дьячковский, 1977, с. 22–30] языках. При этом фонема /h/ долганского языка может реализовываться в звонких оттенках [Бельтюкова, 2004, с. 74], так же как и в южно-кёнсанском диалекте корейского языка.

7. Бибиабальные малошумные смычные согласные типа «m»

В результате детального анализа нами была выявлена одна бибиабальная малошумная смычная носовая фонема /m/. В литературном корейском языке также принято выделять одну фонему типа «m». А. А. Холодович и Ю. Н. Мазур характеризуют фонему /m/ как смычный сонант, соответствующий русскому [m] и возможный в любой позиции в слове [Холодович, 1954, с. 6–8; Мазур, 1960, с. 24]. А. А. Холодович также пишет, что фонема /m/ в финальной позиции проявляет себя в имплозивных вариантах [Холодович, 1954, с. 7]. В корееведческой литературе отсутствует информация о реализации /m/ в шумных оттенках в литературном языке.

Мы не обнаружили упоминания о каких-либо отличиях фонемы /m/ литературного корейского языка от бибиабальных малошумных смычных в диалектах. При этом нами установлено, что в южно-кёнсанском диалекте фонема /m/ в инициальной позиции может реализовываться не только в сонорных оттенках [m], но и в шумных звонких [b]. В ряде случаев у фонемы /m/ фиксируются двухфокусные аллофоны [m̥]: первый фокус – бибиабальный, второй – заднеязычный. Упоминаний о подобных чередованиях в литературном языке и других диалектах мы не встречали.

В фонологических системах тюркских языков Сибири, как и в южно-кёнсанском диалекте, присутствует малошумная губно-губная смычная фонема /m/ [Чумакаева, 1978, с. 140–149; Меркурьев, 1976 а, с. 3–6; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983, с. 110; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Субракова, 2006, с. 156–157; Бельтюкова, 2004, с. 80] (в шорском языке фонем типа «m» три [Уртегешев, 2004, с. 208]). При этом в ауслaute в алтайском [Чумакаева 1978, с. 140–149], телеутском [Меркурьев, 1976 а, с. 3–6], теленгитском [Машталир, 1985, с. 69–79], тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196] языках фонема /m/ реализуется в приглушённых аллофонах, что можно сказать и про южно-кёнсанскую /m/.

Так же, как и в южно-кёнсанском диалекте корейского языка, в некоторых тюркских языках Сибири можно увидеть варьирование шумных и малошумных звуков при произнесении некоторых словоформ, в том числе есть примеры чередования малошумного [m] с шумными [p] или [b]. Например, в тубинском языке: *маатыр* [má:tʏr / bá:tʏr] ‘богатырь’, *малта* [málta / pálta] ‘топор’, *мее* [mɛ: / pɛ:] ‘мозг’ [Сарбашева, 2004, с. 100]. Чередования малошумных с шумными бибиабальными отмечаются также в кумандинском и тувинском языках, но в этих языках шумный [p] чередуется с плоскощелевыми или круглощелевыми малошумными [β] или [w] [Селютина, 1983, с. 64; Сегленей, 2010, с. 51].

8. Бибиабальные малошумные щелевые согласные типа «w»

К первому артикуляционному ряду относится также бибиабальная малошумная щелевая фонема /w/. Она реализуется в круглощелевых бибиабальных и в плоскощелевых лабиодентальных аллофонах. Упоминаний о подобных реализациях в литературном языке и в других диалектах в научной литературе по корейскому языку не отмечено.

Многие корееведы не выделяют фонему /w/ в литературном языке [Холодович, 1954; Мазур, 1960]. Мы же придерживаемся мнения корейского исследователя Кан Онми, который заявляет о необходимости выделять фонему /w/ [강옥미 2011]. Чо Тхэхон, Чун Суна и Питер Ладефогед говорят о наличии фонемы /w/ и в диалекте острова Чеджу [Cho и др., 2000, с. 137].

Мы не обнаружили упоминания о каких-либо различиях фонемы /w/ литературного корейского языка с диалектными.

Ряд исследователей корейского языка отмечают, что звукосочетания [we] и [wi] в литературном корейском языке перешли в гласные [ø] и [y] соответственно [Мазур, 2002, с. 537–571; 강옥미 2011]. По нашим данным, в южно-кёнсанском диалекте в результате редукции звука [w] после согласных лабиализованную окраску приобрел не столько постпозитивный гласный, сколько препозитивный согласный звук.

В тюркских языках Сибири наличие фонемы /w/ характерно для барабинско-татарского языка. Как и в южно-кёнсанском диалекте, барабинская фонема /w/ имеет как круглощелевые, так и плоскощелевые аллофоны [Рыжикова, 2005: 167–168]. В тубинском [w] – факультативный оттенок шумной фонемы /p/ [Сарбашева, 2004, с. 97, 217].

9. Переднеязычные малошумные смычные носовые согласные типа «п»

По нашим данным, второй артикуляционный ряд представлен одной переднеязычной малошумной смычной носовой фонемой /n/, которая имеет аналог в литературном корейском языке. А. А. Холодович и Ю. Н. Мазур характеризуют данную фонему как смычный сонант, соответствующий русскому [n] и возможный в любой позиции в слове [Холодович, 1954, с. 6–8; Мазур, 1960, с. 24]. В финальной позиции фонема /n/ проявляет себя в импловивных вариантах [Холодович, 1954, с. 7]. Информация о реализации этой фонемы в шумных оттенках в литературном языке в корееведческой литературе отсутствует. Анализ нашего фонетического материала позволил выявить в южно-кёнсанском диалекте шумные звонкие ртовые аллофоны типа «d» для фонемы /n/ в инициальной позиции.

Кроме того, в ряде случаев в исследуемом диалекте фиксируются палатализованные оттенки [n'] фонемы /n/, которые чередуются со среднеязычным звуком [ɲ]. Упоминаний о подобных чередованиях в литературном языке и других диалектах мы не встречали.

В инвентарях всех рассматриваемых нами тюркских языков Сибири присутствует малошумная переднеязычная смычная носовая фонема /n/ [Чумакаева, 1978, с. 150–163; Меркурьев, 1976 а, с. 6–10; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983: 110; Сарбашева, 2004: 193–196; Субракова, 2006, с. 156–157; Бельтюкова, 2004, с. 83]. В шорском языке фонем типа «п» две [Уртегешев, 2004, с. 208]. При этом в тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196] языке фонема /n/ реализуется в приглушённых аллофонах в ауслауте, что можно сказать и про южно-кёнсанскую фонему /n/. В тувинском языке фонема /n/ имеет среднеязычные аллофоны [ɲ], как и южно-кёнсанская фонема /n/, но тувинский звук [ɲ] функционирует перед среднеязычными согласными [Сегленмей, 2010, с. 88–91], в то время как южно-кёнсанский [ɲ] констатируется в препозиции к гласным звукам переднего ряда.

10. Переднеязычные малошумные щелевые согласные типа «l» и мгновеннопреградные типа «r»

По нашим данным, второй артикуляционный ряд согласных представлен также следующими малошумными ртовыми фонемами: медиально-смычной латеральнощелевой /l/ и мгновеннопреградной /r/. В литературном корейском языке принято считать звуки типа «l» и «r» вариантами одной фонемы, несмотря на то, что в интервокальной позиции они находятся в отношениях контрастирующей дистрибуции, служат для различения семантики слов [Холодович, 1954, с. 6–8; 표준어 규정, 2017]. А. А. Холодович пишет о том, что в инициальной позиции заимствованных слов непалатализованный вариант фонемы /l/ проявляется в литературном корейском языке как переднеязычный смычный звук [n], а палатализованный – как среднеязычный аппроксимант [j]; в исконно корейских словах оттенки этой фонемы не зафиксированы [Холодович, 1954, с. 7]. На собственном фонетическом материале мы обнаружили подобные соответствия и в южно-кёнсанском диалекте, хотя и не для инициальной позиции: в иностранных словах аналутный типа «l» сохраняется. В финальной и преконсонантной позициях фонема /l/ реализуется в твёрдых оттенках [Холодович, 1954, с. 7; Мазур, 1960, с. 24–25]. При этом наши данные совпадают с утверждением Л. Р. Концевича о том, что в финальной и преконсонантной позициях все оттенки фонемы /l/ палатализованные [Концевич 2001].

А. А. Холодович называет северокорейские диалекты «р-диалектами», противопоставляя их литературному «л-диалекту», например, 말 [mar] / [mal'] 'лошадь' [Холодович, 1954, с. 10]. В южно-кёнсанском и в литературном аллофоны фонемы /r/ возможны только в интервокальной позиции, в северокорейских диалектах оттенки /r/ функционируют в разных позициях в слове. Кроме того,

в южно-кёнсанском диалекте аллофоны фонемы /l/ в преконсонантной и финальной позициях находятся в отношениях факультативного варьирования с оттенками фонемы /j/, в литературном корейском языке и других диалектах подобные чередования не зафиксированы.

Инвентари всех рассматриваемых нами тюркских языков Сибири, так же как и инвентарь южно-кёнсанского диалекта корейского языка, содержит малозумные переднеязычные фонемы /l/ и /r/ [Чумакаева, 1978, с. 179–205; Меркурьев, 1976 а, с. 12–18; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983, с. 148; Кирсанова, 2003, с. 121; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Субракова, 2006, с. 156–157; Бельтюкова, 2004, с. 92–98]. В шорском языке зафиксированы три фонемы типа «l» и одна фонема типа «r» [Уртегешев, 2004, с. 208–209]. При этом в тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196] языке фонема /l/ реализуется в приглушённых аллофонах в ауслауте, что можно сказать и про южно-кёнсанскую фонему /l/. Как и в южно-кёнсанском диалекте корейского языка, в тюркских языках в инициальной позиции оттенки фонемы /r/ не фиксируются, а оттенки фонемы /l/ констатируются очень редко [Чумакаева, 1978, с. 179–205; Сарбашева, 2004, с. 109–110]. Других сходных черт фонем /l/ и /r/ южно-кёнсанского диалекта корейского языка с соответствующими фонемами языков народов Сибири мы не обнаружили.

11. Среднеязычные малозумные щелевые согласные типа «j»

Единственная фонема, которой представлен третий артикуляционный ряд, – это малозумная среднеязычная щелевая фонема /j/, не имеющая позиционных ограничений. Нами установлено, что в инициальной позиции в редких случаях происходит замена оттенков фонемы /j/ аллофонами малозумной среднеязычной смычной [ɲ].

Многие исследователи литературного корейского языка фонему /j/ не выделяют [Холодович, 1954; Мазур, 1960], что, на наш взгляд, неверно. Мы разделяем точку зрения Кан Онми, который заявляет о необходимости выделять фонему /j/ в литературном корейском языке [강옥미, 2011]. Чо Тхэхон, Чун Суна и Питер Ладефогед говорят о наличии фонемы /j/ и в диалекте острова Чеджу [Cho и др., 2000, с. 137].

А. А. Холодович, описывая северокорейские диалекты, называет их «нь-диалектами», в отличие от литературного «й-диалекта»: в начале некоторых слов палатализованный /n'/ соответствует /j/, например, 육 [n'uk] – [juk] ‘шесть’ [Холодович, 1954, с. 10]. В этом плане мы констатируем сходство южно-кёнсанского диалекта с северокорейскими, например, 여려분 [ɲʰɔ̃ʰroʰβuʰnʰɔ̃] – [jʰɔ̃ʰroʰβuʰnʰɔ̃] ‘вы’, 약속 [ɲʰɛʰxksʰoʰyʰɔ̃] – [jʰɛʰxksʰoʰyʰɔ̃] ‘договорённость’.

Во всех рассматриваемых нами тюркских языках Сибири, так же как и в инвентаре южно-кёнсанского диалекта корейского языка, содержится малозумная среднеязычная щелевая фонема /j/ [Чумакаева, 1978, с. 206–212; Меркурьев, 1980, с. 203–204; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983, с. 148–149; Кирсанова, 2003, с. 69–70; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Субракова, 2006, с. 156–157; Бельтюкова 2004, с. 101]. В шорском языке две фонемы типа «j» [Уртегешев, 2004, с. 209]. При этом в тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196] и кумандинском [Селютина, 1983, с. 148–149] языках фонема /j/ имеет шумные смычные среднеязычные оттенки типа «ɲ», что для южно-кёнсанского диалекта корейского языка не характерно (хотя это говорит о размытой границе между сонорностью и шумностью, которую мы наблюдали у южно-кёнсанских билабиальных и переднеязычных согласных). В отличие от южно-кёнсанской фонемы /j/, фонемы типа «j» в системах многих тюркских языков народов Сибири в инициальной позиции не употребляются. Например, в алтайском или шорском языках фонема /j/ проявляет себя только в медиальной и финальной позициях [Чумакаева, 1978, с. 206; Уртегешев, 2004, с. 148], в хакасском языке реализуется в инициальной позиции редко [Субракова, 2006, с. 55]. В некоторых других языках фонема /j/ в инициальной позиции имеет шумный среднеязычный оттенок, как, например, в кумандинском [Селютина, 1983, с. 148–149], или малозумный смычный среднеязычный вариант [ɲ], как в тубинском [Сарбашева, 2004, с. 114]. Здесь же отметим, что фонема /ɲ/ долганского языка проявляется, в том числе, в щелевых назализованных оттенках [j̃] [Бельтюкова, 2004, с. 86]. Это делает тубинский и долганский языки сходными с южно-кёнсанским

диалектом корейского языка, в котором фонема /j/ имеет факультативное варьирование звуков [j] и [ɲ] в инициальной превокальной позиции.

12. Заднеязычные малошумные смычные носовые согласные типа «ɲ»

В четвертом артикуляционном ряду в южно-кёнсанском диалекте нами определена малошумная заднеязычная смычная фонема /ɲ/, оттенки которой функционируют в интервокальной, преконсонантной и финальной позициях в слове. В редких случаях отмечается факультативное варьирование аллофонов [ɲ] с [ɲ], в основном в интервокальной позиции.

В литературном корейском языке данный артикуляционный ряд также представлен фонемой /ɲ/. А. А. Холодович и Ю. Н. Мазур характеризуют ее как смычный сонант, встречающийся только в конце слова или в конце слога [Холодович, 1954, с. 6–8; Мазур, 1960, с. 24]; в финальной позиции фонема /ɲ/ проявляет себя в импловивных вариантах [Холодович, 1954, с. 7].

Что касается диалектов корейского языка, то мы не обнаружили упоминания о каких-либо отличиях от фонемы /ɲ/ литературного корейского языка.

Малошумная заднеязычная фонема /ɲ/ есть в фонологических системах тюркских языков Сибири [Чумакаева, 1978, с. 165–178; Меркурьев, 1976 а, с. 10–11; Машталир, 1985, с. 69–79; Селютина, 1983, с. 149; Кирсанова, 2003, с. 121; Сарбашева, 2004, с. 193–196; Дьячковский, 1977, с. 17–19; Бельтюкова, 2004, с. 89]. В шорском языке две фонемы типа «ɲ» [Уртегешев, 2004, с. 210]. При этом в теленгитском [Машталир, 1985, с. 69–79], кумандинском [Селютина, 1983, с. 149], чалканском [Кирсанова, 2003, с. 121], тубинском [Сарбашева, 2004, с. 193–196], шорском [Уртегешев, 2004, с. 210] языках представлены языковые оттенки [ɲ], что не характерно для южно-кёнсанского диалекта корейского языка. В отличие от тюркских языков народов Сибири, фонема /ɲ/ южно-кёнсанского диалекта имеет позиционно-комбинаторный среднеязычный оттенок [ɲ]. Как и в южно-кёнсанском диалекте, фонемы /ɲ/ языков народов Сибири проявляют себя только в медиальной интервокальной или преконсонантной, а также в финальной позициях, но не реализуются в начальной или медиальной постконсонантной позиции в слове [Чумакаева, 1978, с. 165; Сарбашева, 2004, с. 117; Уртегешев, 2004, с. 168].

Заключение

В отличие от литературного корейского языка и других его диалектов, в которых отмечается трёхчленная оппозиция шумных смычных и аффрикат (сильные, слабые и придыхательные), в южно-кёнсанском диалекте мы зафиксировали двучленную оппозицию шумных смычных согласных по длительности.

Южно-кёнсанская консонантная фонологическая система соответствует алтайской, телеутской, теленгитской, кумандинской, тубинской, долганской, ниже-тёйской: краткие согласные озвончаются в интервокальной и постсонантно-превокальной позициях, долгие являются облигаторно глухими.

В отличие от звонких вариантов шумных смычных согласных корейского литературного языка и его диалектов, в интервокальной и постсонантно-превокальной позициях южно-кёнсанские шумные смычные могут реализовываться в щелевых звонких аллофонах. Это делает южно-кёнсанский консонантизм похожим на консонантизм многих тюркских языков Сибири, в которых краткие шумные билабиальные и гуттуральные также имеют щелевые варианты в интервокальной позиции.

Щелевые шумные согласные типа «s» южно-кёнсанского диалекта имеют двучленную оппозицию, как в литературном корейском языке: конститутивно-дифференциальным признаком в южно-кёнсанском варианте корейского является не напряжённость, как в литературном, а наличие / отсутствие аспирации. В сибирских тюркских языках щелевые шумные фонемы противопоставлены друг другу по длительности, как и смычные, или являются долготнонеопределёнными.

В отличие от шумных смычных согласных литературного корейского языка и его диалектов, а также языков народов Сибири, в финальной позиции южно-кёнсанского идиома смычный согласный, как правило, соответствует нулю звука, а в редких случаях заменяется глоттальным согласным.

Шумные щелевые согласные типа «s» и «h» литературного корейского языка и его диалектов (кроме острова Чеджу) имеют только глухие аллофоны. В южно-кёнсанском и чеджуском диалектах данные типовые настройки имеют звонкие оттенки в интервокальной и постсонантно-превокальной позициях. Похожее позиционно-комбинаторное варьирование констатируется в долганском и якутском языках.

Мы зафиксировали ряд сходных черт южно-кёнсанского диалекта и северных диалектов корейского языка:

- реализация фонем типа «s» как в свистящих, так и в шипящих оттенках;
- аллофонное варьирование фонем типа «tʃ» в переднеязычных смычно-круглощелевых оттенках [ts] или среднеязычных смычно-плоскощелевых [hʃʰ] (переднеязычно-среднеязычная аффриката есть во многих тюркских языках народов Сибири);
- факультативное чередование [j] ~ [ɲ] аллофонов фонемы /j/ (характерно также для некоторых тюркских языков Сибири).

Общие фонетические элементы и процессы, протекающие в южно-кёнсанском и северокорейских диалектах, находящихся на большом удалении друг от друга и отличных от центральных диалектов (а также от литературного корейского языка), расположенных между ними, позволяют сделать предположение о сохранении у первых некоторых элементов древнекорейской фонетической системы.

В инициальной позиции малозумные согласные типа «m» и «n» могут проявлять себя как в сонорных, так и в шумных оттенках, что не характерно для литературного корейского языка и других его диалектов. Такая размытая граница между сонорностью и шумностью характерна также и для сибирских тюркских языков: чередование *m / b / p* можно увидеть в тубинском языке, варьирование билабиальных шумных и щелевых малозумных звуков в рамках одной фонемы фиксируется в кумандинском и тувинском языках, среднеязычных – в кумандинском и тубинском.

В южно-кёнсанском диалекте представлены чередования согласных, не зафиксированные в литературном корейском языке и в других диалектах:

- чередование оттенков фонемы /h/ с билабиальными щелевыми фонами [ʰ] перед гласными типа «и», с лабиодентальными щелевыми звуками [f] перед гласными типа «ш», с мягким шипящим звуком [ʃʰ] перед гласными типа «і»;
- факультативное варьирование однофокусного звука [m] с двухфокусным [m̥];
- позиционно-комбинаторное чередование билабиального круглощелевого звука [w] с билабиальным плоскощелевым [β] и лабиодентальным плоскощелевым [v];
- позиционно-комбинаторное чередование переднеязычного палатализованного [nʰ] со среднеязычным [ɲ];
- факультативное варьирование переднеязычного бокового щелевого [lʰ] со среднеязычным [l] в преконсонантной и финальной позициях.

В отличие от большинства сибирских тюркских языков, консонантная система южно-кёнсанского диалекта корейского языка имеет фонемы /w/ и /h/. Фонема /w/ зафиксирована лишь в языке барабинских татар, /h/ – в долганском и якутском. Впрочем, часто в южно-кёнсанском диалекте корейского языка наблюдается редукция оттенков /w/ и /h/. Во многих случаях на их месте, а точнее на постпозитивном или препозитивном гласном или согласном звуке, отмечаются лабиализация или аспирация, соответственно, как остаточный элемент от редуцированного согласного. В литературном же языке, по мнению Ю. Н. Мазура, Кан Онми и некоторых других корееведов, звук [w] после редукции придает лабиализованную окраску постпозитивному гласному звуку.

В отличие от северокорейских диалектов, в южно-кёнсанском, как и в литературном корейском языке, оттенки фонемы /ɣ/ фиксируются только в интервокальной позиции, в северных диалектах – в разных позициях. Во многих сибирских тюркских языках, как и в южно-кёнсанском диалекте корейского языка, звуки типа «ɣ» в инициальной позиции не встречаются, тогда как звуки типа «ɣ» встречаются, хотя и редко.

Подобно многим тюркским языкам Сибири, южно-кёнсанские фонемы /kʰ/ и /kːʰ/ имеют язычковые аллофоны.

В отличие от фонемы /j/ южно-кёнсанского диалекта, а также литературного корейского языка и других его диалектов, во многих языках народов Сибири оттенки /j/ в инициальной позиции не фиксируются или фиксируются крайне редко.

В южно-кёнсанском диалекте, в литературном корейском и других корейских диалектах, а также в языках тюркских народов Сибири аллофоны фонемы /ŋ/ в инициальной позиции не констатируются. Фонема /ŋ/ южно-кёнсанского диалекта имеет позиционно-комбинаторный среднеязычный оттенок [ɲ], в отличие от тюркских языков народов Сибири (кроме шорского), многие из которых имеют язычковые аллофоны.

Список литературы

- Бельтюкова Н. П.* Консонантизм долганского языка (экспериментальное исследование). Томск, 2004. 160 с.
- Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. 2. Якутск, 1977. 256 с.
- Кирсанова Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск, 2003. 149 с.
- Концевич Л. Р.* Мир «Хунмин чонъыма». М.: Первое марта, 2013. 586 с.
- Мазур Ю. Н.* Корейский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 298 с.
- Маишталир С. И.* Инвентарь согласных фонем языка теленгитов // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 69–79.
- Меркурьев К. В.* Малошумные согласные языка бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976 а. С. 3–48.
- Меркурьев К. В.* О фонемах [k] и [k:] в языке бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976 б. С. 48–72.
- Меркурьев К. В.* Переднеязычные фонемы [t] и [t:] в языке бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976 в. С. 72–81.
- Меркурьев К. В.* О губных фонемах [p] и [p:] в языке бачатских телеутов // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977 а. С. 34–37.
- Меркурьев К. В.* Шумные переднеязычные консонанты [s] и [ʃ] в языке бачатских телеутов // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977 б. С. 38–44.
- Меркурьев К. В.* Шумные среднеязычные фонемы [hç] и [h~j] в языке бачатских телеутов // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. С. 201–206.
- Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005. 269 с.
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004. 241 с.
- Сегленмей С. Ф.* Консонантизм тувинского языка: экспериментально-фонетическое исследование. Кызыл, 2010. 142 с.
- Селютин И. Я.* Кумандинский консонантизм: экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983. 182 с.
- Субракова В. В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск, 2006. 244 с.
- Уртегешев Н. С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004. 240 с.
- Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. 320 с.
- Холодович А. А.* Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. 320 с.
- Чумакаева М. Ч.* Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978. 168 с.
- Cho T., Jun S., Ladefoged P.* An acoustic and aerodynamic study of consonants in Cheju // Journal of the Korean Association of Speech science, 2000. Pp. 109–141.

- Sohn H. Korean language in culture and society // Journal of sociolinguistics 11 (1), 2007. Pp. 102-106.
- Yang C., Yang S., O'Grady W. Jeju: The Language of Korea's Jeju Island Honolulu, Hawaii: University of Hawai'i Press, 2019. 122 p.
- 강옥미. 한국어 음운론 [Кан Онми. Фонология корейского языка]. 서울: 대학사, 2011. 580 с.
- 고재환. 제주어개론상 [Ко Джэхван. Вводный курс диалекта Чеджу]. 서울: 보고사, 2011. 480 с.
- 표준어 규정. 문화체육관광부 고시 제 2017-13 호 (2017.3.28.) [Правила литературного языка. Публикация Министерства культуры, спорта и туризма номер 2017-13 (28.03.2017)] // https://kornorms.korean.go.kr/regltn/regltnView.do?regltn_code=0002#a (дата обращения: 28.01.2022)
- 한러사전 [Корейско-русский словарь]. 서울: 러시아 문학, 2005. 806 с.

References

- Bel'tyukova N. P. *Konsonantizm dolganskogo yazyka (eksperimental'noe issledovanie)* [Consonantism of the Dolgan language (an experimental study)]. Tomsk, 2004, 160 p. (In Russ.).
- Chumakaeva M. Ch. *Soglasnye altayskogo yazyka (na osnove eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy)* [Consonants in the Altai language (on the basis of experimental-phonetic research)]. Gorno-Altai, 1978, 168 p. (In Russ.).
- Cho T., Jun S., Ladefoged P. An acoustic and aerodynamic study of consonants in Cheju. *Journal of the Korean Association of Speech science*. 2000, pp. 109–141.
- D'yachkovskiy N. D. *Zvukovoy stroy yakutskogo yazyka. Ch. 2* [Sound system of the Yakut language. Pt. 2]. Yakutsk, 1977, 256 p. (In Russ.).
- Gang Ongmi. *Hangugeo ymullon* [Phonology of the Korean Language]. Seoul, Daehaksa, 2011, 580 p. (In Kor.).
- Go Jaehwan. *Jejueogaeronsang* [Introduction to Jeju dialect]. Seoul, Bogosa, 2011, 480 p. (In Kor.)
- Halleosajeon [Korean-russian dictionary]. Seoul: Reoshia munhak, 2005. 806 p. (In Kor.).
- Kholodovich A. A. *Ocherk grammatiki koreyskogo yazyka* [A sketch of Korean grammar]. Moscow, 1954, 320 p. (In Russ.).
- Kirsanova N. A. *Konsonantizm v yazyke chalkantsev (po eksperimental'nym dannym)* [Consonantism in the language of Chalkans (on experimental data)]. Novosibirsk, 2003, 149 p. (In Russ.).
- Kontsevich L. R. *Mir "Khunmin chon'yima"* [The world of "Hunmin chon'yim"]. Moscow, Pervoye marta, 2013, 586 p. (In Russ.).
- Mazur Yu. N. *Koreyskiy yazyk* [Korean language]. Moscow, Izd. vost. lit., 1960, 298 p. (In Russ.)
- Mashtalir S. I. Inventar' soglasnykh fonem yazyka telengitov [Inventory of consonantal phonemes of the Telengit language]. In: *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of the Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 69–79 (In Russ.).
- Merkur'ev K. V. Maloshumnye soglasnye yazyka bachatskikh teleutov [Low-noise consonants of the language of the Bachat Teleuts]. In: *Yazyk bachatskikh teleutov* [The language of the Bachat Teleuts]. Kemerovo, 1976 a, pp. 3–48 (In Russ.).
- Merkur'ev K. V. O fonemakh [k] i [k:] v yazyke bachatskikh teleutov [About phonemes [k] and [k:] in a language of the Bachat Teleuts]. In: *Yazyk bachatskikh teleutov* [The language of the Bachat Teleuts]. Kemerovo, 1976 b, pp. 48–72 (In Russ.).
- Merkur'ev K. V. Peredneyazychnye fonemy [t] i [t:] v yazyke bachatskikh teleutov [Coronal phonemes [t] and [t:] in language of Bachatian Teleuts]. In: *Yazyk bachatskikh teleutov* [The language of the Bachat Teleuts]. Kemerovo, 1976 c, pp. 72–81 (In Russ.).
- Merkur'ev K. V. O gubnykh fonemakh [p] i [p:] v yazyke bachatskikh teleutov [About the labial phonemes [p] and [p:] in the language of the Bachat Teleuts]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo, 1977 a, pp. 34–37 (In Russ.).
- Merkur'ev K. V. Shumnye peredneyazychnye konsonanty [s] i [ʃ] v yazyke bachatskikh teleutov [Noisy coronal consonants [s] and [ʃ] in a language of the Bachatian Teleuts]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo, 1977 b, pp. 38–44 (In Russ.).

Merkur'ev K. V. Shumnye sredneyazychnye fonemy [h̥ç] i [h~j] v yazyke bachatskikh teleutov [Noisy middle-lingual phonemes [h̥ç] and [h~j] [h~j] in a language of the Bachat Teleuts]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of Siberian peoples]. Kemerovo, 1980, pp. 201–206 (In Russ.).

Phyojuneo gyujeong. Munhwacheyukkwangwangbu goshi je 2017-13 ho (2017.3.28.) [Rules of Literary Language. Publication of the Ministry of Culture, Sports and Tourism number 2017-13 (28.03.2017)]. https://kornorms.korean.go.kr/regltn/regltnView.do?regltn_code=0002#a (accessed: 28.01.2022) (In Kor.)

Ryzhikova T. R. *Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskii aspekt* [Language consonantism of the Baraba Tatars: a comparative-typological aspect]. Novosibirsk, 2005, 269 p. (In Russ.).

Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [Phonological system of the Tuba-dialect of the Altai language (in the comparative aspect)]. Novosibirsk, 2004, 241 p. (In Russ.).

Seglenmey S. F. *Konsonantizm tuvinskogo yazyka. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Consonantism of the Tuvan language. Experimental-phonetic study]. Kyzyl, 2010, 142 p. (In Russ.).

Selyutina I. Ya. *Kumandinskii konsonantizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Kumanda consonantism. Experimental-phonetic study]. Novosibirsk, 1983, 182 p. (In Russ.).

Sohn H. Korean language in culture and society. *Journal of sociolinguistics*. 2007, no. 11 (1), pp. 102–106.

Subrakova V. V. *Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [The system of consonants in the Sagai dialect of the Khakass language: a comparative aspect.]. Novosibirsk, 2006, 244 p. (In Russ.).

Urteshev N. S. *Maloshumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasskogo dialekta)* [Small-voiced consonantism of the Shorian language (on the material of the Mraski dialect)]. Novosibirsk, 2004, 240 p. (In Russ.).

Urteshev N. S. *Shumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasskogo dialekta)* [Noisy consonantism of the Shorian language (on the material of the Mraskiy dialect.]. Novosibirsk, 2002, 320 p. (In Russ.).

Yang C., Yang S., O'Grady W. *Jejueo: The Language of Korea's Jeju Island*. Honolulu, Hawaii, University of Hawaii Press, 2019, 122 p.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.10.2022*

Сведения об авторе

Шамрин Антон Сергеевич – старший преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: anton_shamrin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5327-3369

Information about the Author

Anton S. Shamrin – Senior Lecturer of the Department of Oriental studies of the Humanities Institute of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: anton_shamrin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5327-3369

МОРФОЛОГИЯ

УДК: 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-114-122

Значение концепции Р. О. Якобсона для исследования категории засвидетельствованности

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлен анализ теоретико-лингвистического обоснования статуса, семантики и функций глагольной категории засвидетельствованности Р. О. Якобсоном в его известной работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». Аргументировано выделение Р. О. Якобсоном отдельной грамматической категории засвидетельствованности (evidential) в процессе исследования им лингвотипологической классификации глагольных категорий и их системной организации в научной парадигме общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации). Прослежено значение теоретической концепции Р. О. Якобсона для современных эмпирических исследований глагольной категории засвидетельствованности на примере выделения эвиденциальных грамматических форм глагола, обозначающих источник сведений «собственный прошлый опыт» в документированных фольклорных текстах бесписьменного селькупского языка.

Ключевые слова

глагольная категория засвидетельствованности, концепция Р. О. Якобсона, эвиденциальные грамматические формы глагола в селькупском языке

Для цитирования

Ильина Л. А. Значение концепции Р. О. Якобсона для исследования категории засвидетельствованности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 114–122. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-114-122

The significance of R. Jakobson's concept for the study of the category of evidentiality

L. A. Ilyina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the theoretical and linguistic substantiation of the status, semantics, and functions of the verbal category of evidentiality suggested by R. Jakobson in his famous work “Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb.” When studying the linguistic-typological classification of verbal categories and their organization in the scientific paradigm of the general linguistic theory of speech activity, the scholar distinguished a separate grammatical

© Л. А. Ильина, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

category of evidentiality. Its special function in a speech communicative act was identified as “indicating the source of information about the reported fact”, with illustrations of the morphological expression of different variants of the speaker’s evidence of the reported event provided. Jakobson examined the data of the two South Slavic languages, Bulgarian and Macedonian, and also the published descriptions of the indigenous languages of North America. However, of concern is his identification of the “indicated source of information about the reported fact” with the “transmitted fact of the message”, suggesting the morphologically expressed indication of some source of information to indicate the preceding speech communicative act, a previously received message. Jakobson refers to the source of information as “a message from some other person.” However, no explanation is provided regarding the basis and logic of attributing all “sources of information about a reported fact” to a “citation” source. This paper argues the Jakobson’s concept to serve as a theoretical basis for modern studies of the grammatical category of evidentiality. The significance of the verbal category of evidentiality is traced by describing the evidential verbal forms in the Selkup language.

Keywords

verbal category of evidentiality, the concept of R. O. Jakobson, evidential grammatical forms of the verb in the Selkup language

For citation

Ilyina L. A. Znachenie kontseptsii R. O. Yakobsona dlya issledovaniya kategorii zasvidetel'stvovannosti [The significance of R. Jakobson's concept for the study of the category of evidentiality]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 114–122. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-114-122

Первое теоретико-лингвистическое объяснение статуса, семантики и функций глагольной категории засвидетельствованности было дано Р. О. Якобсоном в известной статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», посвященной классификации и систематизации глагольных категорий, которая впервые была опубликована на английском языке в 1957 г., а в русском переводе вышла в 1972 г. [Jakobson, 1957; Якобсон, 1972].

Р. О. Якобсон на теоретико-лингвистическом уровне, в научной парадигме и метаязыковом контексте общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации) выработал первую в истории лингвистики типологическую классификацию глагольных категорий и обосновал самостоятельный статус в ней категории засвидетельствованности (evidential) как отдельной грамматической категории глагола, существенно отличающейся от всех других глагольных категорий своей коммуникативной функцией и грамматической семантикой.

Результатом классификации стал построенный теоретический объект современной лингвистики – типологическая модель абстрактной системы глагольных категорий, учитывающая материал многих языков, но не реализуемая в полной развитой форме в каком-либо отдельном языке. Эта типологическая модель представляется важной для сегодняшней лингвистики во многих отношениях. Прежде всего, она классифицирует глагольные категории по теоретически заданным существенным основаниям, что создает теоретико-лингвистическую базу для унифицированного эмпирического описания глагольных категорий конкретных языков. Вместе с тем она представляет собой один из образцов теоретизации отраслевого лингвистического знания на базе общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации), что делает способ построения данной модели методологически значимым для многих отраслей языкознания. Способ построения этого теоретического объекта, например, дает развивающейся современной типологии семантических универсалий не только теоретически обоснованную систему дифференцированных и соотнесенных между собой семантических сфер (зон, областей), грамматикализованных в глагольных категориях, но, что еще важнее, теоретически верифицированный метод выделения новых глагольных категорий, их уточнения и переструктурирования.

Метод, использованный Р. О. Якобсоном при классификации глагольных категорий, – это не индуктивное типологическое обобщение фактов конкретных языков, которое всегда является эмпирическим, незавершенным и недостаточно доказательным, а конкретизация и адаптация к решению частной проблемы концептуальной системы общелингвистической теории речевой коммуникации. Результатом ее конкретизации и адаптации стало построение опорного теоретического объекта – абстрактной концептуальной модели целостного акта речевой коммуникации, на основе которой

выделены и дифференцированы глагольные категории. Каждая из них имеет свой специфический, только ей присущий набор классифицирующих признаков, которые являются компонентами, отношениями и функциями речевого коммуникативного акта. Такой метод классификации логически обусловил и теоретически обосновал выделение двух новых самостоятельных глагольных категорий – таксиса и засвидетельствованности. От других глагольных категорий засвидетельствованность отличается прежде всего своей особой функцией в речевом коммуникативном акте, определяющей качественное своеобразие ее общего категориального значения, – «указание источника сведений о сообщаемом факте». Такой коммуникативной функции и, соответственно, такого категориального значения нет ни у одной из других грамматических категорий глагола, в том числе ни у категории времени, ни у категории наклонения [Якобсон, 1972, с. 99–102].

Процитируем полностью дефиницию глагольной категории засвидетельствованности Р. О. Якобсона и пояснения к дефиниции, опуская символы и формулы: «Засвидетельствованность (evidential) – этим термином предлагается называть глагольную категорию, учитывающую три факта (языковых явлений – *Л. И.*) [сообщаемый факт (абстрактное содержание сообщения, в отвлечении от участников ситуации – *Л. И.*), факт сообщения (речевой коммуникативный акт в абстракции от его участников – *Л. И.*) и, кроме того, передаваемый факт сообщения, т. е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте]. Говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица (цитативные, т. е. от кого-то полученные сведения), на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти). В спряжении болгарского глагола различаются две семантически противопоставленные системы форм: “прямое повествование” и “косвенное повествование”. На наш вопрос о том, что произошло с пароходом “Евдокия”, один болгарин сначала ответил *заминала* ‘говорят, что отплыла’, а потом добавил: *замина* ‘я свидетель, что отплыла» [Там же, с. 101].

Автор также упомянул о македонских «формах достоверности», но только в сноске, о «последовательном различении, проводимом в глагольной системе македонского языка, между событиями, за достоверность которых “ручаются”, и “отдаленными” событиями» [Там же].

Поясняющий дефиницию перечень «источников сведений о сообщаемом факте», которые выражаются эвиденциальными грамматическими формами глагола, отчетливо свидетельствует, что автор опирался не только на данные двух южнославянских языков – болгарского и македонского, как нередко считается, но и на опубликованные результаты исследований ряда языков коренных этносов Северной Америки.

И все же содержание дефиниции Р. О. Якобсона не проясняет до конца ни эти интересные примеры морфологического выражения четырех различных вариантов засвидетельствованности говорящим события (ситуации), о котором он сообщает, ни показательные примеры болгарских однословных эвиденциальных высказываний, переводными эквивалентами которых оказываются русские сложные предложения, ни упоминание македонских глагольных «форм достоверности». Наименее ясным представляется отождествление в дефиниции «указываемого источника сведений о сообщаемом факте» с «передаваемым фактом сообщения». Это означает, что морфологически выраженное указание в эвиденциальном высказывании того или иного источника сведений о сообщаемом факте всегда является грамматическим указанием на предшествующий речевой коммуникативный акт, в котором были сообщены эти сведения. Следовательно, все эвиденциальные грамматические значения, указывающие различные источники сведений о сообщаемом факте, сводимы к базовому инварианту «акт речевой коммуникации», или «речевое сообщение». В исследованиях категории эвиденциальности, опирающихся на концепцию Р. О. Якобсона, такой базовый инвариант категориальной семантики засвидетельствованности даже не рассматривается. В большинстве работ учитывается, что эвиденциальное высказывание включает дополнительное сообщение об источнике сведений говорящего. Но оно трактуется как рефлексия говорящего по поводу референтного содержания высказывания, что сближает засвидетельствованность с оценкой, т. е. с модальностью и, соответственно, с категорией наклонения. Это расходится с дефиницией Р. О. Якобсона, не включающей в число классифицирующих признаков засвидетельствованности участников коммуникативного акта, а следовательно, рефлексии говорящего по поводу референтного содержания эвиденциального высказывания («сообщаемого факта»).

Из статьи и дефиниции Р. О. Якобсона прямо следует, что дополнительная часть эвиденциального высказывания – это «элемент кода» (морфологический показатель), который не выражает оценочной рефлексии говорящего по поводу «сообщаемого факта», а указывает источник сведений говорящего о «сообщаемом факте», приравненный к «передаваемому факту сообщения», т. е. к предшествующему акту речевой коммуникации, ранее полученному сообщению. Неслучайно, что сразу вслед за дефиницией приведен наиболее отчетливо соответствующий ей источник сведений – «сообщение какого-либо другого лица (цитативное, т. е. сведение, полученное от кого-то)». Этот «цитативный» (пересказывательный, ренарративный) источник суть речевой коммуникативный акт по своей природе. Термин «цитатив» восходит к американистике. В статье отмечено несколько индейских языков (квакиутль, хопи, туника), в которых «имеются специальные морфологические средства для обозначения событий, известных говорящему только на основании свидетельств других лиц» [Якобсон, 1972, с. 96]. Аналогичный источник сведений иллюстрируется и болгарским примером: *заминала* 'говорят, что отплыла'. Именно цитативные сообщения, передающие в новом коммуникативном акте предшествующие сообщения, называл «передаваемыми» или «перемещенными» высказываниями Л. Блумфилд [1968, с. 42–43], на которого в начале статьи сослался Р. О. Якобсон, заимствовавший данный термин и определивший «указываемый источник сведений о сообщаемом факте» как «передаваемый факт сообщения». Но каковы основания и логика такого приравнивания всех источников сведений к цитативному источнику, ни в пояснениях к дефиниции, ни вообще в рассматриваемой статье не разъясняется. Трудно судить, не понято ли это непрозрачное место дефиниции современными исследователями категории эвиденциальности или понято, но не принято. Примеры его анализа нам не известны, а такой анализ необходим в силу опорного фундаментального статуса концепции Р. О. Якобсона для современных исследований категории засвидетельствованности.

При осмыслении реализованных в рассматриваемой статье принципов и критериев классификации глагольных категорий, теоретических оснований выделения новых категорий глагола – засвидетельствованности и таксиса, объяснений самостоятельного статуса и существенного своеобразия общей и базовой категориальной семантики глагольной категории засвидетельствованности важно учитывать один факт. Р. О. Якобсон на всем протяжении своей научной деятельности работал в парадигме направления теоретической лингвистики, которое концептуально моделировало язык не на уровне «langue», то есть «статичной синхронии», а на уровне «language» – «речевой деятельности». Понятие «речевая деятельность» первично было введено еще Ф. де Соссюром, вслед за которым многие лингвисты рассматривали речевую деятельность, отдельный речевой коммуникативный акт, который включает говорящего, слушающего и, соответственно, активные творческие процессы порождения (кодирования) речевого сообщения говорящим и интерпретации (декодирования) слушающим, как фундаментальное обобщающее понятие теоретической лингвистики. Такие работы появились еще в первой половине XX в., в том числе в России. А во второй половине XX в. в существенной мере под влиянием трудов Р. О. Якобсона и Э. Косериу сформировалась современная теоретическая лингвистика, базирующаяся на общелингвистической теории речевой деятельности, или в терминосистеме Р. О. Якобсона – «теории речевой коммуникации». Р. О. Якобсон ставил знак равенства между современной теоретической лингвистикой и теорией речевой деятельности (речевой коммуникации), а общий предмет лингвистической науки понимал как «изучение коммуникации, осуществляемой с помощью речевых сообщений» [Якобсон, 1985, с. 319]. В этом предмете выполнены все его исследования, в том числе фонологические.

Следует отметить, что, разрабатывая и развивая свою версию теории речевой деятельности, Р. О. Якобсон опирался на соответствующие идеи и наработки российского теоретического языкознания. Наиболее полно и системно они представлены и развернуты в главной общелингвистической работе Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», впервые опубликованной в 1931 г. и переизданной в 1974 г. в собрании работ Л. В. Щербы по общему языкознанию с показательным названием «Языковая система и речевая деятельность» [Щерба, 1974]. Поэтому версия теории речевой деятельности Л. В. Щербы вполне может быть использована при анализе неясных мест в концепции глагольной категории засвидетельствованности Р. О. Якобсона. В аналогичной функции разъяснения непрозрачных мест в рассматриваемой концепции могут использоваться и другие работы. Концептуальный аппарат теории речевой деятельности эксплицитно

введен на общелингвистическом уровне в трудах Э. Косериу и развернут в его исследованиях фундаментальных проблем языкознания. Это, в частности, проблемы языковых изменений (инновационного процесса в языке), проблемы взаимодействия социально-коммуникативных и внутривидовых факторов в процессах функционирования и эволюции языка (взаимодействие «нормы» и «системы» языка), проблемы моделирования глубинной целносистемной организации языка («тетратомическая» модель языка: речь – норма – система – тип) [Косериу, 1963].

Еще раз подчеркнем, что Р. О. Якобсон анализировал глагольную категорию засвидетельствованности как один из частных аспектов исследования лингвотипологической классификации глагольных категорий и их системной организации. Тем не менее не вполне развернутая концепция Р. О. Якобсона служит и будет служить в перспективе теоретическим фундаментом специальных исследований засвидетельствованности и как морфологической категории глагола, и как универсальной семантической категории.

Исследование засвидетельствованности как морфологической категории глагола актуально в настоящее время, например, для описания эвиденциальных грамматических форм глагола в самодийских языках, в частности, для описания глагольных форм времени.

Классики самодистики, начиная с М. А. Кастрена, прямо указывали на условность используемых ими темпоральных терминов [Castren, 1854, с. 373–376]. Н. М. Терещенко писала: «Говоря о временах глагола, необходимо сделать оговорку, что применительно к ненецкому языку термин “время” применяется нами в значительной степени условно. Соотношение между моментом совершения действия и моментом речи выражается этой категорией весьма нечетко» [Терещенко, 1947, с. 184].

Отметим, например, что Р. О. Якобсон выделил ментальный источник сведений, основанных «на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти)» [Якобсон, 1972, с. 101]. Важно подчеркнуть, что глагольные формы, обозначающие этот источник сведений, будут относить сообщаемый факт к прошлому относительно момента речи. Тем не менее Р. О. Якобсон трактовал данное значение как эвиденциальное, а не темпоральное и, соответственно, включал глагольные формы, выражающие значение «память о собственном прошлом опыте», в категорию эвиденциальности, а не в категорию времени.

Н. А. Козинцева в работе «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)» также рассматривала этот источник информации и тоже отнесла его к числу значений прямой засвидетельствованности [Козинцева, 1994, с. 92].

По нашему мнению, в традиционном бесписьменном селькупском языке, еще не подвергшемся на грамматическом уровне интерферирующему влиянию типологически контрастного русского языка, подобное значение выражала глагольная форма с показателем *-s-*, которая считалась формой прошедшего времени индикатива.

Анализ языкового материала документированных архаичных срезов селькупского языка показывает, что темпоральная семантика прошлого у данной формы не выходила за пределы времени жизни говорящего. Но и в этих весьма узких для граммы прошедшего времени темпоральных рамках персонального витального цикла она имела существенные ограничения. Факты и обстоятельства собственного рождения, забытые ситуации этой формой не выражались. В большинстве проанализированных нами примеров границы использования данной глагольной формы очерчивались семантикой «отчетливо помню». Поэтому семантику, выражаемую селькупской формой с показателем *-s-*, мы определяем как грамму прямой засвидетельствованности прошлых ситуаций с базовым значением «личная память».

Показательно, что в селькупских мифологических текстах, записанных одним из классиков самодистики Г. Н. Прокофьевым в начале XX в., глагольные формы с показателем *-s-* употребляются только в сообщениях персонажей о фактах собственного прошлого опыта. Приведем примеры:

(1) (*LōZb-ira*): «*Uū! iZēčarьqьt qəttьt tīrьp amDəqək qorsan oьp polь=s=ak!* (проглотить =EVID=SUBJ:1SG)».

‘(Дух-хозяин): «Уу! В старину целый город (букв.: города совокупность) когда я съел (букв.: в моем съедении), тесла голову проглотил я» [Прокофьев, 1935, с. 103].

(2) (*JomBa*): «*mat apsytqo qunDьт̄ qumьт tæпDьн̄к şip jьт̄=s(â)=tьт* (послать, пустить=EVID=SUBJ:3PL): *qə́л̄ьр qə́тqо mḗl taçalnấт̄т̄*».

‘(Йомпа¹): «Меня с голоду (букв.: еды ради) умирающие люди к тебе **послали**. Рыбу добыть совсем не могут»’ [Прокофьев, 1935, с. 108].

(3) (*JomBa*): «*mat ukōt teşinDьт tətalBь=s=ak* (уговаривать, упрашивать=EVID=SUBJ:1SG), *мьта nấт̄ şip qə́çijьт̄*».

‘(Йомпа): «Я прежде вас **уговаривал**, впредь, мол, меня оставьте»’ [Прокофьев, 1935, с. 104].

(4) *Ньнь LōZь-ira niçik kə́т̄ьт̄ьт̄*: «*mat ukōt tat taræ ḗрт̄æqæk iļmatqə́ь, utьsæ şittь nьтqьll̄eiko-limBь=s=am* (порвать, разорвать=EVID=OBJ:1SG)».

‘Затем Дух-Хозяин так сказал: «Я прежде тебе наподобие в бытности моей, в молодости моей, руками надвое **разрывал**»’ [Прокофьев, 1935, с. 105].

(5) *Tat taræ eпт̄æqæk orсьт̄ьт̄ qumak e=s=ak* (быть=EVID=SUBJ:1SG).

‘Тебе наподобие в бытие мое сильным человеком **был я**’ [Прокофьев, 1937, с. 121].

(6) *Ūkōt mat kora=s=ak* (ездить, бороздить=EVID=SUBJ:1SG), *ti koraptǽт̄ çə́н̄ка*.

‘Раньше **я ездил**, теперь езда моя отсутствует (т. е. я не езжу)’ [Прокофьев, 1935, с. 66].

(7) *ңаромьн koraptǽнь çontoqьт koçci nuļ loqap kontьr=s=ap* (видеть=EVID=OBJ:1SG)

‘По тундре езды моей в середине многочисленного песка **видел я**’ [Прокофьев, 1937, с. 122].

И в фольклорных текстах, и в отдельных предложениях, приводимых Г. Н. Прокофьевым в его работах, не встречается примеров выражения формой на -s- действий, происходивших за рамками темпорального плана прошлой сознательной жизни говорящего:

(8) *теньсьт̄ьт̄ qumьт̄ьр mat qonDьr=s=ap* (видеть=EVID=OBJ:1SG).

‘Умных людей **я видел** (вообще)’ [Прокофьев, 1935, с. 63].

(9) *âtæсæ ty=s=ak* (прийти, приехать=EVID=SUBJ:1SG).

‘На оленях (букв.: оленем) **приехал (я)**’ [Прокофьев, 1935, с. 32].

(10) *nāqьr ā́т̄æp sārь=s=ap* (запрячь=EVID=OBJ:1SG).

‘Трех оленей **запряг я**.’ [Прокофьев, 1937, с. 120].

(11) *mātqæk ilь=s=ak* (жить=EVID=SUBJ:1SG).

‘В чуме своем **жил (я)**’ [Прокофьев, 1937, с. 119].

(12) *mat irannā́n ty=s=ak* (прийти=EVID=SUBJ:1SG).

‘**Я** от старика **пришел**’ [Прокофьев, 1935, с. 31].

(13) *mat aşsa mi=s=ap* (дать=EVID=OBJ:1SG).

‘**Я** не **давал**’ [Прокофьев, 1935, с. 95].

Эти и другие примеры Г. Н. Прокофьева, на наш взгляд, отражают ясно выраженное в традиционном селькупском языке коммуникативное употребление формы с показателем -s- преимущественно в форме 1-го л. ед. ч. Это обусловлено, скорее всего, существованием в языковой компетенции селькупов основного эвиденциального значения формы -s-, указывающего на прямую засвидетельствованность говорящим фактов прошлого. Н. А. Козинцева, например, также отмечала типичность для

¹ *Йомпа* – герой мифов.

языков, имеющих глагольную категорию эвиденциальности, использование форм прямой засвидетельствованности преимущественно при характеристике действий первого лица, а форм косвенной засвидетельствованности – при характеристике действий третьего лица [Козинцева, 1994, с. 100].

Показательно также, что форма с показателем *-s-* в традиционном селькупском языке не могла употребляться в фольклорных зачинах. В фольклорных зачинах на документированных архаичных срезах бесписьменного селькупского языка использовалась только форма «личной незасвидетельствованности» с показателями *-mp(V)-* или *-p(V)-*, в зависимости от типа основы. Данная форма обозначала давнее прошлое, выходящее за пределы времени жизни говорящего и известное ему от прежних поколений, из исторических преданий и мифов, выполняя одновременно роль цельнотекстового маркирования всего произведения как не засвидетельствованного сказителем:

(14) *JomBa im̄lanD̄sæ il̄b=mb̄a=q̄b* (жить=EVID=SUBJ:3DU)
 'Йомпа с бабушкой своей **жили**' [Прокофьев, 1935, с. 103].

(15) *Ukk̄r qum il̄b=mm̄b=nt̄b* (жить=EVID=SUBJ:3SG), *nim̄b – T̄ssija*.
 'Один человек **жил**, имя его Тыссия.' [Прокофьев, 1937, с. 123]

(16) *Irakotam̄q̄æqi il̄b=mp̄a=q̄i* (жить=EVID=SUBJ:3DU). *Šitt̄ ijat̄ ε=pp̄=a*
 (быть=EVID=SUBJ:3SG).
 '**Жили** старик со старухой. У них **было** два сына' [Прокофьева, 1966, с. 415].

(17) *čumylkut ir kyd bad'em afeš̄pu=mba=dyt* (есть=EVID=OBJ:3PL): *hangyn bad', n'abyn bad'er*.
 'Остяки (букв.: чумулькипы) раньше только мясо **ели**: глухариное мясо, утиное мясо' [Ким, 1997, с. 188].

(18) *Icakusyka imyl'asyq̄āj ily=mm̄y=nt̄=š̄j* (жить=EVID=SUBJ:3DU).
 'Ичакычика **вдвоем** с бабушкой **жили**' [Кузнецова и др., 1993, с. 13; 52].

(19) *Il'tyk ily=mp̄=a* (жить=EVID=SUBJ:3SG), *w̄arqy t̄ātyru. Nuḡaty ε=pp̄=a* (быть=EVID=3SG).
 'Ильтык **жил**, большой шаман. У него бубен **был**' [Кузнецова и др., 1993, с. 34].

Таким образом, на языковом материале ранних документированных срезов селькупского языка, представленных в основном фольклорными текстами, прослеживается противопоставленность граммем «личная память» («собственный прошлый опыт») / сообщение другого лица («цитативные», т. е. от кого-либо полученные сведения) как один из вариантов оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности. Это еще раз подтверждает, что концепция Р. О. Якобсона имеет значительный потенциал развития в современных специальных исследованиях в конкретных языках, служит и будет служить теоретическим основанием для эмпирических описаний засвидетельствованности как морфологической категории глагола.

Список литературы

- Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 559 с.
 Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 219 с.
 Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
 Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностранной литературы, 1969. С. 143–343.
 Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1993. 196 с.
 Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР. 1935. 132 с.

- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 91–124.
- Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. III. М.: Наука, 1966. С. 396–415.
- Тереженко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. Якобсон. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.
- Castren M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854. 608 с.
- Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard University, 1957.

Список условных обозначений и сокращений

EVID – показатель эвиденциальной формы глагола; **SUBJ** – субъектное спряжение; **OBJ** – объектное спряжение; **1SG** – личный аффикс 1-го л. ед. ч.; **3SG** – личный аффикс 3-го л. ед. ч.; **3PL** – личный аффикс 3-го л. мн. ч.; **3DU** – личный аффикс 3-го л. дв. ч.

References

- Blumfeld L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress, 1968, 559 p. (In Russ.).
- Castren M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854, 608 p.
- Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*. Harvard University, 1957.
- Jakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verb categories and the Russian verb]. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 95–113. (In Russ.).
- Jakobson R. O. Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Language in relation to other communication systems]. In: R. Jakobson. *Izbrannye trudy* [R. Jakobson. Selected writings]. Moscow, Progress, 1985, pp. 319–330. (In Russ.).
- Kim A. A. *Ocherki po sel'kupsКОЙ kul'tovoy leksike* [Essays on Selkup cult vocabulary]. Tomsk, TSU Publ., 1997, 219 p. (In Russ.).
- Koseriu E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. In: *Novoe v lingvistike. Vyp. III* [New in linguistics. Iss. III]. Moscow, Izd. inostran. lit., 1969, pp. 143–343. (In Russ.).
- Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1994, no. 3, pp. 92–104. (In Russ.).
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku* [Essays on the Selkup language]. Moscow, MSU Publ., 1993, 196 p. (In Russ.).
- Prokof'eva E. D. Sel'kupskiy yazyk [Selkup language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. III* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. III]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 396–415. (In Russ.).
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya grammatika* [Selkup grammar]. Leningrad, Izd. Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 132 p. (In Russ.).
- Prokof'ev G. N. Sel'lupskiy (ostyako-samoedskiy) yazyk [Selkup (Ostyak-Samoyed) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. I* [Languages and writing of the peoples of the North. Pt. I]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1937, pp. 91–124. (In Russ.).
- Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yuraco-Samoyed) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 271 p. (In Russ.).
- Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka, 1974, 428 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.09.2022*

Сведения об авторе

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3469-9353

Information about the Author

Ludmila A. Ilyina – Candidat of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID 0000-0002-3469-9353

СИНТАКСИС

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-123-133

Уступительные конструкции в хакасском языке

А. Н. Чугунекова

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия*

Аннотация

Рассматриваются полипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей уступки в хакасском языке. Как и в других тюркских языках, основным средством выражения уступительных отношений является синтетико-аналитическая конструкция, зависимое сказуемое которой выражено общетюркской инфинитной формой на =ca (=ca / =ce, =za / =ze) в сочетании с усилительной частицей *таа / тее, даа / дее*. Уступительные отношения выражаются синтетико-аналитическими и аналитическими полипредикативными конструкциями. К специализированным средствам выражения уступительных отношений относятся: монофинитная полипредикативная конструкция с сказуемым ЗПЕ, выраженным общетюркской инфинитной формой на =ca / =ce, =za / =ze в сочетании с усилительной частицей *даа / дее, таа / тее*; монофинитная полипредикативная конструкция с зависимым сказуемым, выраженным именем в сочетании со скрепой *полза* 'если' и стоящей перед ней усилительной частицей *даа*; бифинитная ППК со скрепой *андаг даа полза* 'несмотря на это'; бифинитная конструкция со скрепой *хайди даа полза* 'хоть как?' / *хайда даа полза* 'хоть где?' / *хайдаг даа полза* 'хоть какой'. В хакасском языке представлены следующие семантические типы уступительных конструкций: реально-уступительные, условно-уступительные, уступительно-противительные, обобщенно-уступительные (генерализованные) и альтернативно-уступительные.

Ключевые слова

уступительные отношения, условно-уступительные конструкции, уступительно-противительные конструкции, обобщенно-уступительные конструкции, хакасский язык

Для цитирования

Чугунекова А. Н. Уступительные конструкции в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 123–133. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-123-133

Concessive constructions in the Khakass language

A. N. Chugunekova

*Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology
of the Katanov Khakass State University*

Abstract

The syntax of a complex sentence is of great interest to researchers of various languages. Although the extensive research has been undertaken in this area, there are still many questions to be clarified. Our attention is focused on the syntax of the Khakass language. Previous studies have been devoted to complex sentences without conjunctions, conditional and causal constructions in the Khakass language, in comparison with the Russian language. Neverthe-

© А. Н. Чугунекова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

less, taking into account the fact that only a small section of the scientific grammar of the Khakass language covers the topic under discussion, such studies are highly relevant. This study examines complex sentences in the Khakass language and, in particular, polypredicative concessive constructions that have not yet received proper coverage. There is only a small paragraph in the block of circumstantial subordinate clauses devoted to such constructions in the Khakass language grammar. Our aim was to identify and describe the means of expressing concessionary relations. The study has revealed a unique specialization of all concessive constructions in the Khakass language primarily associated with the amplifying particle *taa / tee*, *daa / dee* preceding or following the conditional form (=sa / =se, =za / =ze) in the simple verb predicate, preceding the conditional form in the nominal and complex verb predicate in the dependent predicative unit. Depending on the form of the predicate of the main predicative unit and on the presence of interrogative pronouns, these constructions express real-concessive and conditionally-concessive, conditionally-contrastive, generically-concessive meanings.

Keywords

concessive relations, conditionally concessive constructions, concessive-contrastive constructions, generically-concessive constructions, Khakass language

For citation

Chugunekova A. N. Concessive constructions in the Khakass language // *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 123–133. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-123-133

Введение

В хакасском языке уступительные конструкции (далее – УК) малоисследованы. В грамматике хакасского языка им посвящен небольшой параграф в блоке обстоятельственных придаточных предложений [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 408]. Кроме того, уступительные конструкции хакасского языка получили описание при анализе структурных и семантических особенностей условного наклонения [Субракова, 1980, с. 32; Кызласова, Султрекова, 2018, с. 51]. В статьях О. Д. Абумовой УК хакасского языка получили описание в сопоставительно-сравнительном плане [Абумова, 2014; Абумова, 2015].

На материале сибирских языков УК были объектом внимания многих исследователей. Уступительные конструкции тувинского языка рассматривались в работах Л. А. Шаминой [1991; 2001, 2018], алтайского – Т. П. Шубиной [1986], А. А. Озоновой [2015], ненецкого – С. И. Бурковой [2003], якутского – Н. Н. Ефремова [2015], бурятского – Н. Б. Даржаевой [2019]. В сопоставительном аспекте уступительные и противительные конструкции в тюркских языках Южной Сибири исследованы И. А. Невской [2010].

Традиционно к УК относят полипредикативные конструкции (ППК), в которых событие, представленное в главной предикативной единице (ГПЕ), «возникает и существует вопреки ожидаемому, прогнозируемому, нормальному ходу событий» [Храковский, 2004, с. 320] в зависимой предикативной единице (ЗПЕ).

Целью данной статьи является выявление и описание структурно-семантических типов уступительных конструкций в хакасском языке.

Для хакасского языка, как и для других тюркских языков, все УК однозначно специализированы в первую очередь за счет присутствия усилительной частицы *taa / tee*, *daa / dee* перед или после условной формы (=ca / =ce, =za / =ze) в простом глагольном сказуемом, перед условной формой в именном и сложном глагольном сказуемом в ЗПЕ.

Фактическим материалом исследования послужили примеры из хакасских художественных произведений.

Результаты и обсуждение

В УК ЗПЕ всегда предшествует ГПЕ. В хакасском языке, как и в других тюркских языках, уступительные отношения выражаются монофинитными ППК с синтетико-аналитическим показателем связи и бифинитными ППК с аналитическим показателем связи.

Специализированные средства выражения уступительных отношений:

1) монофинитная ППК со сказуемым ЗПЕ, выраженным общетюркской инфинитной формой на =ca / =ce, =za / =ze в сочетании с усилительной частицей *даа / дее, таа / тее*: *Tv=za даа / Tv даа Tv=za*;

2) монофинитная ППК со сказуемым ЗПЕ, выраженным именем в сочетании со скрепой *полза* ‘если’ и стоящей перед ней усилительной частицей *даа*: *N даа полза*;

3) бифинитная ППК со скрепой *андаг даа полза* ‘несмотря на это’;

4) бифинитная ППК со скрепой *хайди даа полза* ‘хоть как’ / *хайда даа полза* ‘хоть где’ / *хайдаг даа полза* ‘хоть какой’.

Монофинитные ППК со сказуемым ЗПЕ, выраженным формой глагола на =ca / =ce, =za / =ze в сочетании с усилительной частицей *даа / дее, таа / тее*, встречаются во всех тюркских языках.

1. Семантические типы уступительных конструкций

В имеющихся грамматических описаниях различают реально-уступительные и предположительно-уступительные конструкции [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 720], в которых выделяются более мелкие группы.

Для хакасского языка мы выделяем следующие семантические типы УК: реально-уступительные, условно-уступительные, уступительно-противительные, обобщенно-уступительные (генерализованные) и альтернативно-уступительные.

1.1. Реально-уступительные конструкции

В реально-уступительных конструкциях событие, обозначенное в ЗПЕ, рассматривается говорящим как фактическое, соответствующее реальному положению дел [Озонова, 2015, с. 66]. Зависимый предикат представляется формами глаголов (примеры (1) и (2)) и имен (примеры (3) и (4)) в сочетании с частицей *даа / дее, таа / тее*. Сказуемое ГПЕ выражается глаголом в индикативе. Как показывает выборка, данные УК встречаются в моносубъектном и разносубъектном оформлении.

(1) *Игурак, улуг частыг кизее полысса даа, ниме итчеткеннерин пир дее оңарыл полбинча* [Султреков, 1996, с. 61].

Игурак	улуг	час=тыг	кизее	полыс=са	даа
Игурак	старший	возраст=POSSV	человек.DAT	помогать=COND	PTCL:даже
ниме	ит=четкен=нер=i=n		пир дее	оңар=ыл	
что	делать=PART=PL=POSS.3=ACC		никогда	понимать=PASS	
пол=бинча					
быть=NEG.PRES					

‘Хоть Игурак и помогает старшим, но все равно не может понять что происходит.’

(2) *Суг тасса даа, чарына киредир* [Кильчичаков, 1991, с. 96].

суг	тас=са	даа	чар=ы=на	кир=едир
вода	разливаться=COND	PTCL:даже	берег=POSS.3=DAT	входит=PRES

‘Хоть вода и разливается, всегда возвращается в (свой) берег.’

(3) *Паба-иче лиг дее полза, чохсы угрен полбинча* [Тиников, 1977, с. 35].

паба-иче=лиг	дее	пол=за	чохсы	угрен
родители=POSSV	PTCL:даже	быть=COND	хорошо	учиться

пол=бинча
быть=NEG.PRES

‘Хоть у него есть родители, (он) не может хорошо учиться.’

(4) *Көмес тее полза, малымны прай колхозха сыйлапчам* [Кильчичаков, 1991, с. 31].

көмес	тее	пол=за	мал=ым=ны	прай	колхоз=ха
немного	PTCL:даже	быть=COND	скот=POSS.1=ACC	весь	колхоз=DAT

сыйла=пча=м
дарить=PRES=1SG
'Хоть и немного, но весь свой скот дарю колхозу.'

Именная аналитическая форма сказуемого ЗПЕ широко используется в пословицах и поговорках. По сути, здесь не выражаются реально-уступительные отношения, «а противопоставляются два явления» [Шамина, 2010, с. 172]:

(5) *Ибірiс тее полза, чол чахсы, / Ирiнчек тее полза, хыс чахсы*
ибiрiс   **тее**   **пол=за**   чол   чахсы   **ирiнчек**   **тее**
 окольный **PTCL:даже**   **быть=COND**   дорога   хорошо   **ленивый**   **PTCL:даже**
 полза   хыс   чахсы
быть=COND   девушка   хорошо
 'Хороша дорога, хоть и окольная, / Хороша девушка, хоть и ленивая' [Хыйга сös, 2021, с. 143].

(6) *Айлас таа полза, чол чахсы, / Айлыг даа полза, хыс чахсы*
айлас   **таа**   **пол=за**   чол=Ø   чахсы   **ай=лыг**
 окружной **PTCL:даже**   **быть=COND**   дорогая   хорошо   **месяц=POSSV**
 даа   **полза**   хыс=Ø   чахсы
PTCL:даже   **быть=COND**   девушка   хорошо
 'Хоть окружная, / Все же дорога, / Хоть и беременная, / Все же дочь' [Хыйга сös, 2021, с. 147].

Если сказуемое ЗПЕ выражено деепричастной аналитической конструкцией, то частица *даа* может стоять между основным и вспомогательным глаголами.

(7) *Ол минi позынзар хыгыртаачатса, парбаспын.*
 ол   минi   позы=нзар   **хыгыр=таа=чат=са**   пар=бас=пын
 он   я.ACC   сам=LAT   **звать=PTCL=PRES=COND**   идти=NEG/PrP=1SG
 'Хоть он меня и зовет к себе – не пойду.'

1.2. Условно-уступительные конструкции

Условно-уступительные конструкции бывают реальными условно-уступительными и нереальными условно-уступительными.

1.2.1. Реальные условно-уступительные конструкции

В реальных условно-уступительных конструкциях сказуемое ГПЕ выражается формой будущего времени на =*ар* / =*бас*.

(8) *Пiр-iкi сас тiс тее парза, пас чалаас халбас* [Кильчичаков, 1991, с. 161].
 пiр-iкi   сас   тiс   тее   пар=за   пас   чалаас
 один-два   волосы   опадать   **PTCL:даже**   идти=COND   голова   голый
хал=бас
оставаться=FUT.NEG
 'Даже если опадут одна-две волосинки, голова лысой **не будет**.'

(9) *Öл тее халзам, чалгыс позымның нимезi ылгап халар* [Доможаков, 1975, с. 225].
 öл   тее   хал=за=м   чалгыс   поз=ым=ның
 умирать   **PTCL:даже**   **AUX:оставаться=COND=1SG**   одинокий   сам=POSS.1SG=GEN
 ниме=zi   ылга=п   **хал=ар**
 что=POSS.3   плакать=CV   **AUX:оставаться=FUT**
 'Если (я) даже умру, кто меня **будет оплакивать**.'

Нередко встречаются примеры, в которых в качестве сказуемого ГПЕ выступают глаголы в форме оптатива (10), (11) и императива (12), (13), (14), (15), а в роли зависимого сказуемого – имена прилагательные:

(10) *Хомай даа полза, мини полгай* [Кильчичаков, 1991, с. 197].

хомай даа пол=за мин=и пол=гай
плохой PTCL:даже быть=COND я=POSS.1 **быть=OPTS**
 ‘Хоть даже **плохой**, да пусть будет моим.’

(11) *Чабал даа полза, адайым полгай за* [Тиников, 1977, с. 43].

чабал даа пол=за адай=ым пол=гай за
плохой PTCL:даже быть=COND собака=POSS.1SG **быть=OPTS** PCTL: же
 ‘Хоть даже и **плохая**, да пусть будет моей собакой.’

(12) *Ибiм тизiк тее полза, столыма одырыбох алыңар* [Доможаков, 1975, с. 69].

иб=iм тизiк тее пол=за стол=ым=a
 дом=POSS.1SG дырявый PTCL:даже быть=COND стол=POSS.1SG=DAT
одыр=ыб=ох ал=ыңар
садиться=CV=PTCL:тоже AUX: брать=IMP.2PL
 ‘Хоть дом мой и **ветхий**, приглашаю (вас) за стол (посидите за моим столом).’

(13) *Чабал даа полза, / Кибiң ползын, / Идiң соохха тоңмас.*

чабал даа пол=за киб=iң пол=зын
плохой PTCL:даже быть=COND пальто=POSS.2SG быть=IMP.3SG
 ид=iң соох=ха тоң=мас
 тело=POSS.2SG холод=DAT мерзнуть=FUT.NEG
 ‘Хоть и **ветхая**, / А пусть одежда будет, / Тело на холоде не замерзнет’ [Хыйга сөс, 2021, с. 80].

(14) *Пазың соох таа полза, / Азагың чылыгда тут.*

паз=ың соох таа пол=за азаг=ын
 голова=POSS.2SG **холодный** PTCL:даже быть=COND нога=POSS.2SG
 чылыг=да тут
 тепло=LOC **держать. IMP.2SG**
 ‘Хоть голова и холодная, / а ноги в тепле **держи**’ [Хыйга сөс, 2021, с. 23].

(15) *Арых таа полза, / Симiске паала, / Ас таа полза, / Кiңке паала.*

арых таа пол=за симiс=ке паала
худой PTCL:даже быть=COND жирный=DAT **оценивать. IMP.2SG**
ас таа пол=за кiп=ке паала
мало PTCL:даже быть=COND много=DAT **оценивать. IMP.2SG**
 ‘Хоть и **постное**, / За жирное считай, / Хоть и **малое**, / За многое **считай**’ [Хыйга сөс, 2021, с. 70].

1.2.2. Нереальные условно-уступительные конструкции

В нереальных условно-уступительных конструкциях сказуемое ГПЕ принимает показатель сослагательного наклонения =чых / =чiк.

(16) *Андаг полчаң полза, олзем дее – олдиm тiбесчiкпiн* [Кильчичаков, 1995, с. 55].

андаг пол=чаң пол=за ол=зе=м
 такой быть=PP AUX: быть=COND умирать=COND=1SG
дее ол=ди=m тi=бесчiк=пiн
PCTL: даже умирать=PAST=1SG **говорить=CON.NEG=1SG**
 ‘Если бы было так, если бы [я] даже умер, то [я] **сказал бы**, что не умер.’

1.3. Уступительно-противительные конструкции

В уступительно-противительных конструкциях представлена как уступительная, так и противительная ситуация. По нашим данным, в хакасском языке противительную ситуацию маркирует уступительная скрепа *андаг даа полза* ‘несмотря на это’.

(17) *Олган хайди табырах өс парадыр, өңненчеткен порчодаң пасха нимес. Андаг даа полза, ниме чахсызын көрчелер* [Кильчичаков, 1991, с. 6].

олган	хайди	табырах	өс	пар=адыр	өңнен=четкен
ребенок	как	быстро	расти	AUX: идти=PRES	расцветать=PP
порчо=даң	пасха	нимес	андаг	даа	пол=за ниме
цветок=INSTR	другой	NEG	такой	PTCL:даже	быть=COND что
цахсы=зы=н		көр=че=лер			
хороший=POSS.3=ACC		смотреть=PRES=PL			

‘Как быстро вырастают дети, ничем не отличаются от цветущего цветка. Несмотря на это, что хорошего они видят.’

(18) *Чарба үгре хайнадып аларга хуруг салаалар чидерчик. Андаг даа полза, оолагас пазох ла агас аразынзар пастыра халган* [Султреков, 1996, с. 20].

чарба	үгре	хайна=д=ып	ал=арга	хуруг	салаа=лар
крупя	суп	варить=CAUS=CV	AUX: брать=INF	сухой	ветки=PL
чид=ерчик	андаг	даа	пол=за	оолагас	пазох
хватать=CON	такой	PTCL:даже	быть=COND	мальчик	снова
ла	агас	аразы=нзар	пастыр=а	хал=ган	
PTCL:лишь	дерево	между=LAT	шагать=CV	AUX: оставаться=PP	

‘Чтобы сварить суп из крупы, хватило бы и сухих веток. Несмотря на это, мальчик (все же) снова ушел в лес.’

Кроме того, противительную ситуацию может маркировать сочетание противительного союза *че* ‘но’ с уступительной скрепой *андаг даа полза* (*че андаг даа полза* ‘но, несмотря на это’). За счет такого сочетания усиливается противоречивость ситуации.

(19) *Зойка сизіктіг хызыцах полган, че андаг даа полза, (Зойка) пабазынаң суғ хысхан* [Доможаков, 1975, с. 16].

Зойка	сизіктіг	хызыцах	пол=ған	че	андаг
Зойка	сообразительная	девочка	быть=PAST	CONJ: но	такой
даа	пол=за	(Зойка)	паба=зы=наң	суғ	хыс=хан
PTCL:даже	быть=COND	(Зойка)	отец=POSS.3=ABL	вода	требовать=PP

‘Зойка была сообразительной девочкой, **но, несмотря на это**, она требовала у отца воды.’

(20) *Чалчылар пістің пазыбысха сыгарга чөрлер. Че андаг даа полза, Хароол пістің холыбыста* [Кильчичаков, 1991, с. 21].

чалчы=лар	піс=тің	паз=ыбыс=ха	сыг=арга	чөр=лер
батрак=PL	мы=GEN	голова=POSS.1/PL=DAT	выходить=INF	AUX: ходить=PL
че андаг	даа	полза	Хароол	піс=тің
но такой	PTCL:даже	быть=COND	Хароол	мы=GEN
хол=ыбыс=та				
рука=POSS.3.PL=LOC				

‘Батраки хотят справиться с нами (букв.: подчинить нас себе). **Но, несмотря на это**, Хароол в наших руках’.

1.4. Обобщенно-уступительные (генерализованные) конструкции

В генерализованных конструкциях зависимое сказуемое принимает условную форму на =*ca* и сочетается с вопросительными местоимениями *ниме* 'что', *хайди* 'как', *хайда* 'где', *хайдаг* 'какой' в сочетании с частицей *даа*. Семантически можно выделить повторяющиеся (пример (21)) и интенсивные уступительные (примеры (22), (23), (24)) конструкции.

(21) *Ниме дее чоохтанза, ууча хызын испеен* [Ах тасхыл, 1988.с. 45].

ниме   **дее**   **чоохтан=за**   ууча   хыз=ы=н
что   **PTCL:даже**   **говорить=COND**   бабушка   дочь=POSS.3=ACC
 ис=пе=ен
 слушать=NEG.PAST

'Что бы [она] ни говорила, бабушка не слушала свою дочь.'

(22) *Хайди даа полза, пу ирен аның көңніне кірче* [Султреков, 1996, с. 89].

хайди   **даа**   **пол=за**   пу   ирен   аның   көңні=не
как   **PTCL:даже**   **быть=COND**   этот   мужчина   его   настроение=DAT
 кір=че
 входить=PRES

'Как бы то ни было, этот мужчина ей нравится.'

(23) *Хайди даа адазаң, орта полар* [Чарков, 1994, с. 81].

хайди   **даа**   **ада=за=ң**   орта   пол=ар
как   **PTCL:даже**   **называть=COND=2SG**   правильно   быть=FUT

'Как бы ты ни назвал, будет правильно.'

(24) *Хайдаг даа полза, таныс чирлер* [Султреков, 1996, с. 80].

хайдаг   **даа**   **пол=за**   таныс   чир=лер
какой   **PTCL:даже**   **быть=COND**   знакомый   место=PL

'Какие бы ни были, но знакомые места.'

1.5. Альтернативные уступительные конструкции

К альтернативно-уступительным относятся конструкции, в состав ЗПЕ которых входят два глагола в положительной и отрицательной формах условного наклонения на =*ca* в сочетании с частицей *даа* (пример (25)), или зависимый глагол употребляется в положительной и отрицательной формах императива, а уступительное значение усиливается за счет частицы *ла* 'ведь, все равно' (пример (26)). В ГПЕ «описывается такое положение дел, которое происходит вопреки мнению об ожидаемом событии» [Ефремов, 2015, с. 176].

(25) *Хорыхса даа, хорыхпаза даа, ибзер парарга кирек.*

хорых=са   **даа**   **хорых=па=за**   **даа**   иб=зер
бояться=COND   **PTCL:даже**   **бояться=NEG=COND**   **PTCL:даже**   дом=LAT
 пар=арга   кирек
 идти=INF   нужно

'Бойся, не бойся, а домой идти надо.'

(26) *Пу тогысха хын, хынма, тогынарга ла кирек.*

пу   тогыс=ха   **хын**   **хын=ма**   тогын=арга
 это   работа=DAT   **люби.IMP.2SG**   **люби=IMP.NEG.2SG**   работать=INF
ла   кирек
 PTCL   нужно

'Любишь-не любишь эту работу, а работать все равно надо.'

Выводы

Таким образом, в хакасском языке, как и в других тюркских языках, основным средством выражения уступительных отношений является ППК с синтетико-аналитическими и аналитическими средствами связи, в зависимой части которых сказуемое выражается именем или глаголом в форме условного наклонения в сочетании с общетюркской усилительной частицей *даа / дее, таа / тее*. ЗПЕ структурно всегда занимает препозитивную позицию. Нами выявлено пять сематических типов уступительных конструкций: реально-уступительные, условно-уступительные, условно-противительные, обобщенно-уступительные и альтернативные.

Таблица 1
Table 1

Структурные типы уступительных конструкций хакасского языка
Structural types of concessive constructions of the Khakass language

Специализированные средства	Семантические типы УК					
	Реально-уступительные	Условно-уступительные		Уступительно-противительные	Обобщенно-уступительные	Альтернативные
		Реальные	Нереальные			
(Tv=за даа), [ГПЕ]	+		+			
(Tv= даа Tv=за), [ГПЕ]	+	+				
(N даа пол=за), [ГПЕ]	+	+				
(Андаг даа пол=за), [ГПЕ]				+		
(Ниме дее пол=за), [ГПЕ]					+	
(Хайди даа Tv=за), [ГПЕ]					+	
(Tv=са даа, Tv=па=за даа), [ГПЕ]						+
(Tv=IMP, Tv= IMP.NEG), [ГПЕ]						+

Список литературы

- Абумова О. Д. Средства выражения уступительных отношений в русском, хакасском и тувинском языках // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. № 2 (8). С. 5–7.
- Абумова О. Д. Бессоюзные сложные предложения с уступительными отношениями между частями в русском и хакасском языках // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 284–285.
- Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
- Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
- Даржаева Н. Б. Квазисинонимические уступительные конструкции в бурятском языке // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 4. С. 682–690.
- Ефремов Н. Н. Уступительные конструкции в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 173–180.
- Кызласова И. Л., Султрекова З. И. Аналитические формы условного наклонения в современном хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 51–53.
- Невская И. А. Уступительные и противительные конструкции в тюркских языках Сибири // Российская тюркология. 2010. № 2. С. 17–23.
- Озонава А. А. Уступительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 62–70.

Субракова О. В. Средства выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 22–39.

Храковский В. С. Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. 625 с.

Шамина Л. А. Уступительные конструкции тувинского языка // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 32–42.

Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. 240 с.

Шамина Л. А. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций тувинского языка // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / Отв. ред. А.А. Мальцева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2018. С. 315–316.

Шубина Т. П. Семантика обусловленности в сложноподчиненном предложении (на материале алтайского языка) // Синтаксическая и лексическая семантика на материале разных языков. Новосибирск, 1986. С. 66–78.

Список источников

Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1975. 256 с.

Кильчичаков М. Е., Шулбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г. Пьесалар. «Всходы». Сборник пьес. Абакан: Хак. издат., 1991. 264 с.

Султреков А. Е. Дуплистое дерево. Повесть (на хакасском языке). Абакан. Хакас. кн. изд-во, 1996. 96 с.

Тиников Н. Е. Кавристің көглері (Песни Кавриса): повесть (на хакасском языке). Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1977. 124 с.

Тиников Н. Е. Арчот хам: сб. рассказов для детей старшего школьного возраста. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2011. 160 с.

Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар. Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки. 4-е изд., доп. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

Чарков С. И. Ах Ыўс хазында. (На берегу Белого Июса). Сборник рассказов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1994. 176 с.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

+ – возможные соотношения структурных и семантических типов уступительных конструкций;
 = – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; [ ] – границы ГПЕ; ( ) – границы ЗПЕ; **1, 2, 3** – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **ABL** – аффикс исходного падежа; **ADJ** – прилагательное; **ACC** – винительный падеж; **COND** – условное наклонение; **CONJ** – союз; **LOC** – местный падеж; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – родительный падеж; **INF** – инфинитив; **IMP** – повелительное наклонение; **INSTR** – орудный падеж; **LAT** – направительный падеж; **PROL** – продольно-направительный падеж; **PASS** – страдательный залог; **N** – имя; **NEG** – отрицание; **CV** – деепричастная форма; **OPTS** – желательное наклонение; **PP** – прошедшее время; **SG** – единственное число; **PL** – множественное число; **POSSV** – аффикс обладания; **PRES** – аффикс настоящего времени; **FUT** – аффикс будущего времени на =ap; **POSS** – аффикс принадлежности; **POST** – послелог; **PL** – множественное число; **PTCL** – частица; **PFV** – совершенный вид; **Tv** – основа глагола.

References

Abumova O. D. Bessoyuznye slozhnye predlozheniya s ustupitel'nymi otnosheniyami mezhdu chastyami v russkom i khakasskom yazykakh [Complex sentences without conjunctions with concessive relations between the parts in Russian and Khakassian languages]. *The world of science, culture and education*. 2015, no. 3 (52), pp. 284–285. (In Russ.).

Abumova O. D. Sredstva vyrazheniya ustupitel'nykh otnosheniy v russkom, khakasskom i tuvinskom yazykakh [Means of expressing concessional relations in the Russian, Khakass, and Tuvan languages]. *Sayan-Altai scientific review*. 2014, no. 2 (8), pp. 5–7. (In Russ.).

Darzhayeva N. B. Kvazisinonimicheskie ustupitel'nye konstrukcii v buryatskom yazyke [Quasi-synonymic concessive constructions in the Buryat language]. *Oriental Studies*. 2019, vol. 12, no. 4, pp. 682–690. (In Russ.).

Efremov N. N. Ustupitel'nye konstrukcii v yakutskom yazyke [Concessive constructions in the Yakut language]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 1, pp. 173–180. (In Russ.).

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka, 1970, 767 p. (In Russ.).

Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. Baskakov N. A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 417 p. (In Russ.).

Khrakovskij V. S. Tipologiya ustupitel'nykh konstrukcij [Typology of concession constructions.]. SPb., «Nauka», 2004, 625 p. (In Russ.).

Kyzlasova I. L., Sultrekova Z. I. Analiticheskie formy uslovnogo nakloneniya v sovremennom khakasskom yazyke [Analytical forms of conditional mood in the modern Khakass language]. *Bulletin of the Katanov Khakass State University*. 2018, no. 26, pp. 51–53. (In Russ.).

Nevskaya I. A. Ustupitel'nye i protivitel'nye konstrukcii v tyurkskikh yazykakh Sibiri [Concessive and contrastive constructions in the Turkic languages of Siberia]. *Russian Turkology*. 2010, no. 2, pp. 17–23.

Ozonova A. A. Ustupitel'nye konstrukcii v altajskom yazyke [Concessive constructions in the Altai language]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 62–70. (In Russ.).

Shamina L. A. Ustupitel'nye konstrukcii tuvinskogo yazyka [Concessional constructions of the Tuvan language]. In: *Yazyki narodov Sibiri. Grammaticheskie issledovaniya Languages of the peoples of Siberia. Grammatical research*. Novosibirsk, 1991, pp. 32–42. (In Russ.).

Shamina L. A. *Analiticheskie grammaticheskie formy i konstrukcii v funkcii skazuemogo v tuvinskom yazyke* [Analytical grammatical forms and constructions in the predicate function in the Tuvan language]. Shirobokova N.N. (Ed.), Novosibirsk, 2010, 240 p.

Shamina L. A. Strukturnaya i semanticheskaya slozhnost' sintaksicheskikh konstrukcij tuvinskogo yazyka [Structural and semantic complexity of syntactic constructions of the Tuvan language]. *The complexity of the languages of the Siberian region in a diachronic-typological perspective* / Edited by A.A. Maltseva; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Philology. Novosibirsk: Academic Publishing House "Geo", 2018. pp. 315–316. (In Russ.).

Shubina T. P. Semantika obuslovlennosti v slozhnopodchinennom predlozhenii (na materiale altajskogo yazyka) [The semantics of conditionality in a complex sentence (based on the material of the Altai language)]. In: *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika na materiale raznykh yazykov* [Syntactic and lexical semantics based on the material of different languages]. Novosibirsk, 1986, pp. 66–78. (In Russ.).

Subrakova O. V. Sredstva vyrazheniya sintaksicheskoy svyazi v slozhnopodchinennykh predlozheniyah [Means of expressing syntactic connection in complex sentences]. In: *Issledovaniya po sovremennomu khakasskomu yazyku* [Studies on the modern Khakassian language]. Abakan, 1980, pp. 22–39. (In Russ.).

List of sources

Charkov S. I. *Na beregu Belogo Iyusa* [On the shore of the White Iyus]. Sbornik rasskazov. Abakan, Khakas. kn. izd., 1994, 176 p. (In Khak.).

Domozhakov N. G. *Yrakhkhy aalda. Roman* [Yrakhhy aalda. A novel]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1975, 256 p. (In Khak.).

Kil'chichakov M. E., Shulbaeva V. G., Mitkhas Turan, Kotozhikov G. G. P'esalar. "Vskhody". *Sbornik p'es* ["Sprouts." A collection of plays]. Abakan, Khak. izdat., 1991, 264 p. (In Khak.).

Mudroe slovo: khakasskie posloviцы, pogovorki i zagadki [A wise word: Khakass proverbs, sayings and riddles]. State Research Institute of Khakassia Institute of Language, Literature and History, U. N. Kirbizhekova, Yu. I. Chaptkykova, N. S. Chistobaeva (Ed., comp.), 4th ed., rev. Abakan, Khakas. kn. izd. im. V. M. Torosova, 2021, 188 p. (In Khak.).

Sultrekov A. E. *Duplistoe derevo. Povest' (na khakasskom yazyke)* [A hollow tree. A Story (in Khakas)]. Abakan. Khakas. kn. izd., 1996, 96 p. (In Khak.).

Tinikov N. E. *Pesni Kavrisa: povest'* [Songs of Kavris: a story]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1977, 124 p. (In Khak.).

Tinikov N. E. *Archot kham: sb. rasskazov dlya detey starshego shkol'nogo vozrasta* [Archot kham: a collection of stories for children of high school]. N. Tinikov. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2011, 160 p. (In Khak.).

Сведения об авторе

Чугунекова Алена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: chugunekowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1046-5699

WoS Researcher ID: M-6869-2018

Information about the Author

Alena N. Chugunekova – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: chugunekowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1046-5699

WoS Researcher ID: M-6869-2018

ХРОНИКА

УДК 092+001.8 "1939/2022"

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-134-136

Об ученом-фольклористе Клавдии Ергековне Укачиной

Н. Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Об ученом-фольклористе Клавдии Ергековне Укачиной // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 134–136. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-134-136

About the folklore scientist Klavdiya Ergekovna Ukachina

N. R. Oynotkinova

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia, Russian Federation

For citation

Oynotkinova N. R. Ob uchenom-fol'kloriste Klavdii Ergekovne Ukachinoy [About the folklore scientist Klavdiya Ergekovna Ukachina]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 134–136. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-134-136

На 84-м году покинула этот мир светлый, доброжелательный, мудрый человек, ученый-фольклорист, кандидат филологических наук Клавдия Ергековна Укачина.

Клавдия Ергековна родилась 16 февраля 1939 г. в ныне не существующем с. Боочи, которое находилось недалеко от с. Нижняя Талда Онгудайского района Республики Алтай. После окончания школы в 1958 г. она поступила в Горно-Алтайский государственный педагогический институт по специальности «Учитель русского языка и литературы, алтайского языка и литературы». После успешного окончания учебы в 1963 г. начала трудовую деятельность учителем-воспитателем в интернате Горно-Алтайской областной национальной средней школы. В 1968 г. перешла в Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, на должность старшего корректора.

С января 1971 г. Клавдия Ергековна стала работать в отделе фольклора Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ). Вся ее последующая трудовая деятельность была связана с этим научным учреждением, где она выросла от должности лаборанта до ведущего научного сотрудника. Она была одним из первых сотрудников сектора народного творчества с момента его открытия в 1973 г. Первым ее научным трудом стал сборник текстов «Алтайские загадки», изданный в 1981 г. в Горно-Алтайском отделении Алтайского книжного изда-

© Н. Р. Ойноткинова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

тельства». Собранные из опубликованных и неопубликованных, архивных и полевых источников более тысячи алтайских загадок были введены в научный оборот с научно-художественными переводами, отражающими жанровый стиль и образность, они были сгруппированы по тематическим разделам. В предисловии к сборнику автор кратко охарактеризовала жанровые особенности алтайских загадок. В настоящее время это единственное максимально полное издание, в котором были представлены загадки как южных диалектов алтайского языка, так и северных. По вариантам загадок можно проследить, насколько широко бытовали в XX в. загадки, как своим родным фольклором владели носители алтайского языка.

В 1984 г. в г. Ташкенте (Узбекской ССР) К. Е. Укачина успешно защитила диссертацию «Алтайские народные загадки», ей была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. В ее одноименной монографии впервые в фольклористике были даны системное описание и классификация алтайских загадок, описаны лексические особенности этих малых жанров (1989).

Клавдия Ергековна Укачина, избравшая путь настоящего ученого-фольклориста, с самого начала работы в институте собирала фольклорный материал в различных экспедициях по районам Республики Алтай. Ей удалось записать сказания, сказки, легенды, предания и другие жанры у таких известных знатоков фольклора, сказителей, как А. Г. Калкин, Н. К. Ялатов, Т. А. Чачияков, Ш. Марков, Н. П. Черноева, А. К. Туймешев и др. Клавдией Ергековной собрано большое количество фольклорного материала, который лег в основу последующих научных изысканий.

Уникальным явлением стали научные статьи К. Е. Укачиной, посвященные обрядовому фольклору алтайцев. В соавторстве с Е. Е. Ямаевой ею был подготовлен и опубликован сборник на алтайском языке «Алтай алкыштар» («Алтайские благопожелания»; 1993). В пору активного бытования фольклора К. Е. Укачиной также удалось зафиксировать интересные сведения об обрядовом фольклоре тубаларов, одного из малочисленных диалектных групп алтайцев. В книге «Тубалары (черневые татары): этническая история, традиционная хозяйственная деятельность, культура и этноэкология» (2008; одним из авторов является кандидат искусствования С. Н. Тарбанакова) Клавдия Ергековна Укачина опубликовала статьи о календарном празднике Дьылгайак, семейной и трудовой обрядности тубаларов. К. Е. Укачина не раз выступала на всероссийских и международных конференциях в Институте филологии СО РАН (г. Новосибирск) с докладами о фольклоре и обрядах алтайцев. Тексты ее выступлений опубликованы в материалах конференций.

Как настоящий фольклорист К. Е. Укачина хорошо умела исполнять алтайские народные песни – дьангар-кожонг (*jan̄gar-kōjon̄g*), которые выполняют важную коммуникативную функцию в системе обрядности этноса. Как известно, их поют во время различных обрядов и праздников, и в частности во время свадьбы. Собранные К. Е. Укачиной совместно с коллегами песни вошли в сборник на алтайском языке «Алтай калыктын кожондоры (= «Алтайские народные песни»; составители М. А. Демчинова, А. А. Конунов, К. Е. Укачина. Предисл., примеч. и коммент. М. А. Демчиновой. Горно-Алтайск: Науч.-исслед. ин-т им. С.С. Суразакова, 2010. 112 с.).

Алтайская свадьба становилась объектом исследования этнографов, лингвистов, фольклористов. Особенностью фольклористического изучения свадьбы является то, что исследуемый объект необходимо представить в его полноте, во всех аспектах – композиционно-структурном, содержательном и коммуникативном. Именно такой подход продемонстрировала в своих книгах К. Е. Укачина «Алтай той» (= «Алтайская свадьба», 2012) и «Алтай тойдын чўм-јандары» (= «Обряды алтайской свадьбы», 2020). В настоящее время, когда фольклор постепенно утрачивается, эти труды имеют большую

практическую и теоретическую ценность как для исследователей, так и для широкого круга читателей, интересующихся алтайской традиционной свадьбой.

Наряду с научной деятельностью Клавдия Ергековна вела большую общественную работу: являлась членом профкома, членом общества «Знание». Она читала лекции молодежи города и области, принимала активное участие в курсах переподготовки учителей. За активную и общественную работу Клавдия Ергековна неоднократно получала благодарность от дирекции ГАНИИИЯЛ. Награждена Почетной грамотой ГК КПСС (1982), Почетной грамотой Алтайского краевого комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений (1988). В 1987 г. в знак признания ее профессиональных заслуг фотография К. Е. Укачиной была размещена на доске почета г. Горно-Алтайска. Награждена Почетной грамотой Правительства Республики Алтай (1999). Звание «Ветеран труда» ей присвоено в 1989 г. Фольклорист принимала активное участие в деле популяризации памятников алтайского фольклора: на страницах Республиканской газеты «Алтайдын Чолмоны» не раз публиковались ее статьи. Ее заслуги в области науки, культуры и образования высоко оценены Правительством Республики Алтай. За большие достижения в изучении фольклора своего народа Клавдия Ергековна в 2004 г. стала Лауреатом Премии имени А. Г. Калкина, народного сказителя-кайчи, учрежденной в 2011 г. и вручаемой ежегодно авторам и творческим коллективам за достижения и общественно значимые исследования в области народного творчества.

Прекрасные профессиональные и человеческие качества, доброжелательность и честность позволили Клавдии Ергековне заслужить уважение со стороны коллег и всего научного сообщества. Научное наследие К. Е. Укачиной навсегда останется частью российской и мировой тюркологии.

Коллеги из Института филологии СО РАН выражают глубокие соболезнования родным и близким Клавдии Ергековны. Светлая память о замечательном ученом, посвятившем всю свою жизнь сохранению алтайского языка и фольклора, будет жить в сердцах ее коллег и единомышленников.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.11.2022*

Сведения об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: n.bayzhanova@mail.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: n.bayzhanova@mail.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085